

СТИМЕ
story

№ 5

Дарья ДОНЦОВА
Елена МИХАЛКОВА
Татьяна УСТИНОВА

а также

Мария Брижер
Анна Данилова
Дарья Калининна
Галина Романова
Лариса Соколова

Annotation

Детективный рассказ требует от автора высшего мастерства, ведь закрутить интригу, расследовать преступление и разоблачить преступника надо всего на нескольких страницах! Этим даром блестяще владеют Дарья Донцова, Татьяна Устинова, Елена Михалкова и другие известные авторы. Наслаждайтесь новыми гранями их таланта!

- [Crime Story № 5](#)
 - [Мария Брикер](#)
 - [Анна Данилова](#)
 - [Дарья Донцова](#)
 - [Дарья Калинина](#)
 - [Елена Михалкова](#)
 - [Галина Романова](#)
 - [Лариса Соболева](#)
 - [Татьяна Устинова](#)
-
-

Crime Story № 5

Мария Брикер

Винтаж

Горячее дыхание растопило морозный узор на стекле. За окном Москва переливалась гирляндами новогодних огней, взрывалась петардами и радостными воплями подвыпивших граждан. Ребров почесал нос и страдальчески вздохнул. Вместо того чтобы сейчас провожать старый год, он вынужден расследовать насильственную смерть жены крутого бизнесмена, популярной актрисы и светской львицы Маргариты Андреевны. Какого рожна, спрашивается, служительницу Мельпомены грохнули в канун Нового года? Ребров был несчастен и зол на весь мир. Зол был не только он один.

– Раскольников, етить твою налево! – выругался судмедэксперт Козлов. – Надо же было ей так голову топором разmozжить. Такую красоту изуродовал! Зачем? Раз уж приспичило ее прибить, мог бы решить дело иным способом. Ножом, например, в сердце или канделябром по макушке. В прихожей отличные канделябры. Раз – и все дела. Нет же – топором по лбу. Слушай, Ребров! Представляешь, а до меня только сейчас дошло, почему Достоевский дал своему герою такую фамилию. Она же говорящая, Ребров! – Судмедэксперт оторвался от осмотра трупа и вперил взор в следователя, ожидая не то опровержения своего предположения, не то похвалы за это удивительное наблюдение.

– У тебя тоже фамилия говорящая, – хмыкнул Ребров.

– Злой ты, Павел Сергеевич, – обиделся Козлов.

– Я добрый, потому что топорами по башке никому не фигачу, красивых баб не увечу, законов не нарушаю, жену люблю и уважаю. О, стихи вышли! – удивился следователь. – Вроде не пил.

– А я пил, – радостно сообщил эксперт и вдруг запел: – Ла-ла-лей-ла, ла-ла-лей-ла...

Действительно, пил, пришел к выводу Ребров и завистливо вздохнул.

– Хотя все в этой жизни относительно. Неизвестно, как бы я отреагировал, если бы увидел фотографии, на которых моя жена в постели с любовником кувыркается, – философски изрек следователь. – Может быть, тоже за топор схватился бы.

– Думаешь, это ее муженек из-за тех фоток зарубил?

– А что тут думать? Ясно все как божий день. Андреевна поплатилась за свою разгульную жизнь. Свидетельские показания это подтверждают. Новый год супруги планировали встретить в подмосковном элитном клубе, где бизнесмен устраивал для своих сотрудников корпоративную вечеринку. Супруга на этой вечеринке должна была роль Снегурки исполнять. В клубе он провел весь день, чтобы проконтролировать подготовку, уладил все проблемы и поехал за женой. Консьержка говорит, что муж Андреевны вошел в подъезд около девяти вечера, взял почту, поднялся к себе. Минут через десять он вылетел из подъезда как ошпаренный, сел в машину и вдарил по газам. Смерть Андреевны, по твоим словам, произошла как раз в промежутке между половиной девятого и половиной десятого вечера. Штамп на конверте, в котором прислали фотографии, уличающие звезду в измене, сегодняшний. Вывод: он увидел грязные фотки, озверел, прибил неверную супругу и свалил.

– Может, ты и прав. Характер повреждений на теле жертвы тоже подтверждает эту версию: убийца действовал в состоянии крайнего психического возбуждения.

– О чем и речь. В розыск надо бизнесмена объявлять, срочно, пока он не слинял куда-нибудь в Швейцарию. Звякну я, пожалуй, заодно знакомому журналисту. Вот он обрадуется: звезда Андреевна зарублена топором собственным мужем – чем не новогодний триллер? Надеюсь, журналист еще в сознании и успеет материал дать в последний выпуск новостей.

Версаче отдыхает! Зайцев и Юдашкин нервно курят в сторонке. Супер-пупер – как любит выражаться мама. Концептуально – как обожает говорить отец. Розовое платьице в черный горох нашлось на самом дне бабушкиного сундука, но было в идеальном состоянии. И сидело восхитительно, все несуразности фигуры выправило. Может, манекенщицы и гордятся длинными ножницами, но она не манекенщица, а студентка-медик, и нижние конечности ей вечно мешают. Джинсы и юбки то коротки, то в талии велики – сплошные мучения. Но это платье было создано словно специально для нее. Заниженная талия поправила геометрию пропорций, плиссе увеличило узкие бедра, воротник прибавил объема груди. Марк обязательно оценит ее

праздничный наряд. Не может не оценить. Ведь именно ради него она старалась. Сколько раз жених оборачивался с восхищением на девушек, одетых в модном нынче стиле «винтаж», а затем комментировал наряды и выставлял оценки по десятибалльной шкале. Алиса подыгрывала жениху, ставила свою оценку, но в душе расстраивалась: на нее Марк никогда с таким восхищением не смотрел, общался по-дружески, как с рубашкой-парнем. Может, оттого, что Алиса предпочитала джинсы, юбочки а-ля школьница, вязаные свитера под горло, мужские рубашки и футболки. Теперь она поняла, как прав был Марк, когда намекал, что ей следует одеваться более оригинально, размышляла Алиса, пристально вглядываясь в свое отражение в зеркале шкафа. Из зазеркалья на нее смотрела эффектная красотка, словно сошедшая с обложки модного глянцевого журнала. Прическа в стиле сороковых, которую соорудила из ее длинных рыжих волос соседка-парикмахерша, тоже необыкновенно ей шла. Все было безупречно, классно, здорово! Интересно, в чем Марк явится на смотрины? Впрочем, неважно. Он в любом наряде хорош и родителям обязательно понравится. Здорово она придумала – представить предкам жениха именно в волшебную новогоднюю ночь.

Они узнали друг о друге на сайте знакомств. Алиса разместила анкету, поддавшись на уговоры подруги, Марк – ради хохмы. Завязалась переписка. Начался головокружительный виртуальный роман, который затем перерос в реальный, правда, уже не такой головокружительный. В жизни Марк был немного скуповат на эмоции и открывался полностью лишь в Сети, только там он чувствовал себя легко и свободно. Алиса тоже всерьез увлеклась виртуальной жизнью, и они продолжили активно общаться через Интернет, часами трепались по «аське», отправляли друг другу по мейлу смешные открытки, приколы и стихи. Предложение Марк ей сделал тоже по Интернету, прислал виртуальный подарок и огромный букет цветов. Это было так романтично!

– Пупсенок, можно к тебе? – в дверь заглянула мама и замерла на пороге. – Ой, как ты выглядишь необычно! Что это за старье ты на себя нацепила?

– Mam, это же «винтаж»! – вспыхнула Алиса.

– А, ну да, прости, пожалуйста. Как же я сразу не догадалась.

– И очень тебя прошу, не называй меня при Марке пупсеночком! Это невыносимо, мама! Я уже не маленькая девочка!

– За майонезом не сбегаешь, не маленькая девочка? Я не рассчитала немного, – рассмеялась мама. – Кстати, во сколько твой Марк придет? Не пора еще на стол накрывать?

– В десять он придет. Ладно, сейчас схожу, – кисло улыбнулась Алиса.

– Волнуешься? – с иронией любопытствовала мама. – Не переживай, мы старый год вместе проводим, а потом к Никитиным поедem, чтобы вас не смущать.

– Это совсем не обязательно, – возразила Алиса, густо покраснев.

– Еще как обязательно. С ума сойти, моя любимая девочка собралась замуж. Какой ужас! Какой кошмар! Зачем? Зачем в столь юном возрасте связывать себя по рукам и ногам? – Мама закрыла дверь прежде, чем дочь успела что-то сказать.

Маму Алиса обожала: открытая, ироничная, полная жизни – с ней легко было найти общий язык, но иногда родительница выводила ее из себя. В частности, когда отказывалась верить, что Алиса уже выросла и вправе сама распоряжаться своей личной жизнью. Скорое замужество мама также не одобряла. А отец и вовсе впал в транс, когда узнал, где именно дочка нашла себе мужа. Но Алиса надеялась, что, познакомившись с Марком, родители изменят свое мнение и отпустят ее в свободное плавание. В конце концов, ей уже двадцать лет!

До прихода Марка остался час, но так хотелось сейчас, чтобы он оказался рядом. На столе мерцал голубым экраном компьютер, Алиса не удержалась, присела на стул и открыла окошко айсыкью, чтобы написать Марку, как она сильно соскучилась. Программа известила, что для Алисы пришло сообщение. Она щелкнула по нему клавишей мыши и растерянно прочитала текст: «Привет, Лиса! Надеюсь, ты оценила мой прикол насчет нашего бракосочетания и поняла, что мое предложение руки и сердца было всего лишь шуткой. Уезжаю с друзьями в Гонолулу. Когда вернусь, покамест, не знаю, но обязательно напишу. Ты классная девчонка! Счастливо тебе встретить Новый год. Не скучай. Целую в нос».

* * *

Нос распух и даже на морозе горел огнем. Прощальный поцелуй Марка оказался ядовитым, как слизь жабы ага. Щеки тоже полыхали, а ноги почему-то не слушались. До магазина она не дотянула, уселась на лавочку в сквере, собрала со скамейки немного снега и приложила к лицу.

Мимо шли люди, зимнее густое небо взрывалось разноцветными брызгами фейерверков, но Алиса не

видела ничего вокруг. Гонолулу... Гонолулу... Ну и пускай, пускай Марк в свою Гонолулу едет! Вернее, идет на... на... все четыре стороны. А она пойдет за майонезом в супермаркет, вернется домой и скажет маме, что передумала выходить замуж. Мама заправит салат «Оливье» и начнет дочку утешать и жалеть, потому что сразу все поймет по ее лицу. Папа тоже все поймет, будет весь вечер хмуриться и молчать. Папа умеет так молчать, что лучше сразу удавиться. Черт! Хоть сама в Гонолулу отправляйся. Или лучше – в Куала-Лумпур, чтобы никогда в жизни больше не видеть Марка. Там, наверное, тепло сейчас.

Алиса запустила подтаявший снежок в сугроб и подула на озябшие ладони. Из дома она выбежала налегке, без шарфа и шапки, накинув шубку на легкое платье... в стиле «винтаж». Да-а-а... Такого винтажа с ней еще не приключалось в жизни! Алиса нервно рассмеялась, сначала тихо, а потом в голос захохотала. Слезы катились из глаз, но она продолжала истерично хохотать, схватившись за живот и скрючившись в три погибели на лавке.

– Домой иди, идиотка! Простудишься, – послышался над ее головой недовольный мужской голос.

Алиса перестала хохотать, окинула взором незнакомца и нервно всхлипнула – над ней нависла фигура в красном бархатном тулупе с меховой оторочкой, высокой шапке, тоже красной, и белой длинной бороде.

– О! Здравствуй, Дедушка Мороз! Борода из ваты. Ты подарки нам принес? Рас... Рас... Рас... – Алиса снова громко захохотала.

– Угу, принес я тебе подарки – целый мешок кокса. Ну-ка, – ее бесцеремонно ухватили за подбородок холодной рукой, приподняли лицо и заглянули в глаза. – Странно... зрачки в норме. Так ты в порядке? Не наркошка?

– Дебил! – Алиса оттолкнула руку наглого Деда Мороза.

– Как с повелителем снегов и льдов разговариваешь, девка? Сейчас посохом по лбу дам, в сосульку превращу, будешь знать! Ладно, уговорила, пойдём, я тебя домой провожу, а то ты без моей помощи в ледышку превратишься.

– Вот идиот, – хмыкнула Алиса. Дедушка на нелицеприятный эпитет отреагировал смешком в бороду, дыхнув на Алису алкогольными парами. Алиса поморщилась. Только этого ей не хватало для счастья. К ней клеится пьяный в дупель Дед Мороз. Замечательно!

– Слушай, отвали от меня! Что ты ко мне привязался! Уйди, – умоляюще попросила девушка.

– Поднимай свой зад с лавки и вали домой, – без тени иронии скомандовал Дед Мороз. – Или куда ты там шла и не дошла.

– Сам иди туда, куда шел! – разозлилась Алиса. – Я не маленькая, чтобы мне тут указывали!

– А ведешь себя как малолетка. Расселась на холоде, сопли сосульками развесила. Подумаешь, парень бросил. Тоже мне, трагедия! Если не дурак – вернется, а коли дурак – ему же хуже. Другого найдешь, а со здоровьем шутики плохи. Двадцать пять градусов. Застудишься, потом всю жизнь лечиться придется.

– Да? Легко тебе говорить. Как я родителям объясню, что он меня бросил в новогоднюю ночь? – с вызовом спросила Алиса, чувствуя, что слегка сошла с ума. А может быть, она сошла с ума не слегка, а вовсе рехнулась, раз выкладывает свои проблемы первому встречному... Деду Морозу. А он стоит и слушает ее, советы дает, о здоровье печется и еще откуда-то знает, что от нее ушел парень! Экстрасенс он, что ли? А может, настоящий Дед Мороз? По телу поползли мурашки, и Алиса вдруг все поняла – просто они оба больные на всю голову, поэтому у них такое взаимопонимание! Осознание этого факта неожиданно развязало Алисе язык, и она с чувством поведала странному субъекту все свои секреты и переживания. Когда она очнулась от припадка откровенности, в руке у нее была фляжка, во рту все горело, а по телу расплзлась сладкая истома.

– Полегчало? – поинтересовался Дед Мороз и отобрал у нее сосуд с огненной водой, который ей совсем не хотелось отдавать.

– Я пойду, – поморщилась Алиса, поднялась и поплелась в сторону магазина. За спиной послышался хруст шагов. Девушка обернулась – Дед Мороз тащился следом, держась от нее на расстоянии пары метров. – Слушай, чего тебе от меня надо?

– Ничего мне от тебя не надо! – возмутился Дед Мороз. – Я в магазин иду.

– Зачем? – Дед Мороз выразительно потряс пустой флягой, и Алисе вдруг стало стыдно. Человек, можно сказать, проявил участие, выпить дал, утешил, а она даже спасибо не сказала. – Где будешь Новый год справлять? – ненавязчиво поинтересовалась она. – Одиннадцать, между прочим, уже.

– Значит, пришло время загадывать желания! – подняв указательный палец вверх, провозгласил он, так и не ответив на ее вопрос. – Проси, что хочешь, исполню, как говорится, в лучшем виде.

– Все, что захочу? – улыбнулась девушка. Он молча кивнул. – Хорошо! – хитро сощурилась Алиса и выпалила: – Тогда стань моим будущим мужем!

– Заметано! – весело отозвался Дед Мороз, подмигнул и обнял ее за талию.

– Ты что! Я просто пошутила, – испугалась Алиса, стяхивая его руку.

– Поздно пить боржоми, дорогая. Волшебный механизм уже запущен, колесики скрипят, процесс пошел. Пойдем скорее, а то магазин закроется, хотя бы торт и конфеты купим. Не могу же я явиться к твоим родителям на смотрины без подарков, – по-деловому сказал Дед Мороз, схватил ее за руку и потянул за собой.

* * *

В подъезде стоял дух приближающегося вселенского пиршества. Аппетитные запахи горячих пирожков и жареного мяса выползали на лестницу и сбивали с ног. Алиса шумно потянула носом и сглотнула слюну, чувствуя легкое головокружение. В тепле ее окончательно развезло, пальцы не слушались, и ключ никак не желал отыскиваться в недрах сумочки. Пришлось нажать кнопку звонка. Дверь мгновенно распахнулась.

– Боже мой, Алиса! Почему так долго? Где ты была? Мы с папой... – гневная речь мамы оборвалась.

– Мама, познакомься – это Марк, – радостно воскликнула Алиса. – Он пришел в костюме Деда Мороза. Правда, здорово? – рассмеялась она, взяла фиктивного жениха за руку и, отстранив опешившую родительницу с порога, прошла с ним в прихожую.

– Здравствуйте, Екатерина Алексеевна. С наступающим Новым годом вас! – поздоровался фальшивый Марк и протянул ей конфеты и торт. Екатерина Алексеевна машинально взяла подарки, продолжая стоять столбом и молчать.

В прихожую вышел отец.

– Пап, это Марк, мой жених, – похвалилась Алиса. – Марк, познакомься – это мой папа, Константин Петрович. – Лицо у отца почему-то вытянулось, и он озадаченно уставился на дочь. – Да что с вами такое? – разозлилась Алиса. – Ну, пришел человек в новогоднем костюме. Дикие какие-то! Устроили тут, понимаешь, немую сцену из фильма «Семнадцать мгновений весны». Проходи, Марк, чувствуй себя как дома.

Алиса нервно скинула шубку, сняла сапожки, взяла гостя под руку, потянула его в гостиную, и тут гостиная закачалась и пол под ногами пошатнулся: за столом сидел ее настоящий жених – собственной персоной!

– Привет, Лиса, – широко улыбнулся Марк. – А мы тут, пока ты за майонезом ходила, с твоими родителями перетерли о том о сем. Почему так долго-то? А это кто?

– Дед Мороз, – сквозь зубы процедила Алиса.

– Алиса, мы уехали к Никитиным! – крикнула мама из прихожей. – Надеюсь, когда мы вернемся, ты определишься, кто есть кто.

Хлопнула дверь.

– Ирония судьбы или полный привет! – закатила глаза к потолку Алиса. – Что ты тут делаешь?

– Как – что? – Марк нервно провел рукой по волосам. – Ты меня пригласила встретить Новый год. Я и приехал. Клево выглядишь. Отпадный прикид! На десять баллов.

– Рада, что тебе нравится. А теперь пошел отсюда вон! – холодно сказала Алиса.

– Лиса, ты что? – Марк удивленно уставился на невесту. – Ты что, поверила в мою разводку? Дура, что ль? Шуток не понимаешь? Я же просто прикалывался!

– Убирайся, я сказала! – сорвалась на крик Алиса. – Убирайся в Гвололупу свою сраную! Чтобы я тебя никогда!.. Слышишь, никогда больше не видела! Никогда! Никогда! Никогда!

* * *

Захлопнув за Марком дверь ногой, Алиса с облегчением сняла «винтажное» платье, переделалась в джинсы и облегающий нежно-голубой свитерок, распустила волосы и вернулась в гостиную. На полу валялись борода, шапка и тулуп Деда Мороза. А ее новый знакомый лежал на диване и совершенно бессовестным образом спал. Задыхаясь от возмущения, Алиса на цыпочках прошла по комнате и уселась за праздничный стол. Возникло ощущение, что он обнажился полностью и лежит без трусов. Ужасное, невыносимое чувство стыда, но удержаться от искушения и как следует не рассмотреть мужчину она не могла. На вид ему было лет двадцать восемь – тридцать, ухоженные темные волосы средней длины, немного грубое, но по-мужски привлекательное лицо, на скуле небольшой шрам. На алкоголика или бомжа мужчина был не похож, одежда его говорила о материальном благополучии. Наверное, у этого человека случилась

какая-то трагедия в жизни, предположила Алиса, жена ушла, предал друг или кто-то умер. Поэтому он слонялся по городу и пил, не зная, куда себя приткнуть. Поэтому решил ее утешить, чтобы самому пережить боль, и согласился на ее сумасшедшее хмельное предложение. От этих мыслей стало тягостно на душе. Чтобы хоть как-то отвлечься и настроиться на встречу Нового года, Алиса включила телевизор. Радостный диктор вещал населению о последних новостях уходящего года.

– Ничего себе, Андреянову убили, – прошептала Алиса и приподнялась со стула, прислушиваясь к голосу диктора. На экране появилась фотография – и все похолодело внутри. Трясущейся рукой она выключила телевизор и откинула пульт от себя, словно раскаленную головешку из костра.

– Страшно? – хриплый голос с дивана остановил сердце и выпустил из легких весь воздух. Комната закружилась каруселью, Алиса учащенно задыхалась, чтобы поймать уплывающее в небытие сознание. Получилось, все же получилось устоять на ногах и вернуть себе способность думать.

Спасительная дверь в жизнь была всего лишь в нескольких шагах, осталось набраться мужества и преодолеть это расстояние. Алиса собралась и рванула к двери, нога за что-то зацепилась, она упала на пол, попыталась ползти, но он рывком перевернул ее на спину, навалился сверху, прижал ее руки к коврику.

– Скотина, отпусти! – закричала она, пытаясь вырваться и ударить его коленом в пах. – Скотина поганая!

– Заткнись, перестань дергаться и просто послушай меня внимательно. Просто послушай, – холодно сказал он и до боли сдавил ей запястья, Алиса вскрикнула и вынужденно притихла. – Я не убивал свою жену! Я приехал домой, дверь открыл, а там... Она лежала в нелепой позе, лицо обезображено, кровь кругом... Море крови... Она всегда старалась произвести впечатление, хотела выглядеть безупречно, следила за каждым движением, поворотом головы, осанкой, улыбкой. Даже в постели она не могла расслабиться и кончала так, чтобы это непременно смотрелось эффектно со стороны. Да, со стороны это выглядело прелестно. Я в полной мере сумел это оценить... На полу в гостиной были рассыпаны фотографии. На них моя жена занималась любовью с другим. Вероятно, тот, кто убил мою жену, не знал, что мы давно остыли друг к другу и лишь изображаем образцово-показательную пару. Впрочем, все было на самом деле хорошо. Потеряв любовь, мы научились существовать, не напрягая друг друга и с обоюдной пользой для себя. У меня была в наличии звездная жена, от которой сходила с ума половина мужского населения России! Признаюсь, это тешило мои амбиции и льстило самолюбию. Марго устраивал статус замужней дамы. Она обожала быть в центре внимания – флирт, комплименты; с удовольствием принимала дорогие подарки и не отказывалась от помощи меценатов, но платить постелью за презенты и услуги она терпеть не могла. Наличие мужа было отличным предлогом, чтобы легко соскочить с крючка и не обидеть щедрого поклонника. Да, Марго была немного легкомысленной, порхала по жизни, как стрекоза, но подобной участи она не заслуживала...

Неожиданно он отпустил ее и сел, обхватив голову руками. Алиса осталась лежать, распластанная на полу.

На стене тикали часы, отсчитывая последние минуты старого года, мигали разноцветные лампочки на елке, за стеной шумно праздновали соседи, президент читал поздравительную речь.

– Открой шампанское, пожалуйста, – тихо попросила Алиса, – до полуночи осталась пара минут.

Он молча поднялся, взял два бокала и бутылку со стола и сел обратно на пол.

– Никогда не встречал Новый год, сидя на полу, – улыбнулся он, откупорив шампанское.

– Я тоже, – перевернувшись на бок и забрав из его руки полный бокал, сказала Алиса. За стеной послышался бой курантов. – Начинаем отсчет. Бом-бом-бом...

– Бом, бом, бом! – подыграл он и прошептал: – С Новым годом!

– С Новым годом! – кивнула она.

Они чокнулись, выпили шампанское до дна. Некоторое время сидели молча, прислушиваясь к крикам соседей и воплям «ура» за окном.

– Прости меня, я не хотел тебя ронять, – первым нарушил он молчание и болезненно поморщился. – Так вышло от неожиданности... Ты сильно ушиблась?

– Ничего. – Алиса поставила пустой бокал и поднялась. Прошла по комнате, отодвинула занавеску на окне, прислонилась лбом к холодному стеклу. – Я даже не знаю, как тебя зовут, но почему-то тебе верю. Наверное, я полная дура.

– Александр, – отозвался он с пола.

– Что ты собираешься теперь делать, Саша?

– Для начала – как следует поесть. С прошлого года ничего не ел, – наигранно весело ответил он.

– А потом? Что ты будешь делать потом? – спросила Алиса и обернулась, облокотившись о

подоконник.

– Потом я уйду и больше никогда тебя не побеспокою, – тихо сказал Саша и посмотрел на нее с легкой грустью и такой теплой нежностью, что в груди отчего-то стало очень больно. Пытаясь удержать неизвестно откуда взявшиеся слезы, она села за стол, сложила руки на груди и с вызовом посмотрела Александру в глаза.

– Не выйдет у тебя ничего, Дед Мороз. Никуда ты теперь от меня не денешься! Волшебный механизм уже запущен, колесики скрипят, процесс пошел.

* * *

Колесики в голове скрипели, мысли ворочались. Алиса меланхолично ковыряла вилкой в салате и усиленно пыталась отыскать выход из ситуации.

– Дурочка, – улыбнулся он. – Какая же ты еще дурочка. Детективов начиталась? Решила вычислить и засадить за решетку настоящего убийцу?

– Да что же это такое! Может, прекратишь это делать? – разозлилась девушка, раздраженно отодвинув от себя тарелку.

– Что?

– Читать мои мысли! Второй раз уже мне в мозг залез без разрешения. Откуда ты узнал в сквере, что меня бросил парень?

– Милая моя девочка, чтобы понять, о чем ты в данную минуту думаешь, твои мысли читать совсем не обязательно. У тебя на личике все написано. А в сквере... Ну сама подумай, из-за чего еще может очаровательная девушка в вечернем платье рыдать в новогоднюю ночь как белуга, сидя на лавке в двадцатиградусный мороз?

– Психолог, значит? Что ж, психолог, слушай тогда мою версию. Фотографии специально подкинули в квартиру.

– Боже мой, да ты у нас настоящая мисс Марпл! Как ты догадалась, родная моя? – язвительно поддел Александр.

– Может, прекратишь и выслушаешь меня? Их подкинули вовсе не для того, чтобы ты смог внимательно рассмотреть, как эффектно твоя жена смотрится во время занятий любовью. Их подбросили, чтобы на тебя подозрение в убийстве пало! Тебя классически подставили. Ищи убийцу среди тех, кому выгодно убрать тебя с дороги.

– Если я кому-то сильно мешал, то почему меня в этом случае просто не убили? Зачем Марго понадобилось убивать, если она ни при чем?

– Это элементарно, Ватсон! Убийца замкнул круг. Прокуратура уверена, что это сделал ты, у них есть улики и мотив. Думаешь, они будут напрягаться и искать настоящего преступника? Дудки. А если вдруг и будут, то начнут шерстить окружение твоей жены, проверять ее знакомых, искать мотивы и тех, кому она могла помешать. Убийца чудесным образом отвел от себя подозрение.

– Прости меня, Алиса. Голова что-то совсем плохо работает, ничего не соображаю, не могу сосредоточиться. Да, ты все верно говоришь. Я с самого начала умом это понимал, поэтому бежал, но верить не хотел и гнал от себя эту версию. Ведь получается, что ее убили из-за меня, что я виноват в ее смерти...

– Саша, не нужно, – мягко сказала Алиса и погладила его по руке. – Разве ты виноват в том, что по земле ходят всякие отморозки? Я понимаю, как тебе тяжело, но, пожалуйста, соберись и хорошо подумай: кому выгодно сгноить тебя в тюрьме?

– Кому выгодно? – усмехнулся Александр. – Я обеспеченный человек. Владелец крупной компании, лидирующей на рынке. Масса людей мечтает скинуть меня вниз. К тому же я – руководитель, и в подчинении у меня много людей. Мне не раз приходилось расставаться с сотрудниками, и среди уволенных, вполне возможно, найдутся кандидаты, мечтающие меня придушить. Опять же, ничто человеческое мне не чуждо. Когда мы с Марго переселились в разные спальни, у меня периодически случались романы. На дружеской ноте попрощаться получалось далеко не со всеми женщинами – не исключено, что кто-то имеет на меня зуб.

– Да ты страшный человек! Вот, оказывается, кого я пригрела на своей груди.

– Алиса, я не...

– Ладно, шучу. Кто из этой массы недоброжелателей мог знать, во сколько ты появишься дома? Преступник, как я понимаю, был прекрасно осведомлен о твоих планах, заранее явился к тебе в квартиру и убил твою жену.

– Заранее убийца знать об этом не мог, – возразил Саша.

– Почему?

– Потому что даже я сам об этом не знал. Я до последней минуты понятия не имел, во сколько освобожусь. С таким же успехом я мог приехать в семь, в восемь, в десять. Управился с делами около восьми, позвонил жене, предупредил ее, что выезжаю, и...

– Стоп! Кажется, мы близки к цели. Либо убийца находился в это время рядом с тобой, и машину он водит быстрее, чем ты. Либо он находился в тот момент рядом с твоей женой. Но одно уже очевидно: раз твоя супруга открыла ему дверь и впустила в квартиру, значит, они друг друга знали.

– Когда я звонил Марго, она плескалась в душе. Совершенно точно она была одна в квартире. Моя жена была женщиной воспитанной и никогда не позволила бы себе принимать водные процедуры, когда у нее гости. Любовников она в дом тоже никогда не водила – это было главным условием нашего совместного проживания. Выходит, убийца находился рядом со мной? Черт! Черт! Черт! – Саша сжал кулаки так, что костяшки пальцев побелели. – Рядом со мной в это время находились... три человека. Три человека, которым я безгранично доверял. Не хотел я верить в это! Не хотел! Даже когда нашел на полу рядом с телом жены декоративную ленточку. Я выдавал их вместе с пригласительными билетами, но не всем, а лишь VIP-гостям как опознавательный знак для обслуживающего персонала. Теперь отсутствие ленточки станет для меня таким опознавательным знаком! Мне нужно идти. – Александр резко поднялся, подхватил с пола свой карнавальный костюм и решительно направился к двери.

– Саша, подожди! – Алиса забежала вперед и загородила ему выход. Лицо Александра ей не понравилось, он выглядел совершенно невменяемым. – Нельзя тебе появляться в клубе. Неужели ты не понимаешь, что тебя там ждут с распростертыми объятиями! Не успеешь через порог переступить, как тебя тут же прихватят. Хочешь доставить радость убийце – ступай, но у меня есть другая идея. В клуб вместо тебя поеду я!

* * *

Уговаривать Александра принять ее помощь пришлось долго. Отчего-то он уперся и не желал ничего слушать. Когда Алиса наконец-то сломала его сопротивление и, позаимствовав без разрешения машину у отца, подъехала к клубу, то уже потеряла надежду кого-либо там вообще застать. Пройти внутрь не составило труда, у Саши оказался лишний пригласительный, который он ей торжественно вручил. К удивлению Алисы, празднование Нового года было в самом разгаре. Народ веселился, словно ничего не произошло. Может, сотрудники не в курсе, что с шефом стряслась беда? Или знали, но считали: раз начальнику ничем помочь нельзя, а банкет в любом случае оплачен, то нет смысла в новогоднюю ночь вести себя как на похоронах.

Алиса присела за барную стойку, заказала кофе и осмотрелась, внимательно вглядываясь в незнакомые лица. Она приблизительно знала, кого искать и где. Саша довольно подробно описал внешность людей, попавших под подозрение, и объяснил, в каком месте располагаются столики для VIP-персон. Оставалось надеяться, что они все еще тут и не разъехались по домам.

– Вот ты где, Балабанова! Я тебя нашел, – игриво проорал кто-то Алисе в затылок и крепко обнял ее сзади. Алиса обернулась: позади нее стоял пьяненький светловолосый парень и улыбался во весь рот. – Ой, извиняюсь, – смутился молодой человек. – Ты не Балабанова? – на всякий случай уточнил он. Алиса отрицательно покачала головой. – А Балабанова не знаешь где?

– В дамскую комнату она, кажется, отлучилась, – сообщила Алиса. – Не переживай, скоро вернется. А ты, случайно, не знаешь, где Тулупов, Севаков и Лидия Константиновна?

– Ты что, ослепла, мать? Глаза разуй, вон они, – парень покосился куда-то вверх. – В зале слишком шумно стало, и они попросили их столик туда оттаранить. Теперь оттуда наблюдают за моральным падением сотрудников компании.

Алиса проследила за направлением его взгляда – на уровне второго этажа располагался внутренний балкончик, на нем стоял столик, за которым сидели двое. По описанию – коммерческий директор Александра, Тулупов, и главный бухгалтер, Лидия Константиновна. Руку Тулупова было прекрасно видно, на запястье поблескивала ленточка, и подозрения с него автоматически снимались. Рассмотреть руку главбуха не получилось. Севаков, Сашин зам, вовсе отсутствовал.

– А Севаков где? – еще раз спросила Алиса, но парня уже и след простыл. Вероятно, он рванул в направлении дамской комнаты на поиски бесследно пропавшей Балабановой. Рядом с ней присел полный лысоватый мужчина.

– Что нужно? – спросил он и пристально посмотрел ей в глаза.

– В каком смысле?

– Я Севаков. Вы меня искали. – Мужчина достал платок из кармана, вытер вспотевшее лицо и снова уставился ей в глаза. От этого взгляда у Алисы пробежал холодок по спине, еще хуже ей стало, когда она не обнаружила на руке у Севакова опознавательной ленточки. А значит, вполне возможно, рядом с ней сидел убийца.

– Я все знаю. Я видела вас там, – мило улыбнулась Алиса, с трудом удерживая равновесие на стуле.

– Где?

– Вы прекрасно знаете – где. К тому же вы оставили там одну вещичку, которая теперь у меня. Готова обменять эту вещичку на десять тысяч. Деньги мне нужны сегодня. В противном случае, я пойду... сами знаете куда! Буду ждать вас через полтора часа в сквере, – Алиса нарисовала на салфетке план и координаты места встречи, передала бумажку Севакову и, соскользнув со стула, направилась в дамскую комнату. Руки тряслись, от сильного волнения все дрожало внутри. Алиса включила холодную воду, умылась и пристально уставилась на свое отражение.

Дверь туалета хлопнула, она увидела в зеркало, как в помещение прошла Лидия Константиновна и скрылась в одной из кабинок. Алиса в душе выругалась. У главбуха на руке тоже не оказалось злосчастной ленточки!

Да что они, сговорились все! Саша старался, приглашения всем делал, ленточки заказывал, а они приперлись на праздник без VIP-знаков. А что, если это она – убийца?

Послышался звук сливаемой воды, Лидия Константиновна вышла, одернула юбку, встала рядом с Алисой и включила воду.

– Это не вы, случайно, обронили? – ненавязчиво поинтересовалась Алиса и поболтала в воздухе ленточкой, которую Саша ей выдал вместе с пригласительным.

– Нашлась! – всплеснула мокрыми руками бухгалтер. – Я в самом начале вечера ее посеяла. Пришлось бестолковым официантам объяснять, что обслуживать меня следует, как... Впрочем, неважно. Большое спасибо. Давайте ленточку.

– Не отдам, мне самой она нравится, – заявила Алиса. Бухгалтер ошарашенно уставилась на Алису, лишившись дара речи.

– То есть как? – пришла она в себя.

– А так. Я все знаю, милая Лидия Константиновна, – вновь начала мутить воду Алиса. – Вы там были. Это ваших рук дело, и ленточку вы потеряли именно там. На ней – микроследы запаха, при нынешнем уровне криминалистики доказать вашу причастность к этому делу не составит труда.

– Что за бред вы несете? – покраснела главбух. – Вы себя хорошо чувствуете, девушка?

– Я себя чувствую замечательно, а скоро мне станет еще лучше. В общем, так, если не хотите, чтобы эта вещичка оказалась у следователя, приезжайте через час в сквер. Запоминайте координаты, – Алиса уточнила место встречи. – Захватите с собой десять тысяч. Где вы их возьмете, меня не волнует. Жду. В противном случае...

– Я не поняла, – разволновалась бухгалтер. – Где? Куда нужно подъехать? Оставьте свой сотовый на всякий случай. У меня только на цифры память хорошая и абсолютный топографический кретинизм. Я позвоню вам, как только улажу все проблемы.

Алиса продиктовала свой номер и вылетела из туалета, снова столкнувшись с белобрысым парнем, который подходил к ней в баре.

– Балабановой там нет? – поинтересовался он.

– Нет. Похоже, сегодня не твой день, – посочувствовала Алиса и бросилась к выходу из клуба.

* * *

Как же он орал в трубку! Пришлось даже отвести ее от уха и держать в вытянутой руке, чтобы не оглохнуть. Видите ли, Александру не понравилось, что Алиса проявила инициативу и назначила убийце встречу в безлюдном месте. А как иначе она могла бы заставить преступника действовать? Не на Тверской же ему свиданку назначать? Вряд ли он решится покуситься на ее жизнь, если вокруг будут разгуливать толпы народа. Выслушав истеричные вопли Александра, Алиса попросила его приехать в сквер, прихватив с собой ее видеокамеру, занять позицию папарацци где-нибудь в кустах или сугробе и дожидаться, когда ее начнут убивать, чтобы зафиксировать этот душераздирающий момент на пленку. Ко всему прочему, Алиса планировала вытянуть из преступника признание в совершении преступления.

Время приближалось к пяти утра. Алиса припарковала машину недалеко от сквера и некоторое время сидела внутри, пытаясь настроиться и унять волнение. По всем расчетам, Александр должен был находиться уже там, это ее немного успокаивало.

– Все будет хорошо, – прошептала она, перекрестилась и вышла в холодную ночь.

Вокруг было тихо, лишь под ногами поскрипывал снег. Город уснул, улицы опустели. Она дошла до нужной скамейки и села, прислушиваясь к звукам и шорохам. Ждать пришлось недолго, его грузную фигуру она увидел издалека, но шел он на удивление тихо. Он крался, чтобы ее убить!

– Я все принес, – Севаков, тяжело дыша, плюхнулся с ней рядом на лавку, достал из кармана конверт. – Здесь десять тысяч, как мы договаривались.

Алиса непослушной рукой забрала конверт и заглянула внутрь.

– Здесь рубли, – озадаченно посмотрела она на него.

– А ты что думала, я тебя еврами осчастливилу? Думаешь, я не понял, что ты меня на понт взяла? Может, ты меня и видела, но ничего оставить я там не мог совершенно точно. Так что забирай деньги и проваливай. Больше ты от меня ни копейки не получишь!

Севаков поднялся и зашагал прочь. Алиса осталась сидеть, растерянно глядя ему вслед. Почему, интересно, он ее не убил? Или хотя бы не попытался? Неожиданно из кустов выскочил Дед Мороз, просвистел мимо нее и повалил Севакова в снег. Завязалась потасовка. Откуда-то появились люди в милицейской форме, растащили дерущихся и куда-то повели.

– Эй! Куда вы их? А я как же? Мне куда? Саша, где камера моя? Меня же родители за нее прибьют! – закричала Алиса, вскочила с лавочки, пробежала несколько метров и остановилась. – Ну, и пожалуйста! Сами разбирайтесь! Делайте что хотите! – топнула она ногой, отряхнула шубку от снега и направилась к машине.

Припарковаться у подъезда удалось с трудом. Колоссальное нервное напряжение последних часов отпустило, она расслабилась, расквасилась и начала клевать носом. Спать хотелось невыносимо. Мечтая всем сердцем упасть в постель, Алиса поднялась на свой этаж. На лестничной клетке было темно, Алиса выругалась, пошарила в сумочке, нашла ключ, открыла дверь. Внезапно ее кто-то сильно толкнул в спину, Алиса влетела в квартиру, входная дверь хлопнула – и стало ясно, что ее закрыли изнутри. Девушка медленно обернулась.

– Как вы узнали, где я живу, Лидия Константиновна? – тихо спросила Алиса.

– По номеру твоего сотового телефона. Давай сюда ленту, – поторопила девушку главбух, ткнув ножом в ее сумочку. – Надо же, как неудачно получилось! Не понимаю, как я ухитрилась потерять ее в квартире Андреевовой? Все так чудесно сложилось, и вдруг – такой нелепый прокол. Давай сюда ленту – быстро!

– Что же вы сами не возьмете, – откинула от себя сумку Алиса. – Бойтесь отпечатки пальцев на моих вещах оставить?

– Умная девочка, сама все поняла. Давай, действуй, у меня мало времени, – Лидия Константиновна придвинула ногой сумку обратно к Алисе и выжидающе на нее посмотрела.

– Зачем вы это сделали? Зачем убили Андреевну и подставили своего шефа? – дрожащим голосом спросила Алиса. Вопрос она задала просто так, понимая, что никакого смысла в этом нет – ее в любом случае убьют. Но очень хотелось пожить еще хотя бы пару минут.

– Тебе и правда хочется об этом узнать? – усмехнулась бухгалтерша. – Мне нужны были деньги на квартиру. Я взяла их у Саши взаймы. Потом попросила еще, квартира находилась в ужасном состоянии, требовала ремонта, ну, и обстановку нужно было создать соответствующую. На мебель мне не хватило – ремонт обошелся в целый капитал. Я снова попросила у Саши в долг, но он не дал! Сказал, что платит мне достаточно, чтобы я без его помощи решала свои финансовые проблемы. И я попыталась решить их без него. Взяла кредит в банке, купила чудесную мебель и бытовую технику, обставила свою квартирку и наслаждалась. Иметь отдельную квартиру было моей голубой мечтой. Всю жизнь я теснилась в однокомнатной хрущевке с матерью, сестрой и отчимом-алкашом. Это был настоящий ад! И вот моя мечта наконец-то осуществилась. Я была на седьмом небе от счастья! Правда, сумасшедшие проценты съедали большую часть заработка, но я готова была затянуть потуже пояс. Вдруг Александр начал намекать, что пора долг возвращать. Ему понадобились деньги, потому что он вложил почти все свои сбережения в проект, в котором собиралась блеснуть его жена. Решил выпендриться. Имидж мецената себе сделать! Я попыталась объяснить ему ситуацию, но он не захотел войти в мое положение и дал мне отсрочку всего на три месяца. Я вдруг очень на него разозлилась. Очень! Особенно когда прочитала в журнале, что на день рождения он подарил жене часики стоимостью вдвое дороже, чем моя жалкая мебелишка. Тогда я решила Сашу наказать.

– А Марго? За что вы наказали Марго?

– Просто ее время закончилось, – пожала плечами Лидия Константиновна. – Все течет, все изменяется. А Саша... Мы с ним в одном дворе выросли. Дружили с детства. Наши матери подругами были. Его мама рано умерла, он остался на попечении больной бабки. Плохо они жили, очень бедно. Моя мать его подкармливала, то борща нальет, то компоту с булкой даст. Память у Сашки короткая оказалась. Теперь у него будет время все вспомнить, много времени!

Лидия Константиновна нехорошо улыбнулась, выставив перед собой лезвие ножа, и Алиса поняла, что ее время тоже закончилось...

– Мне надоело ждать, девочка, – сухо сказала Лидия.

Алиса заплакала, нагнулась к сумке и вытряхнула из нее все содержимое на пол: пудра, тубики с помадой, расческа, кошелек, пара мятных карамелек, жвачка... Среди вещей лежала ленточка для VIP-персон. Алиса взяла ее двумя пальчиками, протянула улику убийце и зажмурилась.

– Ты забыла рассказать, Лида, что как только я встал на ноги, то содержал всю твою семью в течение нескольких лет, – раздалось за ее спиной. Алиса потрясенно обернулась – в прихожей стоял Александр собственной персоной. – Я оплатил похороны твоего отца. Дал денег на дорогостоящую операцию для твоей сестры. Проплатил твое обучение в Плешке, потому что ты сама не в состоянии была туда поступить. Пристроил к себе на работу, оклад положил топовый, хотя ты довольно посредственный специалист, – но тебе этого мало было. В долг она у меня взяла, – усмехнулся Саша. – Ты прекрасно знала, что я дам и не попрошу его возврата. Но ты вдруг вошла во вкус больших денег и начала тянуть из меня уже серьезные суммы. Мне пришлось намекнуть, что долги следует отдавать, чтобы ты не нагнала слишком сильно. Да, твоя мама мне в жизни очень помогла, но я рассчитался за это сполна. А теперь мне очень хочется рассчитаться с тобой. Все твои откровения записаны на пленку и скоро отправятся в прокуратуру.

Лидия Константиновна вдруг издала гортанный звук и побежала с ножом на Сашу, наступила на коробочку с пудрой, поскользнулась и плашмя упала на пол, нож выпал из ее руки. Александр бросился к ней, откинул нож ногой в сторону, не очень вежливо связал Лидии руки и усадил ее на диван.

– Господи! Господи, что скажут мои родители? Как? Как я им все объясню? Саша, а ты, как ты здесь оказался? Тебя же в ментуру уpekли! – воскликнула Алиса.

– Милая, я все время находился у тебя в гостях, – усмехнулся Александр. – Из квартиры я не выходил, потому что ты, родная, закрыла меня на ключ с другой стороны. Пришлось мне засесть за телефон. Узнал много интересного про своего зама Севакова. Он, оказывается, шалунишка, обожает посещать заведения по интимному обслуживанию граждан. И очень боится, что жена об этом узнает. Ох, ну и напугала ты его, Алиса!

– О, нет! Но кто же выскочил из кустов?

В дверь позвонили. Алиса подпрыгнула от неожиданности. Звонок прозвучал еще раз.

Алиса открыла и выпучила глаза: на пороге стоял белобрысый парень из клуба, наряженный в костюм Деда Мороза.

– Позвольте представиться, Ребров. Прокуратура, – продемонстрировал он ей свое служебное удостоверение и хитро улыбнулся. – А Балабанова разве не здесь проживает? – хихикнул он. – Какая неприятность, однако!

Анна Данилова Криминальный спектакль

У ворот она увидела такси. Кроме нее, оттуда, из этого ада, именуемого тюрьмой, не вышел сегодня никто. Вероятно, эта чистенькая, канареечного цвета машина поджидает кого-то из персонала. Сегодня Рождество. Головы у всех, в том числе и у надзирательниц, не говоря уже о высшем начальстве, заняты мечтами о том, как бы скорее добраться до дома, приготовить праздничный ужин и отметить Рождество. Мила тоже должна отпраздновать – сполна. И Рождество, и свое досрочное освобождение. Хотя разве оно не явилось для нее настоящим рождественским подарком? Да о таком можно было только мечтать! Вместо десяти лет – всего лишь год тюрьмы. Да и то, ее отпустили бы еще месяц назад, просто слишком много времени ушло на оформление документов и разные формальности.

Из такси вышел водитель и направился прямо к Миле.

– Здравствуйте, вы – Мила Горкина?

«Горкина, с вещами – на выход!»

Водитель с рябым лицом, страшный, как атомная война. Его физиономией гвозди, что ли, забивали?

– Да. Я – Горкина.

– Тогда я за вами. Я должен доставить вас домой. Мне сказали, что ключи от вашей квартиры находятся у вас. Так?

– Так. И кто же это такой хороший, нанявший вас?

– Мне сказали, что вы его знаете.

– Ладно, поехали. – Она уже поняла, что он все равно не скажет. Таковы правила.

В тоненькой курточке было холодно стоять на морозе. Ветер продувал ее насквозь. Было бы глупо подхватить простуду в день освобождения.

Водитель открыл дверцу машины, Мила бросила на заднее сиденье сумку с тем, что вряд ли можно было назвать полноценными вещами, сама села на переднее, достала сигарету и, не спросив водителя, можно ли здесь курить, с наслаждением затянулась. Машина тронулась, покатила по заснеженной ровной дороге в сторону города.

* * *

Сейчас, глядя на дорогу и проплывающие мимо заснеженные поля, перелески, куцые смородиновые посадки, думалось куда лучше, чем в камере. Там ее слишком многое отвлекало: новая обстановка, душившие ее слезы обиды, чувство полной незащищенности и беспросветности. Ее посадили за убийство.

Сокамерницы знали только, что она убила женщину. А вот что она ее вовсе не убивала – об этом не знал никто. Да Мила ничего и не рассказывала, потому что знала – все равно не поверят. Ведь в тюрьме сидят, если их байки послушать, только невинные. И это тоже неписанные правила. Заключение сначала придумывают легенду о своей невинности. А потом начинают и сами в нее верить. Так удобнее существовать – не так страшно.

Не хотелось походить на настоящих убийц! А их сразу видно: в их глазах отпечаталась страшная, веющая холодком картинка содеянного, да только они об этом сами не знают. Каждый выживает, как может. Пусть они и живут в придуманном ими мире.

Верила ли она, что справедливость восторжествует? Верила. Иначе невозможно жить. Иначе нет смысла жить! Вот только как же случилось, что этот кровавый клубок распутали, во всем разобрались, и ее отпустили? Милу вызвали и просто сказали, что в ее деле появились новые обстоятельства и настоящий убийца Галины Воронцовой – другой человек. Знала ли она имя настоящего убийцы? Догадывалась, хотя и не хотела верить в весь этот кошмар, в это предательство.

«Почему вы молчите, Мила? Почему? Я же ваш адвокат, вы должны рассказать мне все, как было. Я должен знать правду, тогда мне будет легче вас защищать». Она до сих пор помнила лицо адвоката. Бесплатного адвоката (он был молодой, с бледным веснушчатым лицом и добрыми глазами). Ему навязали ее дело. Каждый адвокат должен время от времени вести дела неимущих клиентов. Таких, как она.

Мила бы и рассказала этому молоденькому адвокату всю правду, если бы... Если бы не стыд, которым она захлебывалась, не позволявший ей вздохнуть полной грудью.

* * *

Они были подругами, Мила и Светлана. Обеим – по двадцать три года. Светлана – замужем за Виталием Дибичем, финансовым директором «Вита-Банка», Мила – незамужняя. Она работала оператором в этом банке. Светлана, ясное дело, покровительствовала Миле, и ей это, судя по всему, нравилось. Она попросила мужа помочь Миле получить кредит на ремонт квартиры и покупку мебели, да и просто давала Миле деньги в долг, понятное дело, без процентов.

Светлана нигде не работала, часто приглашала Милу то выпить чашку кофе где-нибудь в городе, то сходить вместе с ней в кино, театр, парикмахерскую, по магазинам, к зубному – за компанию. Это была обычная женская дружба, не обремененная, к счастью, ревностью: Светлана знала, что Виталий никогда не нравился Миле, а потому была спокойна на этот счет. А что еще могло бы омрачить женскую дружбу? Разве что зависть. Но не завидовать молодой красивой жене финансового директора банка невозможно по определению. Поэтому Светлана делала все от нее зависящее, чтобы ее подруга ни в чем не нуждалась. Ей было удобнее так. Вернее, так было удобно и комфортно обеим. Виталий тоже привык к постоянному присутствию в их доме Милы и воспринимал ее почти как родственницу. Он не возражал, когда Мила оставалась у них ночевать, когда она позволяла себе иногда появиться в кухне в пижаме, как и Светлана. Кроме того, Мила скрашивала одиночество жены: Светлана все реже упрекала мужа в том, что он поздно возвращается, что его практически и не бывает дома. Придя поздно вечером, он мог застать свою жену и Милу, спящими на диване перед работающим телевизором, и это нисколько не раздражало его, напротив – он был благодарен Миле за то, что она по жизни играет роль компаньонки его жены. Куда хуже получилось бы, заведи себе Светлана любовника – от скуки или чтобы насолить мужу, не оказывающему ей должного внимания.

Так, во всяком случае, думала Мила.

«Они приручили меня».

* * *

Конечно, она завидовала Светлане! И скрывала свою зависть за семью печатями. Но это не могло не читаться в ее глазах, в тоне голоса, в поведении. Светлана должна была выбрать себе в подруги кого-то другого: женщину, равную ей, тоже жену какого-нибудь банкира или политического деятеля. Но жизнь распорядилась по-своему. Быть может, Светлане было удобно держать при себе компаньонку – женщину, от нее зависящую, обросшую долгами и привязанную к ней долларовыми цепями. Иногда Мила спрашивала себя, а не порвать ли ей эти цепи – расплатиться наконец с долгами и расстаться с подругой, с которой ей становилось все сложнее и сложнее строить отношения. Она чувствовала, как между ними образуется какая-то зияющая пустота, и пустотой этой она считала отсутствие искренности, душевности.

Светлана жила практически без проблем. Всегда счастливая, улыбающаяся, готовая помочь всем и каждому. Одно время она даже занималась благотворительностью, собирала деньги для какого-то интерната, но потом бросила это занятие – устала. В сущности, она была настоящей пустышкой, человеком неинтересным, ничем не увлекающимся (кроме себя самой, разумеется). «Хотя, с другой стороны, – рассуждала Мила, – я-то ведь тоже ничего собой не представляю. Не рисую, не пою, не танцую, даже книг не читаю. Разве что детективы и любовные романы. А что душа? И душа моя пуста, как бутылка из-под колы. Но таких, как я, много. Большинство».

* * *

Сначала была радость от сознания, что она обрела подругу, близкого человека, да к тому же еще от подруги есть реальная материальная польза. Потом дружба переросла в привязанность, и это тоже было приятно – теперь Мила, одинокая женщина, стала кому-то нужна и знала, что всегда, когда ей захочется, она сможет прийти к Дибичам. Или Света придет к ней. И кто бы мог предположить, что это симпатичное чувство когда-нибудь перерастет в качественно другое ощущение – усталости. Мила стала тяготиться обществом Светланы, ей уже казалось, что ее используют, манипулируют ею, постепенно делают ее фоном, на котором и без того respectable Светлана выглядит на порядок эффектнее, благополучнее Милы. Хотя бывали и светлые дни, и тогда ей думалось, что ничего подобного нет – она просто все выдумала, а ее

жизнь без Светланы лишилась бы того комфорта и уверенности в завтрашнем дне, как сейчас.

Когда у Милы появлялся молодой человек, Светлана, не перебивая, внимательно выслушивала ее длинные, полные мелких подробностей рассказы – впечатления о свиданиях, и в такие минуты Мила бывала счастлива тем, что у нее есть подруга, с которой можно поделиться самым сокровенным. Тем более что Светлана Милу понимала, а потому ее мнение, ее комментарии казались Миле более весомыми и интересными, чем слова человека постороннего.

В свою очередь, Мила тоже была посвящена в тайны личной жизни Светланы и, как могла, помогала ей многое скрывать от Виталия. Тем более что это было делом нетрудным – он почти не бывал дома.

Так, к примеру, она знала, что Светлана встречается с молодым человеком по имени Никита. Так, ничего не значащая связь.

* * *

В канун Рождества они ходили по магазинам в поисках подарков: для себя, друг для друга, для Дибича, для Никиты.

Москва переливалась новогодними огнями, в витринах, казалось, было рассыпано золото и драгоценные камни – как все было красиво, ярко, празднично, дорого! Елочки, украшенные красивыми сверкающими шарами, стеклянными гирляндами, искусственным снегом. А под ногами поскрипывает настоящий чистый, притоптанный тысячью ног январский снежок. И пахнет в воздухе особенно – чем-то свежим, волшебным, сладким и холодным.

* * *

Светлана, худенькая блондинка в белой норковой шубке и такой же миниатюрной шапочке, вышла из машины, хлопнув дверцей.

– Совершенно негде парковать машину! Это просто невозможно. Мне что теперь, за две улицы ее ставить? Ладно, Милка, пойдем. Честно говоря, я уже устала. Ноги прямо гудят. И что интересно, ты заметила? Все, что мы сейчас купили, – это для себя, любимых. Ну не знаю я, что дарить Витальке, не знаю! Вкуса у него все равно никакого. Так-то у него все есть. Какую-нибудь безделушку? Так ему на работе подарят, просто завалят разными офисными штучками стоимостью в чугунный мост, пальмами в кадках, рододендронами и прочим! Это сейчас модно. Слушай, а может, подарить ему какую-нибудь самую простую и милую вещь – свитер? Знаешь, такой, норвежский, белый с синим жаккардовым орнаментом. У него был такой в юности, я видела на фотографиях. Очень даже мило! Вот только где бы такой найти? Мила, ау! Ты почему молчишь?

У Милы болел живот, ее подташнивало, и вообще она смертельно устала от хождений по магазинам и оттого, что многие вещи, которые могла себе позволить Света, она, Мила, купить не могла. А потому тихонько страдала, не подавая виду. Конечно, она знала, что Светлана может одолжить ей любую сумму, но пользоваться этим не хотела. И так уже была в долгах как в шелках.

– Я не молчу. Я думаю.

– И о чем же ты думаешь? – Они вошли в меховой магазин, и Светлана походкой женщины, которая в состоянии купить весь этот магазин, подошла к стеллажу с шапками.

– О чем я думаю? Не знаю. Сегодня Рождество, ты будешь с Виталием, то есть со своей семьей, а я – так, в придачу.

Она впервые высказала то, что думает. И ей почему-то было все равно, как отреагирует на это Света.

– Как это – в придачу? Что ты такое говоришь? И часто тебя посещают подобные мысли?

– В последнее время – часто, – призналась Мила. – Понимаешь, я постепенно как бы стала членом вашей семьи, вот только в качестве кого – еще не поняла. Может, ты уже и пожалела, что так приблизила меня к себе, но боишься сказать мне об этом. Так ты не стесняйся. Может, вам хочется побыть дома вдвоем, а тут – я.

Светлана повернулась и удивленно посмотрела на Милу.

– Милочка, да ты что? Может, ты меня просто плохо знаешь? Вообще-то, я не со всеми такая. Я хочу сказать, что никогда ничего не делаю против своей воли. Разве что сплю со своим мужем, – она сморщила свой маленький напудренный нос. – Если бы ты мне, как тебе кажется, надоела... Давай уж называть вещи своими именами? Так вот, если бы это случилось, то я нашла бы способ отвадить тебя от своего дома.

Причем сделала бы это элегантно, так, что ты бы ничего и не заподозрила. То есть ты бы не обиделась.

– Правда? Значит, ты хочешь сказать, что мое общество тебя устраивает больше, чем общество твоего мужа?

Они подошли к шубам, и Светлана с помощью продавщицы надела длинную, до пола, шубу из чернобурой лисицы. Кружась перед зеркалом, она продолжала развивать тему, говорила тихо, так, что ее едва было слышно:

– Ты, наверное, думаешь, что у меня много денег, а потому я могу решить любую свою проблему. Могу позволить себе любой подарок, исполнение любого желания? Нет, подружка! Все не так-то просто. Деньги – это, конечно, хорошо. Но источник этих денег – это мой муж, которого я совершенно не люблю, и думаю, что и он не очень-то любит меня. Иначе он чаще бывал бы дома, со мной. Я бы с удовольствием связала свою жизнь с другим мужчиной, ты знаешь, о ком я говорю. Но я не нужна Никите без денег. Да и Виталий меня не отпустит. Несмотря на наши сложные отношения, ему важно, чтобы у него была жена, семья, дом. А в качестве жены ему нужна только я, понимаешь? Он доверяет мне, привязан ко мне по-своему. Я – его тыл, ясно?

– И где же выход? – Мила погладила ладонью пышный драгоценный мех шубы, подумала, что в такой элегантно вещи любая женщина, даже самая последняя замухрышка, выглядела бы королевой. Светлана же смотрелась в ней просто шикарно.

– Ну, что, берем?

– Не знаю. – Мила пожала плечами. – Что значит – берем?

– Хочешь – примерь! Да ты не стесняйся. Может, я хочу подарить тебе ее на Рождество. – Светлана лукаво улыбнулась, показывая очень белые зубы.

– Ну и шуточки у тебя!

– Скажи, ты хотела бы получить на Рождество эту шубу?

– Хотела бы, – честно ответила Мила. – Но только не от тебя, от моей подруги, а от какого-нибудь мужчины, который полюбил бы меня по-настоящему, понимаешь?

– Все это чепуха. Мужчина у тебя рано или поздно все равно появится. А шуба тебе нужна прямо сейчас. Давай надевай!

Мила с удовольствием взяла в руки легкую пушистую шубу, надела, закуталась в нее, закружилась по торговому залу.

– А ты не хочешь спросить, что я хотела бы в подарок?

– Хочу. – Мила была поглощена новыми ощущениями и предвкушением близкого счастья. А что, Светлана – такая, она может и подарить ей эту шубку! Ей это ничего не стоит.

– Я хотела бы провести это Рождество с Никитой, – сказала Светлана, заглядывая Миле в глаза.

– Но... – Мила вернулась в реальность. Она обязана была войти в положение подруги. – Но это же невозможно, ты сама знаешь. Тебе же не нужна просто компания, где бы был и он? Я правильно понимаю?

– Я хочу, чтобы нас было только двое – я и Никита.

– А куда же мы денем Виталия?

– Вопрос! Знаешь, у меня есть один план... Но потребует твоя помощь.

– Я с удовольствием помогу тебе.

Светлана небрежно бросила подошедшей продавщице:

– Мы покупаем эту шубу. – Затем шепнула на ухо Миле: – Это тебе от меня, дорогая подружка!

* * *

Мила вышла из магазина, пошатываясь. Ноги не держали ее. Она волновалась. В машине она сказала:

– Это очень дорогой подарок!

– Брось! Послушай лучше, что я придумала...

Они покатали по мокрым от растаявшего снега улицам Москвы.

– План очень простой. Никто не знает моего мужа лучше, чем я, так?

– Наверное.

– И я знаю, чего он боится больше всего на свете.

– И чего же?

– Оказаться втянутым в какую-нибудь криминальную историю. Боится тюрьмы!

– Все ее боятся. Это нормально.

– Но он очень боится! И еще ценит комфорт и положение в обществе, которое он занимает. Вот нам и

надо будет на всю ночь вырвать его из этого комфорта и напугать до полусмерти! Поверь мне, у него железные нервы, и, когда все закончится, он быстро придет в себя. Но в результате моего плана ты получишь полмиллиона долларов, а я – Никиту, на всю ночь, а то и на сутки!

– Светка, ты меня заинтриговала! Полмиллиона долларов? И что же такое я должна сделать, чтобы все это получилось?

– Да ничего особенного. Ты должна будешь позвонить Виталию и сообщить ему изменившимся голосом, что его жена, то есть я, нахожусь сейчас в квартире своей лучшей подруги, Людмилы Горкиной, с любовником. Тсс! Слушай и не перебивай! Я знаю Виталика, он сразу же примчится к тебе домой. Увидит меня, полуголую, выходящую, скажем, из ванной комнаты. Мужчины, понятное дело, в квартире не окажется. Но на столике в гостиной будет стоять распечатанная бутылка шампанского и два фужера. Виталик набросится на меня с упреками, начнет выпрашивать, где мой любовник...

– А где в это время буду я? – Мила слушала ее, качая головой и не в силах поверить, что такое вообще возможно и что Света не шутит.

– В соседней комнате. Спрячешься где-нибудь.

– Но Виталик же примется искать любовника! Везде!

– Значит, ты спрячешься в подъезде. Но ты должна внимательно слушать все, что он будет говорить! Это важно – появиться тебе придется в самый ответственный момент.

– Не поняла?

– Я спровоцирую его, чтобы он меня ударил! Встану неподалеку от окна, там проходит батарея. Я оскорблю его, скажу, что он импотент и все такое, поэтому так поздно и приходит с работы.

– А что, он действительно импотент?

– Мила, что за вопрос?! Конечно, нет! Поэтому-то он и взвывается! Бросится на меня, ударит... Я упаду и якобы ударюсь головой о батарею. И в эту самую минуту войдешь ты! Увидишь эту картину и все «поймешь». Сразу же бросишься ко мне, приложишь палец к сонной артерии и скажешь страшным голосом, что я мертва. Виталик больше всего на свете боится мертвецов. Он поверит тебе. Не сбежит, нет. Ему будет важно договориться с тобой. А ты веди себя естественно. Ты спросишь его: за что ты, мол, жену убил? Что она тебе сделала? Ведь она так тебя любила! Он расскажет тебе о звонке, о любовнике и что я была раздета. И тогда ты заявишь, что мы с тобой были в кафе, я опрокинула на себя кофе и мы приехали сюда, поскольку твой дом находится неподалеку, чтобы застирать мое платье. У тебя кончился сахар, и ты, оставив меня дома, отлучилась ненадолго в магазин. Он спросит о шампанском. Ты, потупив глазки, скажешь, что у тебя ночью был гость. И все!

– И что потом? – Мила еле дышала.

– Потом? Он спросит тебя – что же теперь делать? Ты скажешь, что в таких случаях принято вызывать милицию. Он будет умолять тебя не звонить туда. И вот тогда ты прикинешься настоящей стервой и скажешь ему, что готова избавиться от тела, но не меньше, чем за миллион долларов! Скажешь, что ты устала вечно находиться в моей тени и тебе нужны деньги. Я знаю Виталика – даже в этой ситуации он станет торговаться. Не уступай ему до тех пор, пока не поймешь, что можно остановиться на полумиллионе. Он согласится!

– А если ему будет проще убить и меня, как свидетельницу?

– Да никогда! Нет, даже и не думай!

– И что дальше?

– Ты скажешь, что начнешь действовать только после того, как получишь деньги. Он предложит тебе поехать с ним к Алику, это его друг, у него в сейфе всегда есть наличные. И вы отправитесь на Смоленскую площадь. Ты подождешь Виталия в машине, он принесет тебе деньги, и ты их пересчитаешь. Понимаешь, он должен понять, что ты – та еще штучка, но тем не менее сделаешь свою часть работы, как и обещала.

– Света! Но сумею ли я?

– Сумеешь! Тем более когда речь идет о таких деньгах! Так вот. Он отдаст тебе деньги, привезет обратно к тебе домой, и ты скажешь, что он может не волноваться – ты никогда его не выдашь. Он не вернется домой. Ему будет страшно. Скорее всего, он всю ночь пропьанствует в компании того же Алика или еще с кем-то. А я... я буду свободна!

– А что же будет потом? Ведь ты – жива! И на следующий день вернешься домой!

– Вернусь. Обмотаю свою голову бинтом, лягу и начну страдать. Когда Виталик вернется и увидит меня...

– Света, да он просто с ума сойдет!

– А я думаю, что он страшно обрадуется. Представь себе – мужик пил всю ночь, переживал по поводу того, что убил собственную жену! К тому же он мог не до конца поверить тебе. Мало ли... так?

– Так.

– А тут я – живая и относительно здоровая. Он сразу же успокоится.

– Но он потребует свои деньги обратно!

– Я скажу ему, что я в курсе всей этой истории. Что он – мерзавец. И моя разбитая голова стоит гораздо большего.

– Света, он придет в себя и потребует вернуть ему деньги. И в каком виде я перед ним предстану? Алчной сволочью? Отношения наши с ним, да и с тобой, испортятся, мы уже не сможем, как прежде, дружить, встречаться.

– Мила, предоставь это дело мне!

– Или... Или ты скажешь ему, что мы разыграли его?

– А почему бы и нет?

– Но тогда я тем более должна будет вернуть ему деньги!

– Мы скажем, что провели всю ночь в ресторане, пили... И у нас эти деньги украли.

– Света, но это все звучит очень неубедительно. Просто нелепо!

– Положись на меня! Главное, что эти деньги останутся у тебя. Ты сможешь купить недвижимость в Европе. Или открыть свой бизнес в Москве. Я тебе помогу.

– Но в чем смысл этого рискованного плана? Я-то, положим, получу полмиллиона долларов. Это понятно. А ты? Проведешь ночь с Никитой, и все? Но ведь ты можешь сделать это и меньшей кровью. Я что хочу сказать: к примеру, сделай вид, что уезжаешь куда-нибудь, за границу или в Подмоскovie, в санаторий. К чему такие сложности?

Тут Света резко затормозила. И, глядя прямо перед собой, сказала:

– Я хочу, чтобы он испугался! Понимаешь? А еще хочу узнать: на самом ли деле он такой трус, что бросит меня, вернее, мой труп, открестится от него, взвалит всю ответственность за мою смерть на чужие – на твои, Мила, – плечи и будет себе жить спокойно дальше?

– Но, вероятно, все сложится совсем не так, как ты говоришь. Во-первых, он не приедет по анонимному звонку. Во-вторых, он не ударит тебя, и тогда никакой инсценировки не получится. В-третьих, он сам вызовет милицию. И что мы тогда будем делать?

– В том-то все и дело, моя дорогая Мила, – произнесла Светлана со вздохом, – что весь план основывается на моем знании натуры этого человека. Повторяю, я слишком хорошо его знаю, а потому могу спрогнозировать все его действия.

* * *

Прошел целый год, а в ее ушах постоянно звенит этот голос. Как же все совпало в тот день! И насколько же хорошо надо быть знать ее, чтобы спрогнозировать действия самой Милы! Конечно, ей же только что подарили шубу, да еще какую! Она была в эйфории, она была счастлива и думала только о том, когда же наконец останется одна, чтобы насладиться этой шубой – надеть ее и спокойно, без посторонних глаз, покружиться в ней перед зеркалом. Миле казалось, что с появлением в ее жизни такой шубы произойдут изменения и в ее личном плане. И непременно найдется кто-нибудь – увидит ее в таком роскошном наряде, и... Мысли наивные, но это – ее мысли. И она сама – наивная дурочка. И как же она могла после всего, произошедшего с ней в тот вечер, рассказать все это адвокату, пусть даже и бесплатно? Он вполне мог предложить ей пройти обследование на предмет ее психического здоровья (или нездоровья).

Но он – мужчина, и ему никто и никогда не дарил шубу стоимостью в несколько тысяч долларов. А потому он был не в состоянии понять ее поступки и разобраться в их мотивах.

* * *

Она вышла из такси и медленно поднялась на крыльцо. Сколько раз она представляла себе это возвращение домой! Вот откроет она сейчас дверь своей квартиры, войдет...

Тогда, в прежней жизни, которую Мила теперь будет называть про себя – «до тюрьмы», все произошло слишком быстро, чтобы она могла в чем-то разобраться. Но кое-что она запомнила хорошо. Даже слишком хорошо! Деньги. Она помнила, куда спрятала деньги. Но в ее квартире в ту ночь побывало слишком много людей. Слишком...

* * *

– Ты не могла бы дать мне ключи от твоей квартиры? Понимаешь, я должна подготовиться. Все обставить таким образом, словно я там действительно находилась с любовником. Мне необходимо вжиться в роль. Я и шубу твою отвезу к тебе домой. А ты сними номер в какой-нибудь гостинице.

– Зачем? – Мила уже ничего не понимала.

– Как зачем? А где же ты проведешь ночь?

– Дома...

– Как же ты сможешь оставаться дома, если в твоей квартире останемся мы с Никитой? Да, кстати, прикупи две бутылки хорошего шампанского. Одну мы откроем для инсценировки, а вторая останется нам с Никитой.

– Света, по-моему, это очень рискованно! А вдруг туда нагрянет твой муж? Что, если он решит раскаться, вызовет милицию?

– Ты хочешь сказать, что Виталик вдруг, ни с того ни с сего, захочет в тюрьму? Вот так, сразу и резко? Послушай, Мила! По-моему, план отличный. Ну да, тебе придется провести Рождество в гостиничном номере. Зато ты получила шубу и еще цапнешь полмиллиона долларов! Я думаю, неплохая плата за то, что ты, в сущности, ничего не будешь делать. Ведь тебе надо будет только позвонить Виталику, а потом, когда он меня, мягко говоря, «убьет», провести с ним переговоры, поторговаться. Ведь это же не тебя, а меня он ударит! Кстати, надо бы поставить на видное место какую-нибудь вазу или пепельницу, которой он захочет меня прибить.

– Света, я боюсь!

– Я, значит, не боюсь, а ты боишься? Глупости все это! Надо жить в свое удовольствие, понимаешь? И все средства для этого хороши, тем более что мы-то с тобой чисты, никого не убиваем, не грабим. Так ты дашь мне свои ключи?

Мила отдала ей ключи и вышла из машины. Ей предстояло позвонить Виталию Дибичу.

* * *

Она исполнила все в точности. Нашла телефонную кабину, набрала номер мобильного телефона Виталия и сказала придушенным голосом, что его жена сейчас проводит время со своим молодым любовником в квартире своей подружки – Милы Горкиной. Это абсолютно точно, он может поехать и проверить.

– А ты кто? – каким-то механическим голосом спросил Виталий.

– Доброжелатель, – произнесла Мила и повесила трубку.

Теперь предстояло снять номер в гостинице. В какой? Где-нибудь подальше от центра. Она вспомнила, как одна ее знакомая рассказывала, что ее любовник снимал номер для их встреч в гостинице «Берлин», неподалеку от станции метро «Каховская». Тихое место, рядом с Севастопольской площадью. Правда, далековато. Успеет ли она вернуться к приходу Виталия? Она позвонила Светлане, и та успокоила Милу, сказав, что никого еще нет и она постарается растянуть сцену ревности как раз до возвращения подруги.

* * *

– Вам одноместный стандарт или двухместный? – спросила девушка за конторкой.

– Одноместный. – Мила едва справлялась с волнением. Ей то и дело хотелось позвонить Светлане и сказать, что она отказывается от всего этого – не справится она с порученной ей ролью, вернет шубу, и все. А что, в этом тоже есть свои плюсы – ничего страшного не произойдет, если она порвет отношения с семьей Дибичей! Ничего.

Номер, однако, она сняла. Заплатила за два дня – на всякий случай.

По дороге домой купила шампанское.

Все – первая часть плана завершилась.

* * *

Дома у Милы все было подготовлено, как и говорила Светлана. На журнальном столике в гостиной – два фужера.

– Ты принесла шампанское? – Светлана носилась по квартире в нижнем белье и сильно нервничала. Мила подумала: «Сама все это затеяла».

– Да, принесла.

– Открывай одну бутылку!

Мила покорно открыла.

– Знаешь, я что-то боюсь...

– Ничего не бойся и положишься на меня. – Светлана вдруг остановилась и схватилась за голову. – Господи, хоть бы он не огрел меня слишком сильно! Чтобы я, не дай бог, не очоурилась... Вот смеху-то будет! Как я выгляжу?

– Очень даже соблазнительно. Белье у тебя – секси! Прическа растрепана. Словно ты только рассталась с мужиком.

– Вот и отлично. Все! А теперь тебе надо выйти из квартиры и спрятаться где-нибудь на лестнице, потому что Виталик будет искать моего любовника по всей квартире. И если обнаружит тебя, вряд ли распустит руки.

– Чем это в квартире пахнет? Никак не пойму.

– Не слишком удачные духи. Но пусть Виталик подумает, что это одеколон моего любовника.

– Ничего себе духи! Так воняют...

* * *

Мила вышла из квартиры, поднялась на один лестничный пролет, села на ступеньку и задумалась. Бред какой-то – весь этот план! Хотя... это их семейные дела. Пусть как хотят, так и разбираются.

* * *

Она услышала, что лифт поднимается. Что-то слишком долго, вполне вероятно – на ее этаж. Сердце ее сжалось. Точно. Вот он, лифт! Двери распахнулись, Мила выглянула из-за перил и увидела Виталия. Он был в распахнутом черном пальто до пят, в съехавшей на ухо меховой шапке. Лицо – красное. Что-то сейчас будет!

Дибич принялся изо всех сил давить на кнопку звонка. Раз, два... пять, семь... Наконец, дверь приоткрылась, и Виталий буквально ввалился в квартиру, вероятно, сильно толкнув свою жену. Слышно было, как Света начала возмущаться. И тут Мила явственно разобрала выкрики Виталия:

– Так вот где ты, шалава, встречаешь своих любовников?! Где эта сучка Мила? Приютила тебя с твоим!..

Мила почувствовала, что краснеет. Она слышала громкие голоса, доносившиеся уже из глубины ее квартиры, потом раздался звук топаящих ног – это, вероятно, Дибич, носился по комнатам в поисках любовника своей жены.

Потом начался настоящий скандал – с криками, взаимными упреками, оскорблениями. Они прямо-таки уничижали друг друга словами, словно ядом плевались.

– Не-на-вижу тебя, мразь!!! Говорю же тебе, здесь никого не было и быть не могло, просто мы с Милой пошли в кафе, я пролила кофе на платье, это все! Зашла сюда, чтобы замыть пятно! – Света рыдала в голос, очень натурально, как настоящая актриса! – Поэтому-то я и разделась!

– Врешь, сука! – шипел разъяренный Дибич. – Сучка, шлюха, б...!

– А ты... ты... Импотент несчастный! Ничего сам не можешь, вот тебе и мерещится, что твоя жена с другими спит! Ублюдок!

– Кто импотент?! Я?!

– Ну не я же! – злобно усмехнулась Светлана. – Ну? Почему ты остановился? Да ты ни на что не способен, понял? Разве что ударить меня! Вот это ты можешь! Ну, ну? Что же ты медлишь? Ведь тебе хочется меня убить, размазать по стенке!

И тут раздался глуховатый неприятный стук, и сразу стало тихо. Очень тихо. Готово дело. Теперь – ее выход.

И Мила, с порога крикнув: «Светик, это я, почему ты дверь не заперла?!» – спокойно вошла в комнату.

Она увидела лежавшую на полу Светлану – лицом в пол, как-то странно изогнувшись. Над ней, с вазой в руке – Виталий Дибич. Лицо красное, мокрое. Он тяжело дышал и переводил взгляд с тела жена на Милу и обратно.

– Виталий, почему ты здесь? Что случилось? Ты что... ударил ее?! – Мила бросилась к подруге, хотела было перевернуть ее на спину, но потом решила, что Светлане будет трудно лежать лицом к мужу и изображать мертвую. Пусть лежит так, как она сочла более удобным.

– Скажи, что она делала у тебя? – охрипшим от волнения голосом спросил Виталий. – С кем она была? Я нашел ее вот в таком виде... в неглиже!

– Мы с ней в кафе были, она кофе пролила на платье. Заехали ко мне – замыть.

– А ты где была?

– А у меня сахар кончился, я в магазин пошла... А что? Виталий!

Она сделала вид, что щупает сонную артерию Светланы.

– Ты ударил ее вазой, это я поняла. Но, по-моему, она не дышит! Ты ударил ее по голове?

– Ну не по заднице же! – рявкнул Дибич.

Он был огромный, сильный, такой страшный в эту минуту! Мила подумала, что ему ничего не стоит пришибить и ее, как свидетельницу. Может, признаться пока не поздно, что все это – розыгрыш? Но Светлана ее не простит, никогда. И тогда придется отдать шубу.

– Виталий... Она... она умерла!

В ту секунду, когда Мила произносила эту страшную фразу, ей и самой показалось, что ее подружка мертва.

– Ты что?! Щупай хорошенько! Ну?

– Возьми в ее сумочке зеркальце, поднесем к губам и проверим. Но она не дышит! Это же ясно! Смотри – грудь не поднимается!

Виталий дрожащими руками принялся потрошить сумочку жены. Достал пудреницу, отдал Миле, та открыла ее и поднесла зеркальцем к губам Светланы. Конечно, не так близко, как надо бы.

– Вот, смотри... не запотело! Что же ты наделал, Виталий?! Ты убил ее, понимаешь?!

– Этого не может быть... – прошептал он и сел прямо на пол, рядом с женой. Сначала хотел взять ее за запястье, но потом, видимо, испугавшись, что она действительно мертва, отдернул руку.

– Что теперь делать, Мила?! Я не хотел! Мне позвонили и сказали, что она... что у нее другой мужчина и она встречается с ним у тебя дома.

– Ты же работаешь в банке, Виталя! Вспомни, скольким людям мы отказывали в кредите? У нас много врагов, – не растерялась Мила. – Надо звонить в милицию...

– Стой! Какая еще милиция?! Я не могу! Ты только представь, что будет, если мы вызовем милицию? Меня же посадят! Моя жизнь кончится в ту же самую минуту! Я не для того так много работал, чтобы завершить свои дни в тюрьме!

Мила выдержала довольно долгую паузу, словно ей понадобилось время для того, чтобы придумать план.

– Виталя... Есть один выход. Тем более что убийство произошло в моей квартире.

– Выход? Интересно... Какой же?

– Я скажу коротко. Мне нужны деньги. Ты сейчас уходишь и приносишь мне деньги. Миллион долларов, наличными. Уверена, что у тебя этих миллионов не один и не два. Оставляешь мне деньги, я при тебе вытираю отпечатки твоих пальцев и обуви везде, где только можно, и ты уходишь. А остальное – дело техники.

– Что ты задумала?! Мила...

– Я избавлюсь от тела. Это моя забота. А ты позаботься о том, чтобы раздобыть в ближайший час миллион долларов.

– Так... Стоп... Подожди! Ты хочешь сказать, что ты за миллион готова взять убийство на себя?!

– Еще чего?! Нет. Просто я уничтожу все следы. Ты займись своим алиби. Тебя здесь не было, понимаешь? У тебя просто пропала жена. Ты подашь заявление в розыск. А дальше – веди себя естественно. Ищи жену, переживай, убивайся. Но ее никто и никогда не найдет.

– Куда ты ее... денешь?

– Тебя это не касается. Есть у меня на примете одно место...

– Миллион... Это много, зайка... очень много! – Он смотрел на нее, буквально впившись взглядом в ее лицо. – Это очень большие деньги.

– Тогда звони в милицию. Сам увидишь, что тут начнется. Мало тебе не покажется.

Они долго торговались. Как на базаре. Сошлись, как и предполагала Светлана, на пятистах тысячах

долларов.

– Ты жмот, но я согласна. Привезешь деньги.

– Ну уж нет! Мы поедем вместе. Но предварительно уничтожим следы моего пребывания в твоей квартире.

– Нет, так не пойдет, господин банкир! Ты сотрешь все отпечатки, а потом твои люди хлопнут меня где-нибудь в темном месте? Нет, ты сам привезешь мне деньги.

– Тогда поедем вместе. Чтобы ни тебе, ни мне не было обидно. Один мой друг, Алик, может дать мне деньги. Я только позвоню ему.

* * *

Они вернулись лишь через три часа. На улице стемнело, в комнатах пришлось зажечь свет. Мила прижимала к груди пакет с деньгами. Да, Светлана была права: ничего особенного ей и не пришлось делать. Сейчас они уничтожат следы пребывания Виталия, и он отправится к своим друзьям, будет пить всю ночь. Светлана приведет себя в порядок, позвонит Никите, и они проведут ночь любви здесь, в этой квартире. А Мила с деньгами, накинув на плечи новенькую шубу, отправится в гостиницу «Берлин» – отсыпаться. Все, план сработал!

– Главное, обтереть эту вазу, – говорил Виталий, натягивая на пальцы белые хирургические перчатки. – Дай-ка мне тряпку.

* * *

Они вытирали ручки двери, косяки, все, к чему мог прикоснуться Виталий.

– А теперь ты оставь свои пальчики на вазе, – вдруг потребовал он.

– Да пожалуйста! – Она схватила вазу обеими руками. – Еще где-нибудь оставить? Ты пойми, это же моя квартира, здесь полно моих отпечатков.

– Ладно, Людмила. – Дибич перешагнул через бездыханное тело своей жены и, стягивая на ходу перчатки, направился к выходу. – Сделай все как следует. Господи, прости меня!

Он перекрестился и вышел.

Мила вернулась в гостиную.

– Все, Светик, можешь вставить. Маскарад окончен... ну же! Тебе помочь?

Она взяла Светлану за руку и вдруг поняла, что она совсем холодная.

– Ты замерзла, вот черт! Может, ты сознание потеряла? Этот жлоб так сильно ударил тебя? Ну же, Света, вставай!

Она с трудом перевернула ее и, увидев лицо, обрамленное грубо сделанным париком из белых волос, закричала.

Это была совершенно другая женщина. И она была мертва!

* * *

Мила достала ключи и отперла дверь. Вошла. Удивилась, увидев вместо грязного, убогого жилища, которое она оставила, когда ее забирали в наручниках, как убийцу, чистую ухоженную квартиру: все блестит, нигде ни пылинки... Она включила свет. В углу гостиной стояла наряженная пушистая елочка. Что это?! Камерный сон? Плод ее воспаленного, болезненного воображения? Откуда здесь взяться елочке?

Самое невероятное заключалось в том, что стол был накрыт. На две персоны. Бутылка вина, фужеры, салаты, торт... Что же это за волшебник? Кто так постарался встретить ее после целого года отсутствия?

– Мила...

Она услышала этот голос. Резко повернулась и вздрогнула...

– Не бойся. Я хотела устроить для тебя праздник. В честь твоего возвращения.

Светлана в черном открытом платье появилась, как призрак.

– Прости меня, прошу тебя! Я тебе все-все объясню. И отблагодарю тебя за все... за все.

– Да ты вроде уже сделала это. – Каждое слово давалось Миле с трудом. – Помнишь ту шубу? Я даже не знаю, где она сейчас. Да и была ли она? Не приснилась ли?

– Нет, она на месте. Висит в твоём шкафу.

Светлана подошла к ней, и Мила отпрянула, словно действительно поверила в то, что перед ней – призрак.

– Как ты вошла в мой дом?

– У меня были твои ключи, разве ты забыла? Ты же сама мне их давала, в тот день.

– Я не хочу тебя видеть.

– Прошу тебя, прими ванну, надень что-нибудь красивое – я позаботилась о том, чтобы ты, вернувшись, могла принарядиться. Открой шкаф.

– Ты действительно думаешь, что после всего, что мне пришлось из-за тебя вынести, я смогу успокоиться при виде новой кофточки или платья? Ты думаешь, что меня можно купить за какие-то шмотки?!

– А деньги... Где твои деньги?

– Это ты меня спрашиваешь?!

* * *

Светлана была права. Чистая, красивая, в дорогом платье и сверкающих бриллиантах, она являла собой разительный контраст с бывшей «зэчкой» Милой.

Мила ползла в ванную комнату. Боже, как же она мечтала поскорее забраться в свою любимую ванну, до краев полную теплой душистой воды!

* * *

Светлана вошла еле слышно. Присела на краешек ванны.

– Я постараюсь объяснить тебе в двух словах, что же произошло на самом деле. Да, мы поступили с тобой скверно. Но так иногда случается в жизни – ты предаешь самых близких.

– Кто та женщина, чей труп нашли в моей квартире? – сухо спросила Мила.

– Виталик сбил двух маленьких детей и уехал с места преступления. Дети остались живы, но их сильно покалечило. Эта женщина была свидетельницей наезда. Она шантажировала Виталия.

– И что?

– Она обнаглела, заявила к нам домой, угрожала рассказать все в милиции. И он убил ее. Ударил по голове вазой. Примерно такой же, хрустальной, как и твоя. Надо было что-то предпринимать. Куда-то подкинуть труп. И мы придумали эту историю.

– Ерунда какая-то! Зачем, если вы могли просто вывезти ее за город?

– Если бы ее нашли, началось бы следствие, и на Виталика вышли бы. Он хотел, чтобы за это убийство отсидел конкретный человек, и мы подумали, что им можешь стать только ты.

– Но почему?

– Потому что только с тобой можно было договориться.

– А ты не боишься, что я тебя убью? По-настоящему! За всю эту подлость, за все, что вы со мной сделали?!

– Я понимаю тебя, – кивнула Света.

* * *

Странное дело, но злости Мила почему-то уже не испытывала – она устала злиться, строить планы мести. Остались лишь апатия и усталость.

– Как и когда вам удалось подкинуть в мою квартиру тело этой женщины? – Ей все еще было любопытно.

– Ты ездила в гостиницу, покупала шампанское. Времени было много. Мы завернули труп в ковер, привезли на машине, подняли в твою квартиру и спрятали под кроватью в спальне. Помнишь, ты еще говорила, что в квартире дурно пахнет? Виталик убил ее еще вечером, и целую ночь труп пролежал у нас дома.

– Значит, вся эта история с шубой... Спектакль?

– Мила... У нас не было другого выхода! К тому же, будь ты поумнее, плюс если бы не реакция соседей на наши крики... Кто бы мог подумать, что мы с Виталиком настолько увлечемся, что станем орать друг на друга так, что перепугаем всех твоих соседей? Это они вызвали милицию. А если бы они ее не вызвали и если бы ты не растерялась, то сделала бы все. Как вы и договаривались с Виталиком.

– В смысле?!

– Постаралась бы надежно спрятать тело этой женщины. Вот и все.

– Но почему? Почему я, а не вы, должна была это сделать?!

– Да потому что он тебе заплатил, дуреха! Ведь он же дал тебе деньги? Дал?

– Мы поехали с ним к его другу, Алику, Виталий взял у него деньги, и мы вернулись ко мне. Там я на его глазах вытерла отпечатки его пальцев, где только было можно. С вазы тоже.

– Это была уже другая ваза, Мила. Это была наша ваза! Со следами крови той женщины.

– Значит, это не вы вызвали милицию? – переспросила Мила.

– Нет, не мы. Это твои соседи. Когда, кстати, приехала милиция?

– Сразу после ухода Виталия, когда я затормошила тебя... вернее, тот труп. Я-то думала, что это – ты.

– Могу себе представить, как ты удивилась!

Мила смотрела на Светлану и спрашивала себя: как вообще земля носит таких людей? Таких уродов?

– И вы, зная, что меня загребля милиция, продолжали сохранять полное спокойствие?

– А чего нам-то было бояться, если ты собственноручно стерла отпечатки наших следов и припечатала свои пальчики к вазе, к орудию убийства? Мы к этому не имели никакого отношения! К тому же мы знали: если ты начнешь давать показания и расскажешь о том, что было на самом деле, тебе никто ни за что не поверит. Будь спокойна! Насколько мне известно, ты и на суде не проронила ни слова, не говоря уже о следствии. Ты купилась на шубу и на обещанные тебе полмиллиона долларов – в этом и был наш основной расчет. Жаль, подружка, что ты так и не успела потратить эти денюжки и тебя сразу же упрятали за решетку.

– Да, жаль. Света, мне надо вылезти из ванны. Надеюсь, ты не собираешься меня утопить?

– Нет. Я выйду.

Мила выбралась из ванны, накинула халат и заперлась изнутри. Замерла, прислушиваясь к звукам, доносившимся из глубины квартиры. Она услышала, как заработал телевизор.

Подошла к стиральной машинке, открыла ее.

Денег, которые она успела спрятать (завернув пачки в пододеяльник) перед появлением в квартире работников милиции, не было. Да уж, глупо, предельно глупо было на что-то рассчитывать. Глупо! Она села на краешек ванны и заплакала.

* * *

Мила не помнила, сколько времени она провела, запершись в ванной. Быть может, целых полчаса.

Вернулась в гостиную и нашла Светлану в кресле. Завернувшись в плед, та плакала. Услышав шаги, она подняла мокрое красное лицо. Хотела что-то сказать, но Мила опередила ее:

– Послушай, дорогуша, по-моему, тебе надо убираться отсюда, и чем скорее, тем лучше. Вот только ответь мне на последний вопрос. Как получилось, что меня выпустили? Неужели твой Дибич сам пришел в милицию и покаялся? Рассказал, как все было? И его посадили, а меня выпустили?

– Нет, все было не так. Но тебя это не должно волновать. Ты же искала деньги. Спрятанные тобой в стиральной машинке в тот злополучный день, ведь так? Я видела, как изменилось твое лицо, когда ты вышла из ванной. Деньги... Их не нашли, то есть не украли. Представляешь, они так и лежали в машинке! Долгое время. Пока я не стала время от времени приходить сюда – ностальгировать. Ты думаешь, что я такая черствая, что я дрянь, сволочь? Наверное, ты права. Но мне так не хватало тебя, наших с тобой посиделок, разговоров, шатаний по магазинам... Мне было с тобой спокойно, комфортно. И, главное, не одиноко. Я знаю, что со мной может быть скучно, но я такая, ничего не поделаешь. Я, в сущности, лентяйка, жила в полное свое удовольствие, нигде никогда не работала, пользовалась всеми благами, которые мне предоставлял Виталий. Я, как могла, старалась помочь тебе, чтобы ты почувствовала себя почти ровней мне. Глупо, правда? Но я все делала для тебя искренне, ничего не требуя взамен. Ты была мне как сестра!

– Зачем ты мне все это говоришь? Что ты задумала на этот раз? Где спрятала очередного покойника? И что ты там сказала про мои деньги? Ты забрала их?

– Понимаю твой тон. Я его заслужила. Понимаешь, я приводила в порядок твою квартиру. Решила перестирывать постельное белье. И обнаружила в машинке полмиллиона долларов. Я, честно говоря, думала, что Виталик даст тебе фальшивые. Но они были настоящие, я проверяла.

– И ты пришла сказать мне, что...

– Я привезла их тебе. Вот они.

Светлана поднялась и принесла из передней большую хозяйственную сумку. Открыла ее и высыпала на стол пачки долларов.

– Они твои. Но предложение у меня к тебе было. Да, было... Думаю, ты бы все равно его не приняла.

– Любопытно. – Настроение у Милы заметно поднялось. Она с трудом это скрывала, хотя и понимала, что так просто деньги не возвращают. Светлане снова что-то от нее понадобилось!

– Я хотела бы вернуть наши отношения. Чтобы все стало как прежде.

– Ты хочешь купить нашу дружбу?

– Грубо говоря, да. Я понимаю: сегодня не самый удачный вечер для подобного разговора. Но я осталась совсем одна.

Миля ждала подвоха. Она напряглась, а потом, пользуясь молчанием Светланы, принялась укладывать деньги обратно в сумку.

«Я заслужила их, заслужила, заработала! Тюремной отсидкой!»

– Ладно. Я пойду. Все испортила! Я ничего не умею, даже нормально разговаривать. И деньги принесла, и извинилась вроде... Не знаю, что дальше делать, как себя вести. Разве что рассказать тебе настоящую правду?

– Сегодня прямо вечер откровений! – Усмехнувшись, Миля унесла сумку в спальню и вернулась.

Светлана плеснула себе коньяку.

– Он меня обманул! В смысле, соврал про двух маленьких детей, которых он вроде бы задавил. И эта женщина... Словом, недавно я узнала, что она – не простая шантажистка. Что это – Катя! Да, ту женщину, кстати, звали Катя. Так вот, она была вроде бы как второй женой Виталия. Забеременела. Стала настаивать на нашем с ним разводе. Словом, стала вести себя как настоящая истеричка. Заявилась к нам домой! Между ними произошел, видимо, серьезный разговор, дело дошло до потасовки, вот он и ударил ее вазой. Я узнала об этом случайно и совсем недавно. О том, что она была его любовницей, почти женой. Поэтому-то я его и сдала! Нашла твоего адвоката, того, молоденького, и все-все ему рассказала. Он ведь долго не мог понять, почему ты молчишь и ничего не говоришь в свое оправдание. Вот я ему и объяснила, какую мы состряпали с Дибичем историю. Потом принесла рубашку Виталия с каплями крови этой Кати. Понимаешь, в твоём случае полностью отсутствовал мотив. По моему настоянию следствие было возобновлено, появилось много новых фактов, я постаралась их предоставить. И в результате мой Виталик теперь в камере, ждет суда. И не любил он меня никогда! Никогда!

Светлана встала, отряхнулась, словно ее платье было в крошках, улыбнулась печально и направилась к выходу.

– Да, чуть не забыла. С Рождеством тебя, дорогая подруга!

* * *

Миля сидела за столом, подперев лицо ладонями, и смотрела на дверь, за которой скрылась Светлана. Непостижимый человек! Удивительный! Она так до конца и не поняла, что они сотворили вместе. Другая бы просто исчезла и никогда не появлялась, а эта... Пришла, привела в порядок квартиру, накупила каких-то вещей, накрыла стол... Деньги принесла, сохранила!

Миля раза три порывалась встать и догнать Свету, схватить за плечи и сказать: «Подожди! Не уходи!» Но так и не остановила бывшую подругу.

Минутами Миле казалось, что она только что разговаривала с той, прежней Светланой, которую любила по-своему, к которой была привязана. Но только не с той, сыгравшей с ней такую злую шутку и посадившей ее за решетку.

Еще подумалось: расскажи она кому-нибудь эту историю – никто не поверит. Хотя недаром же говорят, что предать тебя могут лишь самые близкие люди.

* * *

Миля оделась и вышла из дома. Повсюду ощущался праздник: в окнах сверкали огни новогодних елок, из распахнутых форточек доносились голоса, смех, музыка. Под ногами поскрипывал снег, такой чистый, упругий, голуловатый.

Мила шла в красивой дорогой шубе, но ничего вокруг нее не происходило: никто не бросался к ней со словами восхищения, ничто не менялось, и новая жизнь словно и не начиналась. Она была свободна, богата, относительно здорова (если не считать хронического нервного расстройства), ей было куда вернуться, что поесть и выпить. Только не было той, чьей тенью она была последние годы, чью жизнь она сопровождала, не думая о быстротечности времени, о необратимости своих собственных ошибок.

«Я осталась одна. Совсем одна».

И вдруг в воздухе словно произошло какое-то движение, и дышать стало необыкновенно легко. *«Я одна. Я никому ничем не обязана! И мне совершенно необязательно подчинять ритм своей жизни той женщине, которой я служила».*

* * *

Ей захотелось домой. К себе домой. И чтобы никого не было. Только она и ее мысли о будущем. А будущее у нее непременно будет!

* * *

В подъезд она почти вбежала, поднялась на лифте на свой этаж и чуть не столкнулась с каким-то человеком.

– Привет! – сказал молодой мужчина, и видно было, как он обрадовался, увидев Милу. – Вы меня не узнаете?

Это был ее молодой адвокат. С бледным веснушчатым лицом.

– Узнала... Да-да, я вас узнала!

– Я знал, что вы сегодня... вернетесь. У меня – вот! – Он покачал в руке коробку с тортом, горлышко от бутылки шампанского высовывалось из кармана его куртки. – Подумалось, что вам будет скучно одной после всего, что вам пришлось пережить. Да и просто... Так хотелось вас увидеть... Поговорить. Я же знал, всегда знал, что вы были ни при чем!

Мила зажмурилась, потом открыла глаза – видение не исчезло.

Молодой человек продолжал держать торт и улыбаться, радуясь их встрече.

Она снова зажмурилась... открыла глаза и улыбнулась в ответ.

Дарья Донцова

Ключ от денег

Новый год надо переименовать в День продавцов, давайте честно признаемся, это ведь их праздник!

Я прислонилась к стене торгового центра и в изнеможении закрыла глаза, больше не могу, сделайте одолжение, пристрелите Евлампию Романову. Неожиданно в голове ожили не совсем приятные воспоминания. Ровно год назад, за несколько дней до 31 декабря, я точно так же, как сейчас, чуть не потеряла сознание в большом универмаге. Хорошо хоть была не одна, я отправилась покупать подарки вместе со своей подругой Еленой Казариловой, и она не дала мне уйти в астрал.

– Эй, очнись! – энергично потрепала меня Елена. – Не спи! У тебя сколько людей еще осталось в списке?

– Хочу кофе! – простонала я. – Большую чашку! С молоком!

– Нечего, детка, зря трепыхаться, – деловито перебила меня Казарилова, – если каждый час арабикой наливать, то по миру пойдешь с протянутой рукой. В этом магазине совсем охамели! Двести целковых за капучино! Вот мерзавцы! Пользуются тем, что люди обалдевают от суеты и хотят подкрепиться. Впрочем, я должна признать, что сегодня тут весьма оживленно.

Я обвела взглядом толпу. Оживленно! Это мягко сказано! Типичный сумасшедший дом! Тетка с потекшим макияжем, злой мужик, качающий детей, которых вообще не следовало брать в магазин перед праздником. Ну как может малыш поверить в существование Деда Мороза, если он видит, как мама покупает машинку, которая потом очутится под елкой? А вон та явно ненормальная тетка прихватила с собой йоркширского терьера. Мне стало до слез жаль лохматое тяжело дышащее животное. Бедный песик! Ему-то за что такое испытание?

– Давай, очнись, – толкнула меня Ленка, – ты кому еще подарки не купила?

– Кирюшке – простонала я. – Лизе, Вовке Костину.

– А что запланировала? – не отставала подруга.

– Мышку для компьютера, набор косметики, а что дарить Костину даже предположений нет, – горестно сказала я.

– «Волгу»! – азартно заявила Ленка.

– Вовке!!! Я сейчас упаду.

– Фиг с тобой, идем в кафе, – сменила гнев на милость Казарилова, – но только быстро! Вон там столики, видишь? Надеюсь, ты меня угостишь кофе. В моем бюджете беготня по трактирам не предусмотрена.

Почти в предсмертном состоянии я плюхнулась на пластиковый стул, заказала большой стакан латте, и тут к нам подошел невысокий парень в шапочке Деда Мороза. Его лицо украшала длинная белая борода, но глаза сразу выдавали возраст: «старичку» было едва за двадцать.

– Раздаю подарки! – странно высоким голосом сказал он. – Лотерея по ключам!

– Как это? – заинтересовалась Ленка.

Парень вытащил из большого красного мешка дешевый фен неизвестного производства.

– Видите, – покрутил он перед ней коробкой, – в моем магазине такой стоит сто долларов!

Я постаралась не рассмеяться. Сто рублей – вот какой должна быть цена этому «чуду» техники.

– Покажите мне свои ключи от квартиры.

– Зачем? – изумилась Ленка.

– Если на них есть цифры семь и ноль, то вы получите фен!

Казарилова раскрыла сумочку. У меня звенело в ушах, а к голове подкрадывалась мигрень, латте не бодрил, надо принять таблетку. Пока Ленка гремела перед Дедом Морозом связкой ключей, я огляделась по сторонам, увидела рядом аптечный киоск и сказала:

– Сейчас приду, хочу цитрамон купить. Лен, ты слышишь? Оставляю пакеты здесь!

Казарилова закивала, но я заподозрила, что она пропустила мои слова мимо ушей, и задержалась. Лена полностью была поглощена лотереей, а юноша, словно змей-искуситель, продолжал:

– Фен вы получите на том свете. За эти ключи его не дадут!

– Почему? – расстроилась подруга.

– У вас нет ни семерки, ни нуля...

– Проверь, как же нет!

– Сами смотрите, – сказал Дедушка Мороз, – но можно по паспорту счастье попытать! Он у вас с собой?

– Конечно! – обрадовалась Ленка и начала рыться в сумочке.

Юноша поправил бороду, широкий рукав красного халата сбился к локтю, обнажилась тонкая рука с нежной кожей. Я удивилась: посередине предплечья был написан трехзначный номер, и ниже – круглый шрам и синяк, такие остаются, если вас прижгли сигаретой.

– Во! – завопила Казарилова. – Есть! Ноль!

Дед Мороз вздернул брови.

– Покажите.

Рукав халата вновь упал к запястью, мне стало тревожно, я тихонько толкнула подругу в бок.

– А? – обернулась Казарилова. – Ты уже вернулась? А я фен выиграла.

– Не надо демонстрировать незнакомому человеку свои документы, – тихо сказала я, но Дед Мороз все равно услышал мое предостережение и возмутился:

– Я работаю от секции электротоваров, у нас акция! Мы делаем подарки покупателям. Новый год же! Хотите поучаствовать?

– Нет, – помотала я головой.

– Купила цитрамон? – налетела на меня Казарилова.

– Не успела.

– Так топай в аптеку, – велела Ленка и повернулась к юноше, – а по рабочему удостоверению можно поиграть? Че за него дадите?

– Упаковку мыла, три куска! – заявил юноша.

Я вздохнула и отправилась за цитрамоном.

Охоту на подарки мы с Ленкой завершили около восьми вечера. Положив пакеты в свою малолитражку и испытав огромное облегчение от того, что кошмар завершился, я повезла Казарилову домой. Мы живем в двух шагах друг от друга, поэтому Ленка мне сказала:

– Поднимись, у меня есть блинчики с мясом.

Я приняла приглашение. Казарилова волшебным образом готовит, а дорога домой займет у меня пять минут.

– Лешка офигел! – возмутилась Лена, подходя к своей квартире. – Пришел и дверь за собой не закрыл! Ну ваще! Сколько раз говорила ему, захлопывай, не ровен час...

Продолжая ругать беспечного мужа, Казарилова толкнула дверь и заорала:

– Мама божья! Это что?

Я разинула рот. Прихожая была завалена вещами, выкинутыми из ящиков, чья-то злая рука сорвала со стен симпатичные картинки с изображением кошек и лосеночка. Стекло треснуло, рамки сломались, а сами акварели были покрыты черными пятнами, будто их топтали.

– Это что? Что? – тихо повторяла Ленка.

– Звони в милицию, – приказала я.

Но вместо того чтобы кинуться в комнату, где стоял телефонный аппарат, Казарилова рванула в туалет, из санузла долетел стук, звон, потом звук спускаемой воды, наверное, Ленку тошнило от стресса. Я положила на пол два пластиковых пакета из-под наших покупок и, стараясь ничего не нарушать, очень осторожно прошла в помещение, которое служит Казариловым спальней, гостиной, кабинетом и столовой одновременно. Те, кто не первый раз встречается со мной, знают, что я работаю в частном детективном агентстве «Лисица», а еще у меня есть ближайший друг, майор милиции Владимир Костин, поэтому мне очень хорошо известно: чем меньше посторонних следов на месте преступления, тем легче потом работать криминалистам, и телефонную трубку лучше всего брать в перчатках, вдруг на ней остались отпечатки пальцев вора.

Я подняла трубку и начала осматривать помещение. Да уж, грабитель вел себя нагло, открывал дверки у шкафов и ничтоже сумняшеся выкидывал их содержимое на пол. Негодяй зачем-то перебил все фигурки, которые самозабвенно собирала Ленка, ничего особенного в коллекции не было, такие статуэтки можно приобрести в любом магазине за ближайшим углом, но Казариловой очень нравятся кошки, собачки и дети, отлитые китайскими мастерами из псевдофарфора. Правда, Ленка их сама не покупает, она экономит на всем, ей делают подарки подруги и коллеги по работе. Ну зачем надо было безделушки бить? Это чистой воды вандализм. Очевидно, человек, взломавший квартиру Казариловых, обладал на редкость завистливым, черным характером, ему невольно хотелось уютную норку, хочется ее разорить!

– Что у нас происходит? – заорал из прихожей Леша. – Ленка! Какого хрена ты все из шкафов вытряхнула?

Я вздохнула и пошла к нему, пусть вернувшийся хозяин сам вызывает оперативников. Ну почему

мужчины в любом несчастье начинают обвинять женщин?

Спустя два часа квартира Ленки и Лешика стала настоящим адом. Здесь разгуливали парни в форме и примчались врачи, Ленке стало плохо с сердцем, а я с изумлением слушала то, что Лешик рассказывал сотрудникам милиции.

Оказывается, Казариловы давно копили деньги на новую квартиру, в «однушке» жить очень неудобно даже при отсутствии детей, каждую заработанную копейку мои друзья клали... нет, не в банк! Они засовывали ассигнации в специальную железную коробку, которую прятали в щели за унитазом, там, где к нему присоединена труба. Отчего-то это место показалось и Ленке и Лешику очень укромным, ну кто полезет рыться за стояком? На сегодняшний день у супругов скопилась астрономическая, на мой взгляд, сумма: триста тысяч американских рублей. После десятого января Казариловы собирались ехать в риелторское агентство.

– Кто еще знал о заначке? – спросил оперативник.

– Ни одному человеку мы не говорили, – плакала Ленка, – даже Лампе, хоть она и самая близкая.

– Вы никогда не прикасались к этим деньгам? – повернулся ко мне милиционер.

– И не слышала о них, – ошарашенно ответила я, – знала, что друзья на квартиру копят, Ленка сэкономила на всем, но я думала, у них счет в банке.

– А в гостях вы бывали? – нахмурился оперативник.

– Да, достаточно часто.

– В туалет ходили? – прицепился ко мне мент. – Могли дверки распахнуть, поинтересоваться, что там за коробочка стоит, между трубами.

Я не обижалась на дознавателя, у него такая работа: подозревать всех, просто вытянула руки и произнесла:

– Снимите у меня отпечатки пальцев, потом сравните их с теми, что остались на месте преступления, и ваши сомнения отпадут. Вам не понадобятся никакие санкции, ордера и разрешения, я сама дала согласие на дактилоскопию.

– Грамотными все стали, – недовольно буркнул парень.

– Сереж, учти, замок открыли ключом, – крикнул криминалист, возившийся у двери, – родным или нет, скажу после того, как посмотрю в лаборатории.

– Дед Мороз, – осенило меня, – гадание по паспорту и ключам! Ленка таки выиграла фен, а еще она получила коробку мыла!

– О чем вы говорите? – удивился Сергей.

Я начала рассказывать о юноше, раздававшем подарки, и через пару минут пожалела, что не сообщила об этом Сергею с глазу на глаз.

Всегда приветливый Лешик накинулся на жену с кулаками.

– Дура! – орал он. – Идиотка! На фен польстилась!

– Ты же знаешь, – пыталась глупо оправдаться Лена, – мой вчера сломался, а тут этот подвернулся очень кстати!

– Мы во всем себе отказывали, – пошел вразнос Лешик. – Жили на крохи, остальное в кубышку складывали! Да я на парикмахерской сэкономил! Вот!

Лешка потряс рыжими кудрями и замер с раскрытым ртом, от негодования он потерял дар речи.

– С твоей шикарной шевелюрой нет необходимости часто посещать салон, – нехстати заявила я, – краситься не надо, цвет волос роскошный, и вьются они сами. Прямо завидно, никакая химическая завивка не требуется.

– Заткнись! – завизжал Лешик. – Ты такая же дура, как Ленка! Видела ведь, что она затеяла? Почему не вмешалась? Не остановила ее! Кретинка! Сволочь!

Я быстро вышла из комнаты под аккомпанемент воплей обезумевшего Лешика и громкие рыдания Ленки. Наверное, Алексей прав, мне следовало прогнать «Деда Мороза», но я так устала в магазине, что совсем перестала соображать, да еще началась мигрень...

Испытывая чувство вины, я хотела убежать из квартиры, поравнялась с экспертом, продолжавшим возиться с замком, и вежливо сказала:

– Можно пройти?

Он поднял голову.

– Лампа! Здорово!

– Женька! – обрадовалась я. – А Вовка сказал, что тебя по здоровью комиссовали.

Женя усмехнулся:

– Ну куда они без ученых, если сами замки читать не умеют! А ты чего тут?

– Подругу ограбили, – вздохнула я.

Мы поболтали пару минут, потом Женя спросил:

– Че хозяева там воют?

– Большая сумма денег пропала, – сказала я, – они на новую квартиру собирали!

– Бедняги, – искренне пожалел Казариловых Женька.

– Есть шанс найти вора?

Женька вновь склонился над замком.

– Сама как считаешь?

Я замялась.

– Вот-вот, – кивнул он, потом заговорщицки зашептал, – не повезло им. Этот наш Серега подметки рвет, хочет с земли наверх уйти, ему висяки ни к чему. Даже искать не станет, дело замнет, ну и еще объективный момент: того, кто ключи украл, найти сложно, он сорвал хороший куш, заляжет на дно. Придется твоим друзьям заново деньги копить.

Я молча слушала Женю. Увы, он прав. Предположим, что Сергей напряжется и сумеет отыскать грабителя, его осудят, но деньги он не отдаст, скажет: в карты проиграл. Уголовника обяжут выплачивать в пользу Казариловых ежемесячные суммы по иску. Вот только триста тысяч долларов он будет отсчитывать до морковкиного заговенья, пока после дождичка в четверг рак на горе свистнет. Ну почему я не проявила бдительности и не прогнала Деда Мороза?

– У Ленки ключи не крали, – уточнила я, – тот парень их просто в руках подержал, номер изучал!

Женька засмеялся:

– На пасту оттиснул! Если у него в мастерской есть знакомый, десяти минут хватит на изготовление дубликата.

– Ага, видела в торговом центре вывеску «Срочное изготовление ключей», – вспомнила я.

Женька со стоном выпрямился.

– Спина скоро треснет, – пожаловался он. – Говоришь, заметила слесаря? Так сбегай к нему, помоги друзьям, ты у нас профессионал, может, успеешь хоть часть их бабок вернуть, на Серегу не надейся! Гнилой опер!

– Твоя правда, – прошептала я, – попытка не пытка. Все лучше, чем ничегонеделанье.

– Дерзай, Лампа! – напугивал меня Женька и, громко охая, начал вынимать замок из двери.

На следующий день в десять утра я приехала в торговый центр, нашла небольшую нишу, в которой был прилавок с болванками, и спросила у мастера, изрядно изукрашенного татуировками:

– Можете ключи сделать?

– Легко, – ответил он, – оставляй их на час, оплата вперед.

– Быстрее нельзя?

– Работы много.

– Я заплачу двойной тариф.

Слесарь отложил в сторону какой-то инструмент.

– Идет. Приходи через полчаса.

– Мне надо за десять-пятнадцать минут.

– Покажи ключ, – потребовал мастер, – если простой, я живо управлюсь.

– По слепку сделаете? – прищурилась я.

Он вытер руки грязной тряпкой.

– Иди мимо!

– Простите, вас как зовут?

– Павел Андреевич, – с достоинством ответил слесарь, – но зря ты полагаешь, что если мы познакомимся, то я соглашусь сделать ключ! Я закон знаю! Неприятностей не хочу. Понятно?

– Более чем, – кивнула я и вытащила давнее удостоверение. – Разрешите представиться, Евлампия Романова.

– Ну и чего? – нахмурился Павел Андреевич.

– К вам вчера приходил Дед Мороз?

Мастер взял болванку и зажал ее тисками.

– Не-а, я не писал ему письмо и на подарок не рассчитываю, – на полном серьезе ответил он.

– Вчера вы сделали ключ по оттиску, – решив не обращать внимания на его зубоскальство, сказала я, – скорей всего, своему хорошему знакомому, который оказался вором.

Павел Андреевич бросил на стол напильник.

– Сказано, я таким не занимаюсь! Вам, ментам, лишь бы человека обвинить!
– Я частный детектив!
– Какая разница!
– Большая. Если честно расскажете, кто вам заказал ключ, то информация останется между нами.
– Говоришь, не из ментовки? – хмыкнул слесарь. – Тогда пошла на... Примоталась с болтовней, покоя нет.

– Ладно, – мирно согласилась я, – сейчас уйду, напоследок задам лишь один вопрос. Вы знакомы с криминалистикой?
– Пльви к... матери, на быстром катере!
– Отлично! Прямо сейчас я направлюсь в отделение, к следователю. Спустя час сюда явятся криминалисты, понимаете, все инструменты: тиски, напильники, вон те загогулины, не знаю, как их правильно назвать, очень разные...

Павел Андреевич посмотрел на меня.
– Не пойму, о чем болтаешь? – сменил он грубый тон на более вежливый.
– У человека уникальные отпечатки пальцев. Слышали о такой особенности?
– Ну...
– А ваши приспособления оставляют борозды, полоски, углубления, вмятины... Нет двух идентичных тисков. Криминалист живо докажет, что ключ делали вы. Так мне идти в милицию?

Павел Андреевич забежал глазами, а я смотрела на него, радуясь. Слесарь не сомневался в том, что грабитель бросил ключи на месте преступления и у специалиста будет объект для изучения. Пауза затягивалась, и я решила подстегнуть события.

– Допустим, пока я мотаюсь туда-сюда, вы живо свернете мастерскую и увезете оборудование. Думаете, таким образом обведете ментов вокруг пальца? Получится только хуже!
– Это почему? – буркнул Павел Андреевич.
– А по какой причине ни в чем не замешанному человеку замечать следы? И второе: даже если самым тщательным образом протереть пол, сотрудники лаборатории все равно найдут микроскопические частицы.
– Чего? – в ужасе спросил слесарь.
– Вы же пилите болванку, – объяснила я, – с нее сыплется мелкая металлическая крошка, отыщут один ее миллиграмм и легко докажут: ключ сделан здесь!
– Ну, блин, – с шумом выдохнул мастер, – устроил себе приключений на задницу! Да не взял я ни копейки!
– С кого? – обрадовалась я. – С Деда Мороза?
– Какой на фиг, блин, дед! – возмутился Павел Андреевич. – Девчонка прибежала, вся в соплях. Пятнадцати лет с виду. Пожалел я ее! Только она никак не могла фатеру грабануть.
– Почему вы пришли к такому выводу?
Слесарь начал перекладывать болванки.
– Сидел я в свое время, – признался он наконец, – по глупости попал, за драку. Одного раза хватило, чтоб за ум взяться. Насмотрелся на контингент. Не похожа та девочка на воровку, они другие!
– Значит, к вам вчера пришла клиентка, очень молодая, и дала оттиск ключа? – уточнила я.
– Ага, – признался Павел Андреевич, – на пасту был сделан, качественная работа.
– И вы не заподозрили ничего дурного? – удивилась я.
Слесарь сел на табуретку.
– Нет. Она сказала, что служит домработницей, сама из бедной семьи, вот и нанялась чурке полы мыть. Это что же в России делается? Ей бы в школу ходить, а она на богача горбатится, у меня у самого внука, так...

– Давайте вернемся к оттиску, – перебила я, – как она объяснила его наличие?
– Хозяева дали ей ключ, – озвучил версию мастер, – у них свои имеются, третий для прислуги сделали, чтобы в их отсутствие девка могла за продуктами сходить. Но она его потеряла!
– Интересно! – воскликнула я.
– Сначала она испугалась, потому что поняла: за оплошность ее уволят, – продолжил Павел Андреевич, – но потом поразмыслила и сообразила: надо оттиснуть один из хозяйских ключей и бежать в мастерскую. Умоляла меня сделать побыстрее, боялась, хозяева вернуться, ей надо свой ключ им перед уходом сдавать. Ну и плакала она! У меня самого внука растет, два года ей исполнилось...

Я молча слушала Павла Андреевича. Именно он, несмотря на виртуозное владение ненормативной лексикой, пожалел растеряху. Вот только слесарь не заметил мелкой нестыковки в ее душераздирающем повествовании. Девочка должна отдавать вечером ключи хозяевам? Именно поэтому она торопила

сердобольного мастера! Внимание, вопросов два. А с чего домработница сделала оттиск, если ее наниматели находились на службе? Они же небось взяли свои ключи с собой!

И второй: если она потеряла ключи, то как попала в дом?

– Можете описать бедную Золушку? – попросила я.

Павел Андреевич напрягся.

– Ну... такая... волосы длинные.

– Отличная примета, – ухмыльнулась я, – а какого цвета волосы?

– Враз как у тебя.

– Блондинка, значит.

– Ну... если... вот челка темная, – засомневался мастер.

– Особых примет не заметили?

– Глаза красные, нос распух, плакала же!

– Может, шрам, родинка...

– Ну... вроде ничего.

– Как ее зовут?

– Не спрашивал.

– Квитанцию выписывали?

– Сказал же – денег я не брал!

Я ощутила себя Наполеоном после битвы при Ватерлоо. Впрочем, назваться пакостница могла любым именем, Павел Андреевич паспорт у нее не спрашивал.

– Рост какой у девочки, – решила я на новый виток расспросов.

– Ну, поменьше тебя будет.

Значит, преступников было двое.

– О! – хлопнул себя по лбу слесарь. – У ней татушка была.

– Какая? – оживилась я. – Опишите.

– Картинка, – простодушно ответил мастер, – цветная, не настоящая татуировка.

– В каком смысле?

– На втором этаже есть детский развлекательный центр, там художник сидит, – пояснил мастер, – все посетители у него разукрашиваются, даже взрослые не отказываются, любит наш народ халяву! Купи билет, получи пятак бесплатно!

– Можете припомнить картинку, – взмолилась я.

– Не-а! Желтая! – вдруг воскликнул Павел Андреевич. – Сначала я подумал, что она чем-то руку измазала, ну вроде... горчицы, а потом понял: это татушка.

– Ладно, – сдалась я, – спасибо. И совсем последний вопрос. Тут где-то есть центр по продаже бытовой техники.

– В подвале, – ткнул пальцем вниз слесарь, – вход со двора, но можно и на лифте доехать.

Дойдя до магазина, я нашла свободного продавца и сурово сказала:

– Нехорошо людей обманывать.

– Что случилось? – сладко заулыбался парень. – Вы купили телевизор, а он не работает? Не надо паники. Элементарно его обменяем при наличии чека.

– Не в телевизоре дело.

– Холодильник? – озабоченно воскликнул продавец. – Айн момент, я кликну Славку, он у нас по рефрижераторам.

– У меня претензии к фену!

– А-а-а, – явно обрадовавшись тому, что незадача случилась с недорогим товаром, протянул парень, – покупатель всегда прав. Давайте фен, что с ним? И чек!

– Вот его нет.

Продавец стал еще улыбчивее.

– Не обижайтесь, но мы без квитка не обменяем.

– Я не покупала фен.

– Так чего пришли?

– Вчера ваш Дед Мороз всучил мне на лотерею фен и коробку мыла! А прибор не работает! Мыло не мылится! Разве красиво раздавать дрянь?!

Продавец заморгал, потом крикнул:

– Кать! Иди сюда!

Между рядами стиральных машин замелькало красное пятно, оно приблизилось и превратилось в

симпатичную девицу, по виду школьницу.

– Что стряслось? – спросила она.

– Мы че, подарки покупателям раздавали? – осведомился он. – Займись претензией, меня ждут.

Свалив ответственность на плечи Кате, парень быстро удалился, а я в деталях изложила ей историю с ключами и Дедом Морозом.

– Наверное, вам это неприятно слышать, – протянула девушка, – но вы стали жертвой обмана или розыгрыша. У нас работает Дед Мороз. Мы нарядили своего сотрудника, он детям конфеты вручает. Леденцы копеечные, а всем приятно. Но Дед никуда не отлучается. Видите?

Катя подняла руку и указала в центр торгового зала, где маячила фигура в расшитом халате. Я посмотрела на девушку и спросила:

– У вас на предплечье три цифры? Торговый центр решил перед Новым годом пронумеровать сотрудников?

Менеджер засмеялась:

– Нет, конечно. Вчера у меня был выходной, и я пошла с племянницей в развлекательный центр. Они у нас на третьем этаже, это их метка.

– Скажем они клеймят посетителей? – изумилась я.

– Скажете тоже, клеймят! Просто метят в целях безопасности, чтобы никто вашего ребенка с собой не увел, к примеру. Покупаете билеты, подходите к контролеру, он вам на руку несмываемой краской штампик ставит, – объяснила Катя, – такой же и у ребенка. Захотите уйти, на выходе цифры сверят, если они одинаковые у взрослого и мамаша, то до свидания. На входе предупреждают: штамп плохо смывается, бесполезно цифру править. Во, глядите, я вчера в душ ходила, сегодня с утра мочалкой ее терла... Как татуировка! Не содрать. Хочу зайти сегодня к ним и спросить, эта дрянь, что, навечно? Или все же есть способ от нее избавиться.

– Еще там, говорят, бесплатно тату рисуют, – протянула я.

Катя хихикнула и выставила вперед правую ногу, чуть повыше щиколотки виднелось изображение Русалочки из диснеевского фильма.

– Вот приколы, да? – подмигнула менеджер. – Быстро делают! Чирк и готово, подарок от центра каждому, кто купил билет.

– Думаю, детям нравится.

– А там их всех штампуют, – улыбнулась Катя, – смешно ведь!

Попрощавшись с девушкой, я побежала в детский центр, купила билет и подошла к контролеру, тете раннего пенсионного возраста.

– Вы одна? – устало спросила та.

Я кивнула.

– Если без ребенка, то идите так.

– А родители всегда с номером?

– Конечно, – ответила контролер, – нам неприятности не нужны!

– Вчера вы работали?

– Да, а что?

– Не помните, случайно, парня, одетого Дедом Морозом, вы ему номер нанесли! На голове красная шапка, лицо под бородой, еще халат и мешок.

– Девушка, – тоскливо произнесла тетка, – вокруг гляньте, каждый третий в красном колпаке! А бороду с халатом можно напрокат взять!

– Где?

– А в гардеробе, – пояснила контролер, – сначала ко мне идете, штамп получаете, потом к Анне Михайловне, на вешалку, в залы двести рублей оставите – вам дают костюм, гуляйте сколько хотите.

– И можно в торговый центр спуститься?

– Хоть домой уносите, – засмеялась баба, – колпачок из марли, халат из нетканого полотна, борода – вата, платье меньше сотни гривен стоит. Этими комплектами в отделе игрушек торгуют, а мы напрокат даем, бесплатно, но под залог.

– Ясно, – протянула я, – может, все же юношу припомните? У него шрам на руке, похоже, от ожога.

– Тут сумасшедший дом, – покачала головой тетка, – сейчас, правда, тихо, а после двух часов дня столпотворение, к вечеру я забываю, как меня зовут. Я посетителей не разглядываю! У Ларисы спросите, она на выходе цифры сличает!

Но и Лариса ничем не сумела мне помочь.

– Шрам? – переспросила она. – Че, вашего ребенка посторонний забрал? Ой, мамочки!

– Нет, нет, – успокоила я ее, – мне просто необходимо найти парня с ожогом на руке, он у меня... деньги в долг взял.

– Не помню, – замотала головой Лариса, – мне главное, чтоб цифры совпали!

Я решила не сдаваться и пошла искать человека, который делал татуировки, но не успела дойти до цели, как в кармане затрясся мобильный.

– Лампа, – рыдающим голосом сказала Ленка, – у меня невероятное горе.

– Жаль пропавших денег, – просто ответила я, – но, мне думается, это нельзя назвать «невероятным горем», пока все живы, особой беды нет!

– От меня Лешик ушел! – заорала Ленка. – Собрал сумку и уехал!

– Куда? – оторопела я.

– Не знаю, наверное, к какому-нибудь приятелю, – кричала Ленка. – Он сказал: «Ты всю нашу жизнь, зараза, сломала. Не желаю больше с дурой жить!» И ау! Улетел. Не только триста тысяч сперли, но еще и мужа.

Из трубки полетели частые гудки, я уставилась на телефон. Вот так поворот! Брак Лешки и Ленки казался мне нерушимо стабильным. Правда, у ребят не было детей, насколько знаю, лет пять назад Ленка сделала аборт, решение об этом они с мужем принимали совместно, не хотели, чтобы младенец помешал их карьерным планам, а еще Казариловы намеревались собрать денег на квартиру. Лешка хорошо зарабатывал, Ленка тоже, а предложение об ипотеке мои друзья отменили сразу.

– Это сплошной обман, – горячился Лешик, – кабала на полжизни, в результате отдашь банку в два раза больше, чем взял. Лучше сами поднатужимся.

И они завязали пояса. Несколько лет жили на малую часть Ленкиной зарплаты, остальные деньги отправляли в банку!

Ленка не позволяла себе ничего, она включила режим жесткой экономии, считала каждый рубль, три года таскала одни туфли и ценой героических усилий сумела-таки скопить триста тысяч долларов. Два год назад Лешику, как назло, пришлось поменять место работы. Фирма, где он служил раньше, разорилась. Казарилов на новом месте сильно потерял в зарплате. Большинство женщин посинело бы от такого пинка судьбы, но Ленка не сдалась.

– Ничего, милый, – воскликнула она, – прорвемся!

И начала мотаться по командировкам, за поездки по регионам моей подруге отлично платили. Ленка похудела, осунулась, но не унывала.

– Все отлично! – бодро говорила она. – Я давно мечтала сбросить лишний вес, и тут он сам ушел. Нет худа без добра!

К слову сказать, Лешик тоже старался изо всех сил, он приходил с работы около полуночи и падал в кровать без сил, но все равно его заработок был намного меньше, чем Ленкин. Она же никогда не упрекала мужа, наоборот, постоянно подчеркивала, что главный кормчий в их семье – он. Казариловы не ездили отдыхать, не позволяли себе никаких покупок, у них сошли почти на нет интимные отношения, но Ленка говорила мне:

– Вот купим наконец квартиру, и все наладится. Съездим на море, и я рожу ребеночка... Красота! Чуть-чуть потерпеть – и счастье настанет!

И вот теперь, когда до осуществления заветной мечты остался комариный шаг, все рухнуло в тартарары. Но я не верю, что Лешик бросил Ленку, просто у него не выдержали нервы, он вернется к жене! Я обязана помочь Ленке, должна костями лечь, но найти мерзавца, обокравшего Казариловых. Вина перед ней замучила меня. Я находилась рядом и не сумела удержать ее от глупости. Господи, бедный Ленусик! Ей так захотелось получить новый фен вместо сломавшегося, да и мыло показалось привлекательным. Наверное, Казарилова решила, что ароматные кусочки будут симпатичным сувениром под елкой для мамы или свекрови... Я сунула телефон в карман и побежала к тату-мастеру. Вперед, Лампа, кто, если не ты, и когда, если не сейчас! Авось выйду на след мерзавца и сумею отобрать у него хоть часть денег!

– Это вы раздаете татушки? – запыхавшись, спросила я у симпатичного парнишки, сидевшего под плакатом «Картинка бесплатно!»

– Ага, – вздохнул юноша, – выбирайте по вкусу.

– А это не больно? – прикинулась я дурой.

– Отличный штамп, – засмеялся мастер, – я не накальваю изображения, никаких машинок! Здесь же дети! Вон там образцы.

– Есть рисунки в желтом цвете? Издали похожие на тертую горчицу!

– Гениальное сравнение! Однотонных нет, хотя... Спонж Боб!

Я посмотрела на картинку. Спонж Боб – это мальчик-губка, герой, на мой взгляд, совершенно

дурацкого мультфильма, который с упоением смотрят не только малыши, но и подростки.

– Его нечасто выбирают, – продолжал татуировщик, – че поярче хотят. Вот, например, дракон суперприкольный, весь разноцветный, или цветы. Мальчики в основном человека-паука просят, девочки – Русалочку или принца из «Шрека», а вот самого зеленого великана никто не желает. Ваще рынок дело сложное, никогда не знаешь, что у тебя хорошо пойдет.

– Вчера Спонжа Боба заказывали? – в нетерпении перебила я слишком разболтавшегося пацана.

Паренек нахмурился:

– Я че, помню? Они после полудня толпой прут!

– А утром?

– Я сижу здесь час, а уже забыл, кто подходил.

– Ну, пожалуйста, – взмолилась я, – напрягитесь! Неужели вы совсем людей не замечаете?

– За каким фигом мне на них глядеть? – по-стариковски пригорюнился татуировщик. – Тоска, блин, зеленая! Ничего творческого. Протянут входной билет и говорят: «Дракона». Я в ответ: «Куда?» Они мне руку или ногу тянут. Шлеп, и готово! Гуляй, Вася – Я, между прочим, художник, лучший тату-мастер России. И, что самое интересное, вроде ничего тяжелого, а сил к вечеру нет!

– Потому и нет, что лабудой занимаешься! – фырнула я. – Если ты такой талантливый, чего тут с печатками возишься? Иди в салон, работай с настоящими клиентами!

Юноша дернул плечом.

– Хочу свою точку открыть, надумал кредит брать, а его без постоянного места работы не дают. Оформился сюда, теперь я сотрудник центра. Это часть плана! Ты меня через год не узнаешь.

– Удачи тебе и процветания, – сказала я, – интересно, если ты возьмешь деньги в долг, ну на свой салон, а их украдут, как ты поступишь?

– Найду вора и заеду по рогам без наркоза, отомщу!

– Вчера в торговом центре ограбили мою подругу, – не вдаваясь в подробности, сказала я. – Украли очень большую сумму, она отказывала себе во всем, собирала на квартиру.

– Я думаю! – воскликнул «художник».

– У воровки была татуировка, сделанная в детском центре. Скорей всего, это был Спонж Боб. Один из свидетелей запомнил, что картинка имела цвет горчицы.

– Я ни при чем! – откровенно испугался татуировщик.

– Тебя никто не винит! Но штамп поможет мне найти преступницу. Очень прошу, попытайся хоть что-нибудь вспомнить.

– Ага, – закивал паренек. – Значит, Спонж Боб. С утра-то точно никто ничего не просил! На днях по телику мультик показали, про ледниковый период, я тогда живо конъюнктуру просек, скумекал: народ белку захочет, и живенько ее смастерил. В самую точку попал, всем только этого грызуна и надо. Шлеп, шлеп, про Спонжа Боба никто не вспомнил. Я, ваще-то... О!

– Что? – подскочила я.

– Точно! Тубзик!

– Туалет? Ты там видел Спонжа Боба?

Юноша затряс головой.

– К бабам в сортир всегда очередь. Вот интересно – почему?

Я пожала плечами:

– Сама удивляюсь. У мужчин свободно, а у нас хвост змеится.

– Здравствуй, Паша. Гуляю, скучаю, – подходя к нам, сказала женщина. – Венечка, поздоровайся!

Белокурый малыш ничего не ответил бабушке, он молча протянул мастеру руку. Паша ловко поставил на плечо детсадовца штамп с изображением пирата.

– Веня сегодня в плохом настроении, – отметила бабушка, – сейчас на пони покатается и повеселеет.

– Посетители, – пояснил Паша, когда пенсионерка с внуком ушли. – Веня и Ольга Остаповна. Каждый день ходят. Мальчишка, видно, бабушку дома достает, вот она его сюда и таскает, сядет на стул и отдыхает, пока этот цветок жизни с ума сходит.

– Не отвлекайся, – велела я, – что там в туалете случилось?

– А ниче особенного, туда девчонка с ребенком подошла, мальчик у нее маленький, очень прикольный, – засмеялся Паша. – Конопатый, рыжий, ну прямо как в мультике... э... ну... забыл название... там еще песенку исполняют: «А я дедушку не бил, а я дедушку любил. Рыжий, рыжий, конопатый, убил старичка лопатой!»

– Замечательный текст, – воскликнула я. – Что произошло в туалете?

Паша явно не Цицерон, не знаю, как обстоят у него дела с художественным вкусом и умением наносить

картинки, но вот излагать события простым, доступным для понимания языком он явно не умеет. Все же, хоть и с трудом, парень сумел ввести меня в курс событий.

Где-то около семи он пошел в туалет. В женский сортир, как всегда, была очередь, в мужском – пусто. Паша хотел уже зайти внутрь, но тут к нему подскочила девушка с малышом, конопатым рыжим мальчишкой, и взмолилась:

– Плиз, возьмите сына пописать!

Паша очень удивился, мамаша выглядела слишком юной, ей с натяжкой можно было дать лет семнадцать. В этом возрасте надо учиться, а не детей рожать.

– Ник обделается, – охала девушка, – а они нас не пропускают.

– Нашлась хитрая! – заорали из женской очереди. – Неохота ей, как всем, постоять!

– У меня ребенок, – огрызнулась девочка-мать.

– А у нас поросята! – последовал моментальный ответ.

Косолапый малыш заерзал.

– Тебе плохо? – с отчаянием воскликнула незнакомка, умоляюще глядя на Пашу.

Следовало ответить: «Сама решай свои проблемы», но Паша добрый, поэтому он взял ребенка за руку, отвел к унитазу и вручил его потом мамаше со словами:

– Штаны ему застегнуть я не смог, очень пуговицы маленькие.

– Спасибо, – поблагодарила его девушка.

– Ты чего, плакала? – насторожился мастер, увидев распухший нос и красные глаза юной мамаша.

– Нет, – улыбнулась та, – аллергия у меня, на что – никак не пойму, в момент хватает! Еще раз спасибо, давай я тебя потом угощу?

– Да нет, – помотал головой Паша, – мне работать надо.

– Торгуешь? – спросила девушка.

– Татушки в детском центре делаю, – охотно пояснил Паша.

Мирно беседуя, новые знакомые дошли до места, где Паша обслуживает клиентов, и мамаша обрадовалась:

– Сделаешь нам татушки?

– Легко, – кивнул мастер, – выбирай любую.

– Мне Спонжа Боба, – без колебаний заявила вчерашняя школьница, – а ему человека-паука.

– Отлично, – сказала я, – теперь вспомни парня, который захотел такую же картинку. Вор был мужчина.

Паша помотал головой.

– Не-а. У меня теперь в памяти порядок. Сначала я девчонке Спонжа хлопнул, положил печатку и вынул человека-паука. Только коробку раскрыл, как конопатый чертенок штамп Боба сцапал и долбанул им по стулу, печатку сломал. Мне пришлось новую делать, я ее поздно ночью дорезал. Вчера только эта мамаша украсилась. И что здорово: как ее ребяенок деревяшку сломал, она мигом его подхватила и в толпу. Испугалась, что я ее платить заставлю. Но я не стал связываться. Опять же, свидетелей не было. Предъявлю претензию, а мадам соврет: не было ничего. Ее слово против моего, ничего не докажешь. Плюнул и новый штамп смастерил. Видел, как она потом с Ольгой Ивановной тусовалась!

– А кто такая Ольга Ивановна? – прерывая поток его жалоб, спросила я.

– Она только что отсюда отошла, бабка с внуком Веней, мои постоянные клиенты, – зевнул Паша. – Значит, эта девка воровка! То-то она мне сразу не понравилась! Глаза хитроватые.

– Как зовут мамашу? – обратилась я к Павлу.

– Не знаю.

– Не спросил?

– Мне зачем? Замуж ее звать я не собирался, – хмыкнул мастер.

– Дяденька, сделайте мне принцессу, – запищал тонкий голосок.

Паша потянулся к коробке, а я быстро пошла к пластиковым стульям, которые длинным рядом тянулись вдоль стены. В предобеденные часы посетителей было немного, и около Ольги Ивановны, мирно дремавшей на стуле, нашлось свободное местечко.

– Можно около вас устроиться? – вежливо поинтересовалась я.

– Конечно, – лениво ответила пенсионерка, – присаживайтесь.

Я села на скользкий пластик и воскликнула:

– Как неудобно!

– Это с непривычки! – мирно заметила Ольга Ивановна и прикрыла глаза.

Я решила расположить к себе старушку и, изображая восторг, воскликнула:

– Очаровательный малыш!

– Где? – взбодрилась она.

Я указала на разыгравшегося сверх меры потного и красного Веню.

– Да вон тот, в шарфике. Сразу видно – вундеркинд.

Ольга Ивановна приосанилась.

– Вы абсолютно правы. Венечка уже сейчас легко считает до десяти и умеет читать слова наоборот!

Я восхищенно зацокала языком, но в глубине души изумилась: зачем обучать малыша столь странному занятию, как чтение слов справа налево.

– А вы с кем сюда пришли? – спросила Ольга Ивановна. – С малышом? Или, не дай бог, с девочкой?

– Мои дети уже выросли, я пришла помочь дочери, ее вчера здесь обокрали!

– Господи! – всплеснула руками Ольга Ивановна. – Кто?

Я кратко изложила историю, приключившуюся с Ленкой, и рассказала про рыжего мальчика. Пенсионерка покраснела.

– Эта мамаша! Есть женщины, которым не стоит рожать детей. Безголовая, ветреная! Я из-за нее чуть сердечный приступ не заработала. Стелла! Наверное, ее на самом деле зовут Клава! Придумала псевдоним! Неслыханная беспечность! Она за ребенком совершенно не глядела!

– Мать рыжего малыша представилась Стеллой! – обрадовалась я.

– Ну да, – скривилась Ольга Ивановна. – Сижу себе спокойно, наблюдаю за Веней, тут подходит эта девчонка... Я сначала решила, что ей лет пятнадцать, потом присмотрелась и сообразила: нет, на третий десяток ей перевалило, двадцать-то уже есть. Просто типаж такой: худышка, волосы длинные, прядями свисают.

Я, затаив дыхание, слушала ее. Незнакомка сначала сидела молча, потом принялась безостановочно болтать по телефону, но, что особенно раздражало Ольгу Ивановну, девица постоянно шмыгала носом.

– Совесть надо иметь! – не выдержала в конце концов старушка. – Тут дети играют! Зачем вы сюда с насморком пришли?

– Он у меня аллергический, – неожиданно вежливо ответила знакомка, – скорей всего, это реакция на синтетический ковер, которым тут пол застелен.

– Вам надо отсюда уходить, – сбавила тон Ольга Ивановна, – этак можно и коллапс заработать!

– Разве ребенка уведешь! – вздохнула мамаша. – Никита в восторге. Кстати, меня зовут Стелла. Я заглянула за подарками к Новому году, а Никита стал в центр проситься.

Ольга Ивановна с неодобрением покосилась на нее. Маловероятно, что двухлетний малыш может активно требовать посещения детской площадки.

– Что-то мне хуже стало, – заметила Стелла. – Сделайте любезность, приглядите за Никитой, а я в аптеку слетаю, куплю таблетки.

– Ваш малыш не испугается? – напряглась Ольга Ивановна, которой очень не хотелось брать на себя ответственность за чужого ребенка.

– Я всего на пять минут отбегу, – пообещала Стелла.

– Ну ладно, – скрепя сердце согласилась старушка.

Стелла вскочила и побежала... в сторону гардероба, где взяла костюм Деда Мороза. Ольга Ивановна насторожилась: если девушка собралась в аптеку, зачем ей колпак, борода и халат? Но тут Веня упал, зарыдал, и бабушка бросилась к внуку, забыв про Стеллу. Следующий час превратился в самый настоящий кошмар. Не успела Ольга Ивановна успокоить своего внука, как Никиту треснула по голове какая-то излишне бойкая девчонка. Сынишка Стеллы заплакал, Ольга Ивановна хотела утешить малыша, но тот заныл:

– Мама, мама!

В конце концов старушка взяла Никиту и посадила на колени. Он примолк, зато Веня пришел в ярость.

– Брось его, – затопал ногами внук, – ты моя!

– Конечно, солнышко, – попыталась успокоить ревнивца Ольга Ивановна, – сейчас мама Никиту заберет.

Веня насупился и стукнул «захватчика» пластиковым ведром, кроха завыл. Ольга Ивановна стала утешать дите. Веня, желая переключить на себя внимание бабушки, упал на пол и засучил ногами. Ольга Ивановна растерялась. Родители других детей с явным неодобрением наблюдали за капризами ее внука. Никита визжал резаным голосом, Веня изгибался дугой и пытался одновременно пнуть ребенка Стеллы. В конце концов нервы Ольги Ивановны не выдержали, и она отшлепала безобразников.

Веня, не ожидавший рукоприкладства, испуганно притих, а Никита ухитрился вывернуться из рук старушки, помчался в сторону выхода, споткнулся и налетел лбом на пластмассовую горку. Вмиг мордочка

малыша стала красной.

Тут уже перепугались остальные родители, а Ольга Ивановна, как вы догадываетесь, чуть не заработала инфаркт. Кто-то вызвал врача.

– Чей малыш? – грозно поинтересовалась доктор.

Толпа расступилась. Ольга Ивановна ощутила себя гладиатором на арене.

– Это не мой мальчик, – пенсионерка поспешила откреститься от Никиты. – Мать его пошла в аптеку, попросила за ним посмотреть. Обещала за пять минут управиться, а сама пропала.

– Телефон ее знаете? – спросила врач.

– Нет, – растерялась старушка.

– Адрес?

– Не спросила...

– Фамилию хоть уточнили? – не успокаивалась врач.

– Не успела, – промямлила Ольга Ивановна. – Ее Стеллой зовут.

– Очень надеюсь, что его мать вернется, – заявила доктор. – Малыша я забираю, ему надо обработать ссадину. Эй, контролер, как только женщина станет сына искать, сообщите ей, где медпункт.

Ольга Ивановна замолчала.

– Неприятная история, – вздохнула я. – Надеюсь, Стелла извинилась перед вами?

– Я не стала ее дожидаться, – после секундной паузы призналась Ольга Ивановна, – схватила Веню и ушла.

– Где находится кабинет врача?

– Понятия не имею, спросите у контролера, – начала было Ольга Ивановна, но тут Веня закричал:

– Ба-а-аушка! – и старушка опрометью бросилась к внуку.

Понимая, что иду по горячему следу, я попрощалась с сотрудниками детского центра и быстро нашла врача, милую даму лет пятидесяти, которая, услышав мой рассказ, гневно заявила:

– Конечно, я знаю все ее делишки! Отвратительная мать! Отдала ребенка в чужие руки и хвостом вильнула. Я сначала ее паспорт проверила, а потом отчитала кукушку по полной программе! Аллергия у нее началась! Носи всегда с собой таблетки, они не тяжелые!

– Вы, конечно, не помните ее адреса, – с надеждой спросила я, убирая в сумочку свое рабочее удостоверение.

– Уважаемая госпожа Романова, – заявила доктор, – я его записала в книгу. Вот, пожалуйста. Малыш Никита Андреев, ссадина на лбу. Мать Стелла Леонидовна Андреева, адрес по прописке: улица Ревунова...

Забыв сказать спасибо, я кинулась к автомобилю.

Дверь мне открыли сразу, без всяких вопросов.

– Ну что? – нервно спросила худенькая девушка. – Нашел? Ой, вы кто?

– Не узнаешь? – вопросом на вопрос ответила я. – Мы встречались вчера в торговом центре. Хитрая Стелла, переодевшись Дедом Морозом, сделала оттиск ключей моей подруги... Значит так, отдавай деньги! Только не ври, что истратила их! Ну так как? Иначе сюда явится милиция. Хочешь, чтобы сын без мамы остался?

Маленький пронзительно рыжий мальчик с пластырем на лбу выглядывал из комнаты в коридор.

– Вы кто? – прошептала Стелла. – Денег у меня нет! Я их не видела! Не брала!

И тут вновь раздался звонок в дверь.

– Ой! – взвизгнула Стелла. – Это... ой...

Я быстро встала за шкаф.

– Открывай!

В тот момент я хотела лишь одного: вернуть бедной Казариловой деньги, и совершенно не подумала о том, что в квартиру может войти поделщик, здоровенный уголовник. Испугалась я лишь в тот момент, когда услышала мужской голос:

– Катастрофа! Ничего не понимаю!

– Тише, – прошептала Стелла.

– Дура! У меня украли деньги! Я нищий! – загудел бас, показавшийся мне знакомым.

– Там... милиция...

– Что за хрень! – заявил мужчина и заглянул за шкаф.

Я опешила.

– Лешик!

– Лампа, – попятился муж Ленки. – Ты как сюда попала?

Визжащий Никита бросился к Лешу и вцепился в его ногу. У меня в голове что-то щелкнуло, глаза

открылись.

– Мне следовало сразу догадаться, что таким ярко-рыжим может быть только твой сын, – ошарашенно прошептала я. – Вот оно как! Ты давно разлюбил Лену, не разрешал ей родить ребенка, а у самого – мальчишка от любовницы!

– Мы скоро пойдем в загс! – гордо вскинула голову Стелла. – Ждали только...

– ...пока Ленка наберет денег на квартиру, – кивнула я. – Она зарабатывает намного больше Лешика. Вот вы и загаились. Триста тысяч – отличный куш! При разводе все накопленное делится пополам, а если доллары сперли, то какой спрос! Ловко придумано! Ленка не позволяла себе лишней копейки потратить. Мне бы сразу все понять. Стелла переделалась Дедом Морозом, разыграла мастера, сделала ключи по оттиску. Типичное воровство, и ни у кого никаких подозрений. Вот почему Лешик ушел от жены! Круто! Вы мерзавцы! А ты, Алексей, наверно, переколотил статуэтки Лены, мстил ей за свое долгое терпение. Тяжело прикидываться любящим мужем. Ну и дура же я! Не обратила внимания на то, что вещи Лешки грабитель не тронул, изуродовал только Ленкины.

Через некоторое время Казариловы развелись. Свою однокомнатную квартиру они продали, вырученную сумму честно разделили. Лешик признался в организации грабежа, он изо всех сил выгораживал Стеллу, говоря:

– Я действовал один, мать моего ребенка считала произошедшее розыгрышем.

Ленка презрительно кривила губы. Но триста тысяч долларов так и не нашлись! Лешик с пеной у рта твердил:

– Когда я полез за коробкой, ее там уже не было! Кто-то спер бабки раньше! Я пришел с новым ключом, своим открывать нельзя... а там ничего!

Ленка была вне подозрений, она безотлучно провела день со мной. Казарилова не способна на подлость, да и зачем ей красть собственные накопления? В отличие от Лешика у Ленки нет второй семьи или любовника.

После развода я потеряла Ленку из виду, пару раз мы перезванивались, потом она сменила номер мобильного. И вот сейчас просто дежавю какое-то: снова Новый год, торговый центр... Кто это там у витрины? Ленка, она замечательно выглядит, на ней новое шикарное пальто, в руке дорогая сумка.

– Лена! – крикнула я.

– Лампа! – без особой радости ответила подруга. – Как поживаешь?

– Отлично, – заулыбалась я, – вот, подарки покупаю!

– Милая! – воскликнул приятный мужчина, материализуясь около нее. – Там висит люстра! Она просто создана для нашей большой комнаты!

Подруга сразу покраснела.

– Знакомся, – нехотя произнесла она, – Антон, а это Лампа, мы раньше жили рядом, давно не встречались.

– Очень приятно, – кивнула я, – рада за тебя.

– Встречу надо отметить, – засуетился кавалер, – пойдете в кафе.

Мы сели за столик.

– Пойду помую руки, – сказала Ленка и ушла в туалет.

Чтобы не сидеть в тягостном молчании, я решила завести светскую беседу и обратилась к Антону:

– Вы с Леной вместе работаете?

– Нет, – засмеялся он. – Ленчик год назад, в январе, обратилась в мое риелторское агентство с просьбой подобрать ей «трешку» в Куркино. Ну а теперь мы вместе ее обставляем, я ей с ремонтом помогаю. Моя Лена замечательный человек, мы скоро расписываемся.

– Ленка купила новую квартиру? – поинтересовалась я.

– Да, – подтвердил Антон, – более ста метров, я помог. Ей хватило двухсот тысяч, таких цен, как вы понимаете, нет, но я сразу решил: Леночка моя будущая жена, и...

– Простите, – вскочила я и кинулась в туалет.

Ленка вытирала руки бумажным полотенцем.

– Ты купила квартиру?! – тихо спросила я.

Подруга вздрогнула:

– Да!

– Трехкомнатную?

– Опять угадала, – с вызовом ответила Лена.

– Совесть тебя не мучает? – не выдержала я.

Лена вынула косметичку и начала пудрить нос.

– Нет, – сказала она в конце концов. – Ни минуты. Когда я узнала, что у Лешки есть сын на стороне... Меня он заставил аборт сделать... «Вот насобираем на трешку и родим!» Ха! Было бы неплохо! Они со Стеллой идиоты! Обсуждали детали по телефону! Лешка думал: раз меня дома нет, то и хорошо. Вот только он не знал про маленькую коробочку, свободно продающуюся в каждом магазине. Замечательная вещица, разговор записывает и потом тебе его воспроизводит. Утром Лешка на работу порулил, а я деньги спрятала в другое место и дунула с тобой в магазин. Ты мое алиби, дорогая, ни на секунду от меня не отходила! Эта Стелла идиотка, зачем ребенка с собой поперла! Два дурака! А я умная! Я им отомстила, да и деньги, по сути, мои. Лешка ерунду зарабатывал. Ну, чао какао! Думаю, тебе со мной и Антоном кофе пить не надо. Я порвала со старой жизнью, лечу мимо на паровозе, а ты на перроне осталась.

Широко улыбнувшись, Ленка выскользнула за дверь. Я постояла возле ручкойника, потом выскочила в зал, где гомонили покупатели.

Все совершают ошибки, мне ни разу не встретился человек, который не наделал бы глупостей. Я просто куплю подарки своим близким на Новый год, а сама скажу Деду Морозу известную, не мной придуманную фразу:

– Сделай так, чтобы у меня хватило ума не идти на поводу у своих врагов и подари мне сил для помощи друзьям. А еще, пожалуйста, научи глупую Лампу отличать первых от вторых!

Дарья Калинина

Опасный ангелочек

Всем хорошо известно, что под Новый год случаются разные чудеса. Например, те, которых мы давно ждем и на которые надеемся. И те, о которых мы даже и не задумываемся. Последние даже интереснее. Ведь чем неожиданнее подарок, тем он приятнее. И еще под Новый год сбываются самые заветные желания.

Скажите, кто хотя бы раз не загадывал желание, когда бьют куранты, с первым глотком шипучего искристого шампанского? Что? Не слышу. Нет ответа.

А нету его потому, что не существует человека без мечты. Все о чем-то мечтают и что-то страстно хотят получить. Дети просят себе новые игрушки, книжки, а самые предусмотрительные — и роликовые коньки или велосипед. Ведь Новый год бывает только раз в году. А о своем будущем следует всегда заботиться заранее.

Взрослые тоже чего-то просят. Одни — здоровья для себя и близких. Другие — удачи в бизнесе, выгодных сделок и прибыли. Третьи мечтают о собственном доме. Кому-то позарез нужна стиральная машина, а кто-то прикидывает, удастся ли ему под Новый год выклянчить у родителей денег на новенький «Порш» с откидным верхом.

Ну и что, что сейчас зима и с открытым верхом не очень-то покатаешься? Можно ведь одеться потеплее. И потом, всем известна народная мудрость: готовь сани летом, а телегу — зимой.

Одним словом, каждый мечтает о своем. Один старый Иракий Константинович, кажется, не мечтал ни о чем. Во всяком случае, так казалось всем тем, кто его знал. Почему? Да очень просто. Вроде бы мечтать ему было уже не о чем. У этого человека было все. А если уж чего и не было, то это он мог легко приобрести.

К услугам Иракия Константиновича был целый штат помощников, секретарей и преданных слуг, готовых в любой момент выполнить любой его каприз. Наверное, из всего вышесказанного вы уже поняли, что Иракий Константинович был богат. Да к тому же не просто богат, богатым людей много. Он был очень и очень богат. И при всем своем богатстве умудрился дожить до семидесяти лет, сохранить хорошие отношения с законом и быть вполне бодрым телом и духом.

Итак, он был богат, он был могуществен, он был в отличной физической форме, и сегодня он собирался отметить Новый год в кругу семьи в своей квартире в самом центре города. Ибо — да, Иракий Константинович не признавал жизни за городом. Для полноты счастья ему было необходимо ощущать пульс жизни. А это, по его мнению, возможно только в большом городе.

В характере Иракия Константиновича было намешано много разного. Но люди, которые знали его ближе остальных, могли сказать, что главной чертой их друга было одно качество — верность.

Родившись в городе на Неве, он не захотел для себя лучшей доли. Не подался ни в Москву, ни в Европу, ни в Америку. Бывать там — да, бывал. Даже жил, если того требовали дела. Но сердцем всегда знал: его настоящий дом стоит на Неве, где из окон видны тяжелые серые волны, которые река катит меж блоков гранитной набережной.

Иракий Константинович происходил из семьи обрусевших грузин. На своей исторической родине никогда не бывал. Родился и вырос в Ленинграде. По-грузински умел поздороваться и попрощаться. А вот русский язык знал в совершенстве, и о грузинских корнях напоминали только чуть смуглый оттенок его кожи да черные волосы и глаза. И, возможно, искусство одинаково хорошо помнить добро и зло.

Но сегодня о зле он не думал. Ведь он ждал к себе в гости своих родных. Семья у Иракия Константиновича была огромная. Два брата и сестра подарили ему множество племянников и двоюродных внуков. И вся эта многочисленная родня должна была сегодня явиться к десяти часам вечера в гости к дядюшке в его огромную квартиру, занимавшую в пентхаусе двести сорок квадратных метров.

— Виктор, мы знакомы давно, и ты прекрасно знаешь, что никто из гостей не должен ощутить недостаток хоть чего-нибудь. Любое их желание в этот вечер должно исполняться. Захотят птичьего молока, скажи, что за ним уже послано, — строго говорил хозяин званого ужина своему старшему повару. — Что у нас с меню?

— Все в порядке. Только куропатки оказались жестковаты. Я взял на себя смелость заменить их перепелками.

— А мороженое ты приготовил сам?

— Как вы можете спрашивать? Конечно!

Казалось, повара даже оскорбил этот вопрос. Хотя он слушал хозяина, почтительно склонив голову. Ираклий Константинович никогда не кричал ни на прислугу, ни на работавших на него людей. Однако все трепетали перед ним. Исключение составлял только один человек. Он и сейчас стоял рядом с поваром и дожидался, когда дойдет очередь и до него.

Ираклий Константинович закончил давать указания повару, повернулся в сторону секретаря, и глаза его потептели, налились светом, даже лицо засветилось.

— Николай, — обратился он к секретарю вроде бы тем же тоном, что минутой раньше к повару, но голос звучал совсем по-иному. — Ты отмечаешь Новый год в моем доме первый раз.

— Уверен, что он окажется для меня особенным.

— Сегодня особый день, — подтвердил Ираклий Константинович. — Только раз в году вся моя семья собирается в полном составе.

Молодой человек кивнул. Он был невысок, но так пропорционально сложен, что казался выше. У него были темные волосы и серые глаза в окружении таких густых ресниц, что он мог бы рекламировать тушь для глаз по телевизору.

— Я познакомлю тебя со своей семьей, — продолжал тем временем Ираклий Константинович. — И ты сядешь с нами за стол.

Повар, выходя из комнаты, ненадолго задержался в дверях. И поэтому услышал последнюю фразу Ираклия Константиновича. Не поверив своим ушам, он оглянулся и убедился, что хозяин положил руку на плечо секретаря. И по лицу повара тут же разлилась странная смесь выражений — ненависти, досады и презрения. Но он быстро справился с собой. Шагнул за порог и исчез.

Однако, выйдя из комнаты, он двинулся вовсе не в сторону кухни, куда призывали его обязанности. Крадучись, он прошел по квартире, оказался в зимнем саду и, убедившись, что рядом никого нет, вытащил телефон и нажал на вызов. Дождавшись ответа, он заговорил поспешно, не тратя времени на приветствие:

— Алло, это я! Да, все остается в силе. Но у меня есть для вас неприятная новость. Он собирается посадить своего нового секретаря за стол вместе со всеми! Да! Вместе со всеми! Нет, не слухи. Клянусь, я только что слышал это своими собственными ушами!

В трубке что-то возмущенно вякнули. И повар, воровато оглянувшись, пробормотал:

— Боюсь, это будет слишком опасно.

Трубка заговорила зло и отрывисто. Повар побледнел. На его лбу выступила испарина. И он забормотал:

— Да, я все помню! Да, конечно, вы правы. Долги надо отдавать! Да, я люблю свою семью. Я все сделаю, как вы и сказали!

Разговор дался ему нелегко. Когда он сунул трубку обратно в карман, лицо у него было таким усталым, словно он сутки простоял у стола, сервируя салаты и гарниры. Он упал в плетеное кресло и обхватил голову руками.

— Что же мне делать? Что делать?

И, откинувшись на спинку кресла, он закрыл глаза и задумался. Но долго ему отдыхать не пришлось.

— Господин Ермаков! — раздался голос младшего помощника повара. — Соевый соус для мадам Беллы подгорает! Господин повар! Где же вы? Скорей! Я не знаю, что делать!

Вполголоса выругавшись, повар встал и поспешил на зов. Едва он вышел, как из-за раскидистого олеандра показался еще один мужчина. Он задумчиво посмотрел вслед повару и пометил что-то в своем маленьком белом блокнотике, который внезапно появился у него в руках. Затем он убрал блокнотик, снова взялся за швабру и продолжил уборку зимнего сада.

Гости стали прибывать задолго до назначенного времени. Все сияли улыбками и драгоценностями. Старый Ираклий Константинович свято чтит семейные узы. И ни один самый никудышный его племянник не остался без внимания доброго дядюшки. Всем он помогал найти достойное место в этой жизни. Кому-то оплачивал обучение, кому-то вовремя давал мудрый совет, кому-то делал презент в виде отдельной квартиры молодым на свадьбу.

Поэтому дядю Ираклия любили все. Его младший брат, Илларион, которого в семье называли Лари, вместе с женой прибыл первым.

— С наступающим, брат! Счастья тебе!

— Любви и здоровья! — весело пропищала молодая супруга Лари — Ирочка.

Ей едва исполнилось двадцать. Она была пухленькая, с крашенными в белый цвет волосами и круглыми карими глазами. Ирочка лишь в прошлом году приехала с Украины. И вот ей посчастливилось вытянуть счастливый билет в лице Лари. Выглядела она сущим ангелочком. Для полноты сходства не хватало только пары пушистых крыльев за спиной.

Муж был куда старше жены. Ему уже исполнилось шестьдесят. И все вокруг гадали: что нашла красавица Ирочка в старом брюзге Лари?

Сам по себе Лари ничего из себя не представлял. Но благодаря помощи брата более или менее держался на плаву, имея небольшую фирму по организации различного рода праздников, увеселительных мероприятий и детских дней рождения.

Ираклий Константинович новый брак своего брата не одобрял. Он сам овдовел тридцать лет назад. Тогда же потерял единственного ребенка. И с тех пор хранил верность погибшим близким, так никогда и не женившись вновь.

— Как Виктор? — поинтересовался Лари у брата после обмена приветствиями. — Ты им все еще доволен?

— Отличный повар. Каждый раз, когда садимся к столу, я благодарю тебя в душе за это сокровище, которое ты мне прислал.

— Я рад!

— Можешь с ним поздороваться. Он в кухне. Творит очередной кулинарный шедевр к нашему столу.

Но Виктор уже сам появился из кухни. Они с Лари обменялись долгим взглядом. Потом повар слегка поклонился всем и скрылся за дверями кухни, откуда донеслась умопомрачительная смесь из запахов жарящегося поросенка, печеных яблок, ванили и шоколада.

Затем прибыли сразу три холостых племянника Ираклия Константиновича — Саша, Федор и Вениамин. Всем им Ираклий Константинович уже подыскал достойных невест из богатых домов. И в следующем году этим молодым людям предстояло распоститься со своей развеселой холостой жизнью, если они не хотели потерять расположение богатого дядюшки.

А потом гости стали прибывать один за другим. Сестра Ираклия Константиновича Белла со своим мужем и двумя великовозрастными дочерьми. Девицы — Арина и Сусанна — были до того страшны, что даже всемогущий Ираклий Константинович забуксовал и до сих пор не сумел подобрать девушкам мужей. А между тем младшей уже стукнуло тридцать. А о возрасте старшей в доме деликатно умалчивали, словно это было чем-то сродни нехорошей болезни.

Все гости, снимая с себя верхнюю одежду — шубы, шапки, манто и теплые куртки, бурно приветствовали друг друга. Все были рады встрече. Только раз в году они встречались, так сказать, полным составом. На Новый год Ираклий Константинович требовал от своей родни обязательного присутствия. Спорить с ним пока что не рискнул никто. Извинением могла послужить только серьезная болезнь или смерть.

У старшего племянника слегли оба ребенка с ангиной, это освободило его и его жену от обязательного присутствия в гостях у дяди Ираклия. Второй брат Ираклия Константиновича скончался в прошлом году. Так что его тоже не было. Все остальные присутствовали. И веселились или делали вид, что веселятся, от души.

Стол был накрыт под огромной пушистой елью. Высота потолков в доме Ираклия Константиновича достигала четырех метров. А яркая звезда на елке сверкала под самым потолком. Красавица ель была увешана елочными игрушками, каждая из которых стоила не меньше ста долларов. И еще на елке висели разноцветные пакетики и коробочки. В них находились подарки, которые приготовил Ираклий Константинович для своих родных.

Надо сказать, что у этого праздника была одна особенность. Ираклий Константинович считал Новый год семейным праздником. И поэтому приходили к нему только свои — родные. Друзья, коллеги по бизнесу, приближенные из числа сотрудников — с ними Ираклий Константинович отмечал праздник или до, или после. Но ровно в полночь за столом сидели только родные по крови люди или вошедшие в семью через брак.

Исключений не делалось ни для кого и никогда.

Поэтому все были немало изумлены, когда за столом обнаружилось новое лицо.

— Прошу любить и жаловать, мой новый секретарь — Николай! Коля, ты сядешь рядом со мной.

Лари, чье место за столом занял секретарь, обиженно поджал губы.

— Не дуйся, Ларик! — рассмеялся Ираклий Константинович. — Я приготовил тебе хороший подарок. Ты, кажется, хотел офис в том здании на Литейном?

— Да.

— С нового года можешь переезжать туда.

— Как тебе это удалось? — изумленно воскликнул Лари. — Они не хотели никого туда пускать!

— На то у тебя есть брат, чтобы решать все серьезные проблемы.

Лари просиял и рассыпался в благодарностях перед братом. Но когда Ираклий отвернулся, на лице его

брата появилось совсем другое выражение. Весьма далекое от благодарности. Скорее это была злоба и зависть, замешенные в равных долях и присыпанные унижением.

— Хочу произнести тост, — произнес Ираклий Константинович. — За то, что ценно в этой жизни. За близких нам людей, с которыми мы хоть и не связаны узами родства, но которые становятся порой куда ближе всех кровных родственников!

Все присоединились к тосту Ираклия Константиновича. Хотя некоторые и недоумевали при этом в душе. Обычно первый тост Ираклий произносил за всех собравшихся, благодаря их за присутствие на празднике и в своей жизни. И вдруг — такой поворот!

Тем не менее рассеявшиеся за столом люди вскоре оставили все посторонние мысли. И вплотную налегали на угощение. Все знали, что повар в доме у дяди Ираклия отменный. И все целый день специально ничего не ели, оставляя местечко для разных вкусовностей.

— Что за гусь! Это же мармелад, а не гусь!

— Какой пирог! Так и тает во рту!

— Господи, а это что, не живая клубника? Из безе с тертым орехом? А выглядит как настоящая! И пахнет так же!

Наконец гости утолили голод. И за столом потекла оживленная беседа. Вино лилось рекой. Но никто не пьянел, потому что закуски было много. И к тому же дядя Ираклий терпеть не мог пьяных. Сам он выглядел довольным. Сидел во главе стола. И, словно патриарх, наблюдал за своей семьей.

Но внезапно его лицо побледнело. И он поднял руку к горлу, словно ему не хватало воздуха. Первым заметил это племянник Саша.

— Дядя Ираклий! — кинулся он к старику. — Что с вами?

— Воздуха! — просипел тот. — Откройте окна! Воздуха!

Лицо у него было уже не бледным, а синюшным. Поднялась суматоха. Родственники кинулись к окнам и распахнули их настежь, несмотря на то что на улице медленно кружились снежинки и стоял морозец. Свежий холодный воздух хлынул в квартиру. Но Ираклию Константиновичу он не помог. Старик задыхался, судорожно дергаясь в конвульсиях.

Он упал бы на пол, не подхвати его Николай. Он же первым закричал:

— Врача! Немедленно!

Врача вызвал кто-то из прислуги. И уже через считанные минуты в комнату входил подтянутый молодой человек в зеленой форме, шапочке и со стетоскопом на груди.

— Где больной?

Все расступились вокруг лежавшего на полу Ираклия Константиновича. Врач подошел к нему. Пощупал пульс, помрачнел. Послушал сердце, поднял веки больного, а затем, прикрыв их рукой, мрачно констатировал:

— Это конец.

— Как?!

— Очень просто. Он умер! Сердечный приступ.

— Что! — закричала Белла. — Что? Умер?! Нет! Нет! Не может этого быть!

Ее рыдания подхватили другие женщины. Мужчины теснились поодаль, крепясь изо всех сил и кусая губы.

— Какое горе! — бормотал Лари. — Господи, какое горе!

Но его лицо выражало какие угодно чувства, только не горе. Потрясение, шок, надежду. Но горя он явно не чувствовал. Чего не было, того не было.

Тело Ираклия Константиновича забрали очень быстро. За четверть часа до полуночи. Но праздновать наступающий праздник больше никто не стал. В полночь гости вяло подняли тост за наступивший год. И, потрясенные, разъехались по своим домам.

Однако уже на следующий день все снова собрались. На этот раз — на оглашение завещания. По воле Ираклия Константиновича, это нужно было сделать, не откладывая дела до похорон. Оглашение происходило не в конторе нотариуса, а в квартире Ираклия Константиновича.

— Господи, как подумаю, что его нет... — сморкалась Белла. — А его дух еще витает где-то поблизости... Господи, как ужасно! Ну, давайте же начнем!

Эти слова относились к нотариусу.

— Все родные собрались?

— Все, все!

— Не вижу сына Ираклия Константиновича.

Эта простая фраза внесла сумятицу в ряды родственников. И неудивительно. Какой сын? Все знали, что

у Ираклия Константиновича детей нет. Наконец Лари поднялся и произнес:

— К сожалению, у моего брата нет прямых наследников. Он был вдовцом. И его ребенок скончался, не дожив до пяти лет.

— Вот как... Странно. Мне Ираклий Константинович говорил, что занят поисками своего сына.

Эта фраза вызвала уже не сумятицу, а настоящий переполох. Один Лари сохранил спокойствие.

— Уверю вас, — сказал он, обращаясь к нотариусу, — что мой брат был бездетен.

— Но он...

— Если он и вел поиски своего пропавшего ребенка, — перебил его Лари, — то успехом они не увенчались. Разве имя этого ребенка есть в завещании?

— Да.

Лари побледнел и отшатнулся.

— Есть?! — прошептал он едва слышно. — Мой брат что-то завещал покойнику?

— Но, насколько я понимаю, ребенок вашего брата вовсе не скончался, — возразил нотариус. — Ведь его тела так и не нашли?

— Да. Верно. Но...

— И не было свидетелей, которые бы подтвердили, что в автокатастрофе, унесшей жизнь его матери, мальчик бы также пострадал?

— Машина сгорела дотла! — воскликнул Лари.

— Все, что осталось от жены моего брата, было похоронено в одной маленькой урне! — поддержала брата Белла.

— И то, я до сих пор не уверен, что это была именно она, а не кожаная обивка чехлов сидений!

Это было уж слишком. Пожилой нотариус скривился, словно ему в рот попал изрядный кусок лимона.

— Тем не менее ваш брат был уверен, что ребенок этот жив, — произнес он.

— Брат искал своего сына. Но безрезультатно. Всеми было признано, что ребенок мертв.

— Всеми, но только не его родным отцом. И совсем недавно Ираклий Константинович предпринял ряд новых действий по поискам своего сына.

— Послушайте, это же чушь! — воскликнул Саша. — Просто старческая блажь!

— Завещание — это не чушь, молодой человек! — строго произнес нотариус. — А важный юридический документ. И если в нем написано чье-то имя, то я обязан проследить, чтобы желание моего клиента было удовлетворено в полном объеме.

— Говорите яснее!

— Сейчас я оглашу завещание, и вам всем все станет ясно!

— Мы только этого и ждем!

Нотариус извлек из чемоданчика запечатанный конверт.

— Вот завещание Ираклия Константиновича. И, согласно воле усопшего, оно будет вскрыто в его доме, в присутствии его семьи.

И нотариус сломал печать на конверте. И торжественным, хорошо поставленным голосом принялся читать завещание. Оно оказалось длинным. Ираклий Константинович в самом деле был богатым человеком. Ему было что и кому завещать. В завещании не был забыт никто. Даже племянник Вениамин, который не числился среди любимчиков Ираклия Константиновича, получил вполне приличный пакет акций одной горнодобывающей компании, который позволил бы этому молодому человеку не умереть с голоду. А при условии, если он найдет себе дополнительную работу, жить и вовсе припеваючи.

Тоже самое касалось и остальной родни. Никто не был забыт. Однако родственники выражали недовольство.

— Это все мелочи! — нетерпеливо воскликнула Белла, которой была отписана квартира на Мальте. — Копейки! Кому досталось основное состояние моего брата? Счета в европейских банках, контрольные пакеты акций нескольких металлургических комплексов, другие ценные бумаги?

— Да! Кому достанется все остальное?

— Эта квартира, в конце концов?! Цена ей — миллион! И это на самого скупого покупателя! Так чья же она теперь?

И Лари топнул ногой по полу, чтобы всем стало ясно, о какой квартире идет речь. Нотариус кинул на него укоряющий взгляд и продолжил чтение:

— «Моя городская квартира, а также все прочее движимое и недвижимое имущество, которым я буду владеть на момент моей смерти, переходит к моему единственному сыну, где бы тот ни находился».

Нотариус замолчал. И в комнате воцарилась гробовая тишина. Первой пришла в себя Белла.

— А это... Это законно? — запинаясь, спросила она. — Законно, чтобы наследником был признан

покойник?

— У вашего брата имелись сомнения в том, что его сын погиб. Как я вам уже говорил, в последнее время он нанял целый штат частных детективов, которые должны были помочь ему найти родного ребенка.

— Но это же чушь! Ребенок погиб! Вместе с матерью!

Нотариус пожал плечами и продолжил читать:

— «До тех пор пока мой родной сын не будет найден и доказательства его родства не будут представлены в полном объеме и не вызовут сомнений у специально созданной для этого комиссии, все мои деньги и прочее имущество, кроме указанной выше собственности, переданной уже мной другим родственникам, будет передано в специально учрежденный для этого фонд».

И нотариус сложил бумаги и посмотрел на замерших родственников.

— Теперь все!

— Чушь! Более дурацкого завещания мне не приходилось выслушивать! — взвизгнула Белла. — Как можно завещать покойнику? О живых надо думать! Моим девочкам давно пора замуж! А кто их возьмет теперь? Без приданого!

И, закрыв глаза платком, она судорожно зарыдала. Лари держался лучше сестры. Но и он с трудом сдерживал негодование.

— И кто? — спросил он. — Кто будет возглавлять этот фонд?

Нотариус назвал несколько имен. Лари побледнел. Договориться с этими людьми будет очень сложно, если вообще возможно. И так, деньги брата уплывали в неизвестном направлении. Впрочем... Впрочем, оставался еще один вариант. Но Лари не успел его продумать. Потому что в этот момент в гостиную вошел еще один гость.

— Следователь Пяточкин! — представился он компании. — Расследую особо опасные дела.

— А мы тут при чем?

— Вы ведь близкие родственники Ираклия Константиновича?

— Да.

— Очень даже при чем. Ведь я как раз и расследую его убийство!

Во второй раз тишина в комнате царила еще дольше. Наконец Белла тихо охнула и начала падать в обморок, тяжело заваливаясь на руки своих дочерей.

— Как убийство? Разве это не был несчастный случай? — воскликнул дрогнувшим голосом Лари.

— Инфаркт? Инсульт? Или что-то в этом роде? — вразнобой закричали родственники.

Следователь покачал головой.

— Вскрытие показало, что во время праздничного ужина в организм покойного была введена большая доза органического яда. Предположительно яда бледной поганки. Вследствие чего он и скончался.

— Но это невозможно!

— В доме были только свои!

— Кто мог это сделать?

— Вот это мне и предстоит выяснить, — сказал следователь. — Отравитель находился во время праздника в этой квартире. В этом сомнений нет. А значит, убийца — один из вас!

В третий раз тишина была уже не просто гробовой. В ней отчетливо расплывались волны страха. Еще бы, никому не хотелось быть обвиненным в убийстве.

А следователь уже развил бурную деятельность. Он вручил каждому повестку, где указывалось, в какое время завтра всем надлежит явиться в кабинет следователя. Затем он сделал знак нотариусу. И уединился с ним в соседней комнате. Оттуда нотариус появился с перекошенным лицом. Зато следователь выглядел довольным, словно объевшийся сметаны кот.

— Ну, до завтра! — почти весело произнес он, обращаясь к родственникам. — Жду вас у себя.

Разочарованные родственники начали медленно расплываться. Дочери увезли заливающуюся слезами Беллу, которая не уставала причитать:

— Мы нищие! Нищие! Девочки мои, дядя оставил нас нищими! А теперь нас еще и обвиняют в его убийстве!

Племянники — два сына Лари и один сын их третьего, уже умершего брата — отправились в ночной клуб. Юношей не слишком расстроило завещание дяди. Юности свойственно легкомыслие. И молодые люди переговаривались между собой, не держа зла на дядю.

— Все-таки старый пердун что-то нам оставил.

— Он явно выжил из ума. При таком раскладе мог и совсем ничего не оставить.

— А мне досталась отдельная квартира в новом доме! Самая дешевая, конечно. Видел я ее. Но и на том спасибо. Давно мечтал жить отдельно от предков.

В доме брата задержался один Лари. Выждав, когда все остальные удалятся, он помчался на кухню. Виктор был там. Он сидел на табуретке, тупо сжимая в руках повестку, которую ему всучил следователь перед уходом.

— Ты обалдел! — набросился на него Лари. — Мы так не договаривались! Что ты натворил?!

— Богом клянусь! Я тут ни при чем!

— Ты должен был следить за моим братцем! А не убивать его! По крайней мере, без моего приказа не делать этого!

— Я и не убивал!

Но Лари не слушал. Гнев застил ему разум. И он вопил, уже не сдерживаясь:

— Что за самодеятельность?! Ты хоть знаешь, кому этот старый придурок все оставил?

— Кому?

— Мальчишке!

— Своему сыну?

— Своему сыну! — передразнил его Лари. — Да! Представь себе! Своему сыну!

— А... А вам?

— Ничего! И остальным — тоже ничего! Все уплыло! Уплыло в чужие руки! А между тем моего брата убили! Скажешь, что не ты?

— Нет!

— А кто?

Виктор хотел пожать плечами. Но внезапно замер.

— Этот поваренок, — прошептал он. — Его рекомендовала ваша сестра.

— Какой поваренок?

— Мой помощник. Маленький проныра! Куда бы я ни пошел, он всюду оказывался рядом. И зуб даю, что он никакой не повар. Близко к плите не стоял. Томатную пасту от готового кетчупа отличить был не в состоянии!

Лари тоже задумался.

— И ты говоришь, этого неумеху рекомендовала Белла?

— Она настояла, чтобы мальчишку взяли — помогать на праздниках.

— И что?

— Сразу после смерти хозяина мальчишка исчез!

— Куда исчез?

— Не знаю. Мне было не до него. Я подумал, что ему просто надоела эта возня с кастрюлями. И поэтому он удрал. Но теперь...

— Теперь картина меняется, — перебил его Лари. — Так ты говоришь, его рекомендовала Белла?

— Да. Мадам Изабелла лично просила хозяина, чтобы он взял мальчика в дом.

— Вот как. Не в обычаях моей сестры заботиться о ком-то, кроме своей драгоценной персоны, — пробормотал Лари. — Интересно, с чего бы такое внимание к неизвестному мальчишке?

— Я так понял, что мальчик был сыном ее старой приятельницы. И она хотела сделать приятное той. Вот и устроила парнишку на хорошую работу в приличный дом.

— Сделать приятное?! Чушь! Моя сестра не способна на подобное! У каждого ее поступка есть четкое объяснение. И чаще всего — оно одно и то же. Собственная выгода! Моей сестре зачем-то было нужно, чтобы этот мальчишка оказался в доме. И я хочу знать зачем!

С этими словам Илларион вылетел из кухни, словно ему в задницу засунули ракету и подожгли фитиль.

У своей сестры он оказался меньше чем через полчаса. Всю дорогу он гнал свою роскошную «Тойоту». А перед этим не один раз предпринял попытку дозвониться до сестры. Но ее телефон оказывался неизменно вне зоны действия.

— Старая дура! — злобно отшвырнул он трубку после десятого отбоя. — Старая, выжившая из ума кретинка! Неужели она осмелилась затеять собственную игру?!

Лари крепко стиснул руками автомобильный руль, так, что даже костяшки пальцев побелели. И уставился на дорогу, сжав зубы. Картины одна ужаснее другой проносились перед его мысленным взором. Его сестра всегда была, мягко говоря, неумной. И дочери в этом отношении полностью пошли в нее. Но Белла, будучи душой, хотя бы в молодости была красавицей. Отчасти это искупало недостаток ума. Но с возрастом красота ушла, а мудрость так и не явилась. И теперь Лари почти ненавидел свою сестру.

— Провалить такое дело! — шипел он. — Такое! Если это она, то я убью ее своими собственными руками.

Племянницы пытались не пустить дядю Иллариона к матери.

— Маме плохо! Она отдыхает! У нее давление!

— Пошли вон!

И племянницы отлетели от Лари, как ошпаренные. В семье хорошо знали бешеный нрав Лари. Он умел долго молчать и терпеть, бурля внутри. Но когда все же происходил взрыв — это было страшно. Лари влетел в комнату сестры.

— В чем дело?

Ничего не говоря, Лари схватил сестру за ворот ее халата, вытащил из постели и поволок к окну.

— Что ты делаешь? Там же холодно! — пыталась сопротивляться женщина.

— У тебя не будет времени, чтобы замерзнуть.

С этими словами Лари распахнул окно. И перевесил орущую сестру через подоконник, держа ее только за лодыжки.

— А-а-а! Тут же высоко! Перестань! Поставь меня на место!

— Ты убила Ираклия!

— Нет!

Лари сделал вид, что слегка отпускает ноги сестры. Та дико заверещала. Лари слушал ее крики с удовольствием. Наконец-то нашелся кто-то, кому сейчас приходилось хуже, чем ему!

— Говори, дура, зачем ты пристроила к Ираклию этого поваренка?

— Он — сын моей подруги.

— Не ври! У тебя сроду не было никаких подруг! Говори, кто он такой?

— Просто мальчик, которому я захотела помочь!

— Не лги мне! Еще одно слово лжи, и ты полетишь головой в сугроб.

— Ты не посмеешь!

— А вот посмотрим, посмею я или нет!

И Лари отпустил одну руку.

— А-а-а! Я все скажу! Только верни меня в комнату!

Лари схватил сестру за полную лодыжку и втянул ее обратно. В душе он радовался ее благоразумию. Убивать сестру не входило в его планы. А кто знает, как долго он бы смог удерживать в подвешенном состоянии ее жирную тушу.

— Говори! — велел он ей.

— Все дело в деньгах! — торопливо заговорила Белла, стягивая на груди распахнувшийся халат и на всякий случай отползая подальше от все еще открытого окна и разгневанного брата.

— Ну, конечно. Я так и знал! И что ты затеяла, несчастная?

— Этот юноша — в самом деле сын моей подруги. Не близкой. И даже не подруги, а так, приятельницы. Она как-то напросилась ко мне в гости. Явилась вместе с сыном и начала жаловаться на жуткую нищету.

Одним словом, несмотря на явную бедность приятельницы, ее сын Белле понравился. Не потому, что он был каким-то там писанным красавцем. Обычный парень. Мелкий и даже щуплый. Но Белла уже давно оставила честолюбивую мысль выгодно выдать замуж своих доченек. И была согласна на последнего голодранца. Вся беда была в том, что даже голодранцы пугались ее дочулечек и сбегали от них при первой же возможности.

Но Паша — так звали юношу — оказался не из пугливых. Не моргнув глазом он осмотрел «невест». И остановил свой выбор на младшей. Радости Беллы не было предела. Наконец-то хотя бы у одной ее дочери будет муж!

— Не скрою, ваша дочь мне нравится именно потому, что она богата, — признался будущей теще Паша. — Или вскоре станет таковой.

И хотя слова мальчишки покорили Беллу, как всякую другую мать на ее месте, но она внимательно выслушала Пашу. А узнав, что он предлагает, она сначала испугалась, потом задумалась, а потом пришла к выводу, что мальчишка для них с девочками — просто подарок судьбы.

— И что вы затеяли? Отравить моего брата?

— Нет! Это не мы! Паша собирался оглядеться в доме. Присмотреть ценные вещи. Узнать код сейфа.

— И ограбить Ираклия?

— Взять приданое своей невесты, — поправила брата Белла.

— Ничего себе способ!

— Ты же знаешь, Ираклий бывал чертовски упрям. Он никак не желал, чтобы мои девочки вышли замуж по любви. Он требовал, чтобы муж мог содержать жену.

— И правильно делал.

— Да где же нам такого жениха взять? Нету таких. А Ираклий бы не обеднел.

— Белла! — ахнул пораженный Лари. — Это же ограбление!

— Какие счета между своими людьми? — вздохнула Белла. — Деньги Ираклия пошли бы на благое дело. Одна из моих девочек наконец-то вышла бы замуж. Но мы никак не хотели его убивать! Никогда!

— Боюсь, что у твоего будущего «зятя» могло быть свое мнение на этот счет. Где он сейчас?

— Не знаю.

— Как это не знаешь?

— Не знаю. Дома его нет. У меня его тоже нет.

— А чем он вообще занимается?

— Так...

Лари очень не понравилось, как его сестра отвела глаза в сторону.

— Что значит — так? — набросился он на нее. — Кто этот мальчишка? Где он учился? Чем зарабатывает себе на жизнь?

— В настоящий момент — ничем.

— А раньше?

— Раньше он торговал.

— Чем?

— Лотерейными билетиками.

— Чем?

— Ну, знаешь такие розыгрыши, когда участникам приходится торговаться между собой за право получить выигранную вещь?

— Так он лохотронщик?! — ахнул Лари. — Белла! Ты окончательно спятила! Как можно отдать дочь замуж за мошенника?!

— Он не хотел возвращаться к старому!

— Вот именно! Поэтому и отравил Ираклия, надеясь, что тот в своем завещании не забыл упомянуть и его невесту.

Белла молчала. Это с ней случалось крайне редко. И Лари понял, что и у его сестры в голове крутятся те же самые мысли. Не такая уж она и дура, их милая Беллочка. Ишь, какую интригу сумела затеять! Жаль только, что со своими куриными мозгами она дальше алтаря не смотрела. Разве стал бы этот мальчишка жить с его коровой-племянницей? Обобрал бы дуру и ее мамашу да и смылся.

Однако теперь у Лари был явный козырь, с которым он и собирался завтра явиться к следователю. Отвести подозрение от самого себя! Вот что в данный момент требовалось Лари больше всего. И этот раскаявшийся лохотронщик Паша подходил для этой цели как нельзя лучше.

Остаток вечера Лари провел у сестры и племянниц, втолковывая в их неподатливые головы, что они должны будут говорить завтра у следователя, а чего не говорить. Лари пришлось заставить этих трех коров буквально зазубрить ответы наизусть.

Но зато теперь он был уверен: лично его подозрение не коснется. Белла, дождавшись, когда брат наконец уберется восвояси, выпроводила дочерей к ним в комнату. Поправила на полной груди халат и заглянула за ширму. Там лежал целый ворох тряпок — платья, кружевные пеньюары, шали, юбки, колготки и прочая дамская дребедень, столь милая сердцу каждой женщины.

— Эй! — вполголоса позвала кого-то женщина. — Он ушел!

И лишь после этого тряпки зашевелились. И из-под них выполз бледный молодой человек. Присмотревшись, в нем можно было бы узнать поваренка, путавшегося под ногами у Виктора и доводившего того до нервного иступления. Но сейчас лицо юноши было перекошено от страха до такой степени, что он сам на себя был не похож.

— Это все ты виновата! — плаксивым голосом произнес он. — Сказала, что все пройдет как по маслу. Старик отбросит копыта, а мы захпаем его денежки. Никакого риска! И что теперь?

— Теперь-то и начинается самое интересное, — произнесла Белла. — Самое интересное, дорогой мой племянничек.

— Что? — разинул рот парень.

— Или, во всяком случае, тебе вскоре предстоит им стать.

— Что?

Но на этот раз Белла ничего ему не ответила. Она улыбалась и смотрела куда-то вдаль.

— Напрасно мои братья всю жизнь считали меня душой, — мурлыкала она себе под нос. — Ой, как напрасно!

На следующий день всем родственникам снова предстояло встретиться. На этот раз — уже в коридоре

возле кабинета следователя Пяточкина.

— Что-то мы в последнее время стали часто видеться! — пошутил Саша. — Не к добру это.

Никто ему на неумную шутку не ответил. Всем и так было ясно, что хорошего во встречах в таких местах ничего нет и быть не может. Какое уж тут добро, когда убит один из них, а все остальные находятся под подозрением!

— Как вы думаете, кто его убил?

Но на этот вопрос родственникам неожиданно ответил следователь.

— Поздравляю вас! — произнес он, появляясь в коридоре. — Поздравляю!

— С чем?

— Настоящий преступник найден. Со всех вас сняты любые подозрения! Поздравляю!

Некоторое время все пребывали в шоке. А затем набросились на следователя с вопросами:

— Кто это сделал?

— Мы его знаем?

— Зачем он это сделал?

Белла рыдала.

— Мой брат! Мой бедный брат! У кого поднялась рука?

— Товарищ следователь! Мы хотим знать! — твердо произнес Лари.

— Имеем право!

Следователь кивнул. Он распахнул дверь в соседний кабинет и торжественно провозгласил:

— Вот он!

Лари заглянул в кабинет первым и возмущенно выругался. Тут же его оттеснила сестра. А за ней в дверь стали заглядывать и остальные родственники.

— Это же Николай! — шептались они. — Секретарь дяди Ираклия! Что он тут делает?

Молодой человек был в наручниках. И вид имел весьма бледный. Следователь же, напротив, буквально лучился довольством.

— Позвольте вам представить, — торжественно произнес он, кивая на Николая.

— Мы знакомы! — огрызнулась Белла.

— Вы знакомы с этим молодым господином, так сказать, лишь с одной стороны. А между тем у него несколько личин. И одна из них — он убийца нашего Ираклия Константиновича!

Родственники заохали и заохали на разные голоса. Не потеряла присутствия духа лишь Ирочка — молоденькая жена Лари.

— Вы уверены?! — пропищала она. — Какие у вас есть доказательства его вины?

— Веские и неоспоримые. Во-первых, на одежде этого молодого человека были найдены следы яда, которым был отравлен ваш дядя.

— А во-вторых?

— Во-вторых, самое главное. Как вы думаете, кем является этот молодой человек на самом деле?

— Ну, вы же сказали. Он секретарь и убийца.

— Верно. Но еще?

— Еще?

— Да, еще.

— Не знаем.

— Сдаются?

И следователь хитро прищурился. Тут уж не вытерпела Белла.

— Что за игры в кошки-мышки? — гневно воскликнула она. — Говорите уже! Ну!

Следователь обиженно надулся.

— Хотел как лучше, а вы кричите. Нашел убийцу, а вы все равно недовольны. Что за люди!

Белла застонала.

— Ну, ладно! — сжалился над ней следователь. — Этот молодой человек не только секретарь вашего дяди Ираклия. Не только его убийца. Он еще... Он еще и его сын!

Новость была ошеломляющей. Все затаили дыхание. И уставились на сидевшего в наручниках молодого человека. Перед ним лежали густо исписанные листы бумаги. Признание вины, как все быстро поняли.

— Сын? — протянула Белла. — Вы уверены?

— Еще бы!

— Но он совсем не похож на Ираклия!

— Так часто бывает. Близкие родственники не всегда являются клонами друг друга.

— Да... — замялась Белла. — Но...

Лари ее перебил:

— Но откуда вы узнали?

Следователь снова заулыбался.

— Это было не так уж и сложно сделать, — произнес он. — Вчера при беседе с нотариусом я услышал от него упоминание о том, что покойный разыскивал своего сына, упорно не желая признать того умершим.

— Да! У моего брата это стало под старость чем-то вроде идеи фикс.

— Он считал, что его сын жив! — подтвердил кто-то.

— И ваш брат оказался прав! Его сын в самом деле уцелел в той автокатастрофе. Его подобрала чужие люди. По какой-то причине они не сдали найденшша в милицию. Вместо этого они увезли его в другой город. Усыновили и вырастили, словно собственного ребенка.

К сожалению, жизнь найденшша не была счастливой. Приемные родители оказались весьма жесткими и даже жестокими людьми. Желая воспитать ребенка достойным членом общества, они порой применяли к нему физическое насилие. Порка плетью была чем-то рядовым и обыденным. Ребенка били за то, что он пролил чай из чашки. За то, что он громко пел. За то, что прыгал вместе с другими детьми, когда должен был чинно сидеть на лавочке и читать книжку.

Они также не скрывали от ребенка, что он им чужой. Что взяли они его из жалости, когда он один-одинешенек брел ночью по дороге. Взяли, чтобы он был покорным, заботливым и стал бы им надежной опорой в старости.

— А как ты сможешь нам быть опорой, когда у тебя в дневнике снова тройка по математике? — допытывался у мальчика его приемный отец, извлекая из брюк длинный кожаный ремень. — Ты будешь нам обузой! А я этого не допущу!

Как ни странно, маленький Коля винил в своих бедах вовсе не жестоких себялюбивых воспитателей, а своих настоящих родителей. Почему они его бросили? Почему не ищут? Почему допускают, чтобы эти злые люди мучили его и издевались над ним?

После автомобильной аварии, которая унесла жизнь его матери, у Коли случилась амнезия. Своих родителей он совершенно не помнил. И охотно верил воспитателям, что те были ужасные люди. И выгнали его, беззащитного, в темноту и холод — одного. И что он бы просто погиб, не подбери его приемные родители.

Время шло. Коля стал взрослым. Но его жизнь по-прежнему казалась беспросветной. Работа, уход за престарелыми родителями, которые стали под старость и вовсе невыносимы, снова работа и еще раз работа. От такой жизни недолго и свихнуться. Коля не свихнулся. Но зато возненавидел своих настоящих родителей лютой ненавистью.

— Поэтому, когда к нему однажды явился представитель детективного агентства, куда обратился Ираклий Константинович с просьбой отыскать его сына, Николай отреагировал неоднозначно. С одной стороны, ему было интересно взглянуть на своего настоящего отца. Но с другой... Ненависть уже разъела его душу. И теперь он хотел не любви, а отмщения.

— И что он сделал?

— Вызвав у детектива имя своего отца, а также его адрес, он явился к нему под предлогом устройства на работу.

— И брат взял этого человека к себе секретарем?

— Вот именно.

— Но как же он его не узнал?

— Детектив, нашедший Николая, не успел передать информацию Ираклию Константиновичу. На него напали какие-то хулиганы. Отобрали все документы, самого его избili до такого состояния, что, не приходя в сознание, он скончался через пару часов.

— Ужасно! — пискнула Ирочка.

— Ужасно, — согласился с ней следователь. — Но для Николая появился шанс никем не узнанным проникнуть в дом своего родителя. И отомстить тому.

Дальнейшее для Николая не представляло особого труда. Жизнь с его приемными родителями научила его умело подыгрывать слабостям окружающих его людей. И играть на них. Так что войти в доверие к Ираклию Константиновичу для Николая не составило никакой проблемы. Старик привязался к своему новому секретарю. И посвящал его во многие свои дела.

В частности, он не скрыл от Николая подробности своего нового завещания, в котором он намеревался оставить значительную часть всего состояния своему сыну. Конечно, старик надеялся, что умрет он не скоро. И перед смертью ему еще удастся повидать сына. Он снова и снова обращался к детективам. Но те

лишь разводили руками. Следы, по которым шел погибший детектив, оборвались вместе с его смертью.

Тем не менее Ираклий Константинович составил новое завещание в пользу своего сына. И тем самым подписал себе смертный приговор.

Теперь Николай больше не сомневался. Его отец должен умереть! А он станет богатым, очень богатым и могущественным. Он считал, что это будет достойным возмещением тех страданий, которые он перенес по вине своего отца, который так запоздал с поисками наследника.

Оставалось лишь ждать удобного случая. И такой случай представился, когда на Новый год в доме собралась большая толпа гостей. Обмазать ядом тарелку Ираклия Константиновича не составило для Николая особого труда. Ведь он все время находился в доме. И, проходя мимо сервированного стола, мог незаметно прикоснуться к тарелке хозяина дома, делая вид, что просто поправляет ее.

— Верно! — воскликнул Виктор. — Он так и вертелся возле стола! То тут бокал переставит, то там вилку передвинет. И все прислугу критиковал. Знаток!

Закончив свое черное дело, Николай спокойно наблюдал, как подействует яд. За себя он не опасался. Как секретарь, он не извлекал ровным счетом никакой выгоды из смерти Ираклия Константиновича. А о том, что следствие может признать в нем родного сына убитого, он даже не думал. Считая, что эта тайна похоронена вместе с погибшим детективом.

— Так, может быть, это он его и убил? — спросил Саша.

— Возможно. Во всяком случае, такая версия выглядела бы вполне логичной. План Николая не предусматривал лишних свидетелей. Детектив был опасной помехой. И он его устранил.

Следователь замолчал. И все облегченно перевели дыхание. Преступник был изобличен. Слава богу!

— А я говорил брату, чтобы он оставил эту затею с поисками сына! — воскликнул Лари. — Видите, к чему она привела! Мой брат мертв! Убит собственным сыном!

— Какой позор! — прошептала Белла. — И надо же такому случиться именно в нашей семье! Что теперь про нас скажут люди!

Однако Лари думал о другом.

— Но ведь, насколько я знаю, убийца не может наследовать после своей жертвы?

— Совершенно верно.

— Значит, Николай не считается больше наследником Ираклия?

— Нет.

— И кому достанутся деньги Ираклия?

— Полагаю, что ближайшим родственникам. То есть вам и вашей сестре.

Белла и Ираклий заметно повеселели. Все тоже выглядели довольными. Конечно, жутко сознавать, что убийцей оказался родной сын дяди Ираклия. Но, с другой стороны... Хорошо, что в убийстве не обвинили никого из них!

Выходя из кабинета следователя, Ирочка улучила минуту и приблизилась к Белле.

— Хочу поговорить с вами о женихе вашей дочери, — прошептала она.

Белла побледнела. Сегодня вроде бы все устроилось наилучшим образом. И она уже жалела, что вообще когда-то связалась с этим Пашей. Зачем он ей теперь нужен? После смерти Ираклия и признания их главного конкурента — Николая — виновным в смерти отца у Беллы и ее дочерей отпала необходимость красть крохи. Ведь они завладеют половиной состояния покойника! Следователь выразился на этот счет совершенно однозначно!

Но Ирочка ждала. И Белле только и оставалось, что кивнуть:

— Приходи ко мне сегодня, часикам к девяти. Я буду дома одна. Тогда и поговорим.

Ровно в девять вечера Ирочка входила в квартиру Беллы.

— Ой, как холодно! — проговорила она, стряхивая со своей пышной шубки белые снежинки. — На улице еще больше подморозило. А я в легких сапожках. Ноги просто застыли.

Сапожки у Ирочки в самом деле мало подходили для передвижения по улицам. Они были из белоснежного бархата с красивыми узорами. Они годились для теплых помещений, а никак не для снежных сугробов.

— Пока шла от такси, вся заледенела!

Белла сделала над собой усилие (гостя все-таки) и радушно предложила:

— Кофе?

— Да! Пожалуйста! — с восторгом откликнулась Ирочка. — Так хочется согреться!

— Сейчас сварю!

Пока Белла варила кофе, Ирочка со сдержанным любопытством осматривалась в квартире Беллы. Она была тут впервые. И ей показалось, что тут слишком все вычурно и шикарно. Позолота так и била в глаза. А

эти ужасные канделябры! Откуда Белла их только выкопала?!

Чтобы получше рассмотреть вещь, Ирочка подошла поближе. И даже потрогала, не желая признать, что можно такую бронзовую махину добровольно поставить у себя в столовой. Немыслимая глупость! И ладно бы Белла жила в старинном родовом замке. А то — в обычной квартире, пусть даже над ней и поработал дизайнер.

Одна свеча была непрочной установлена в подставке. Она зашаталась и стала падать. Ирочка кинулась ее поднимать. И случайно задела ногой подставку канделябра.

— Ой!

Белла кинулась на выручку. А Ирочка, испуганная тем, что натворила, отступила в сторону.

— Простите! Простите меня! — повторяла она.

Белла быстро навела порядок. И кивнула:

— Ничего не разбилось. Так что не переживай. Садись и пей спокойно кофе.

Ирочка присела за стол. Но медлила взять свою чашку.

— А вы? — спросила она у Беллы. — Вы не будете?

Белла вздохнула. И, хотя ей не хотелось кофе, налила немного и себе в стоявшую на столе чашку. Она уже поднесла ее к губам, собираясь отпить, как внезапно в холле раздался шум шагов, и в столовую быстро вошел следователь Пяточкин. При виде его Белла растерялась. Но еще больше она растерялась, когда следом за Пяточкиным вошел Николай. Без наручников. И без конвоя!

— Чт-то происходит? — заикаясь, спросила Белла. — Кто вам позволил?.. 3-зачем вы тут?

Вместо ответа следователь шагнул к ней и заставил поставить чашку обратно на стол. После этого он развернулся к Ирочке и произнес:

— Ну, голубушка, все! Твоя песенка спета. Собирайся. Пойдешь с нами!

И возле следователя, словно духи из бутылки, материализовались еще два человека. Они встали возле девушки с явным намерением не дать ей даже пошевелиться. Ирочка молчала, подавленно глядя на него своими огромными глазами. А Белла возмутилась:

— Куда вы ее собираетесь вести? Что за произвол?

— Вот в этой чашке, — произнес следователь, указывая на посуду, из которой только что собиралась пить Белла, — находится яд, идентичный тому, которым был отравлен ваш брат.

— Что?! Откуда он там взялся?

— Полагаю, об этом лучше всех знает она.

И следователь указал на Ирочку. Увидев направленный в ее сторону палец следователя, Ирочка неожиданно очнулась от шока.

— Это все ложь! — взвизгнула она. — Белла, не слушайте его! Он врёт!

— Все ваши действия были сняты на пленку!

— Я ничего не делала! Просто потрогала чашку.

— Совершенно верно. Просто потрогали чашку, а перед этим потрогали тарелку, из которой, как вы знали, должен был кушать Ираклий Константинович.

— Ничего не понимаю, — помотала головой Белла.

— Оно и заметно, — произнес еще один человек, входя в столовую. — Ты у нас никогда особым умом не отличалась.

Увидев этого человека, Белла вскрикнула. А Ирочка вжалась в спинку стула, словно хотела пройти сквозь нее.

— Покойник! — едва шептала она одними губами. — Покойник вернулся! Но как же так?!

— Ираклий! — пришла в себя Белла. — Но как же это? Ты жив?

Трудно сказать, чего было в ее голосе больше — изумления, негодования или неудовольствия. Но уж точно, радости в нем не было. Еще бы, ведь воскресший брат никак не укладывался в планы Беллы.

— Вижу, как ты мне рада, сестренка! — понимающе кивнул головой Ираклий Константинович. — Впрочем, твоя вина по сравнению с ее не так уж велика. Ты всего лишь хотела счастья своим девчонкам. Так что с тобой я разберусь позже.

И с этими словами он повернулся в сторону Ирочки. Девушка окончательно сжалась под его взглядом, напоминая маленькую испуганную птичку. Но ни следователь, ни Ираклий не поддались на эту уловку. Они знали, что перед ними находилась убийца. Жестокая и безжалостная.

— Вы ничего не докажете! — произнесла Ирочка в ответ на их немой укор. — Убийца — Николай. Следователь сам это признал перед всеми!

— Все верно. Признал. Но это был лишь ловкий ход, чтобы вы, голубушка, уверовали в свою безнаказанность. И пошли бы на следующее преступление.

— Но я...

— И вы так и поступили. А мы, проследив за вами до дверей квартиры Беллы, поняли, кто является вашей следующей жертвой. Вы ведь хотели, чтобы ваш муж единолично унаследовал все состояние своего брата? С Беллой, которая тоже являлась ближайшей родственницей покойника, вы делиться не собирались?

— Не понимаю, о чем вы говорите!

— Все вы прекрасно понимаете, Ирочка, — строго произнес следователь. — Или как вас там зовут по настоящему? Ольга Темных? Вероника Алексеева?

Когда он назвал два этих имени, Ирочка сжалась, словно от удара. Внезапно в ее глазах вспыхнул огонь ненависти.

— Будь ты проклят! — воскликнула она. — Грязная ищайка! Все равно ты ничего не докажешь!

Белла вертела головой в разные стороны, так, что она у нее едва не отваливалась.

— Ничего не понимаю.

— А вот и мы!

И с этими словами в столовую вошли две ее дочери в сопровождении своих двоюродных братьев. Увидев чужих людей, следователя, Николая без наручников и, самое главное, — воскресшего дядю Ираклия, нависшего над бледной съжившейся Ирочкой, они все дружно раскрыли рты. И теперь напоминали недоумевающих птенцов.

Следом за молодыми людьми вошел Лари. Он сориентировался быстро и закричал:

— Что тут происходит? Отойдите от моей жены!

Он уже было кинулся на защиту Ирочки, но его остановил чей-то оклик:

— Дядя Ираклий!

Лари замер на месте, обводя взглядом окружающих.

— Ираклий! Ты жив?!

Ираклий усмехнулся:

— Как видишь. Впрочем, можешь меня потрогать.

Но Лари щупать брата не стал.

— А кто все эти люди?.. Что тут делает убийца?.. Почему он не в камере? — загомонили остальные.

Видя, что без объяснений никак не обойтись, следователь заговорил:

— Во-первых, должен объяснить вам, что Николай — вовсе не убийца.

— Как?

— Он не убивал дядю Ираклия?!

Это воскликнула старшая дочь Беллы. И тут же умолкла, сама понимая очевидную глупость своего вопроса. Ведь дядя Ираклий стоял перед ней, целый и невредимый.

— Николай никого не убивал. Скажу вам даже больше: если бы Николай не проявил чуткость и оперативность, то злодейке вполне мог удалиться ее ужасный план.

— Какой план?

— Устранить богатого дядюшку Ираклия и добиться, чтобы его состояние перешло к ее мужу, а после него — к ней.

— После него? То есть после меня? — подал голос и Лари. — Как это после меня? Что вы имеете в виду? Ведь я еще жив!

— Это ненадолго, — заверил его следователь. — У вашей супруги, несмотря на ее ангельскую внешность, имеется богатый опыт по устранению ненужных ей мужей.

У Лари отвисла нижняя челюсть.

— Что?

— Вы не знали, что ваша жена успела до вас еще дважды побывать замужем?

— Я? Нет! У нее был чистый паспорт! Должно быть, вы ошиблись.

— Технически это сделать нетрудно. Я имею в виду, заполучить чистый паспорт. После развода или, как в случае вашей супруги, после смерти ее мужей достаточно потерять старый паспорт. И в новом уже не будет никаких печатей о прежних браках.

Лари подавленно молчал. Кажется, известие о том, что его милая женушка вынашивала чудовищные замыслы против него самого, поразило его до глубины души.

— Увы, первые два опыта вашей супруги не увенчались успехом. То есть увенчались, но лишь отчасти.

— Как это?

— Ее мужья скончались. В первом случае ей удалось спихнуть вину на пасынка. Тот был неблагонадежен. Пил и даже употреблял наркотики. Так что следствие охотно поверило в его вину. Второй муж Ирочки умер в горной экспедиции, в маленьком поселке, где его смерть диагностировали как пищевое

отравление несъедобными грибами. Но оба раза наследство, на которое рассчитывала «черная вдова», никак не оправдало затраченных на его получение усилий.

Быстро истратив доставшиеся ей деньги, в третий раз Ирочка решила «сработать» наверняка. Облюбовав в качестве жертвы Ираклия Константиновича, она выяснила его подноготную и слегка приуныла. Ираклий Константинович явно не собирался жениться. У Ирочки хватило ума, чтобы не обольщаться на свой счет. Раз уж Ираклий тридцать лет вдовел, вряд ли он на старости лет захочет изменить своим привычкам.

И Ирочка решила сделать ставку на его брата. В отличие от Ираклия, его брат пуританскими привычками не отличался. И Ирочке удалось сравнительно легко заманить Лари — сначала в свои объятия, а затем плавно препроводить его к алтарю. Первая часть плана была выполнена. Она стала законной женой и наследницей. Теперь следовало сделать из мужа богатого человека.

Ирочка взялась за дело со свойственной ей целеустремленностью. И у нее бы все получилось, как получилось в первых двух случаях (запаса яда хватило бы еще на десяток мужей), но в дело вмешалась судьба.

Тридцать лет назад Ираклий Константинович овдовел, потеряв в автокатастрофе жену и сына. Сначала его горе было огромным. Но с годами оно притупилось, как притупляется со временем всякая боль. Он смирился с утратой жены, а затем — и с утратой сына. И странные сны, где мальчик был жив и звал его, больше не снились ему. По утрам он не просыпался в слезах и почти забыл о том, что когда-то был отцом.

Однако под старость, прожив долгую жизнь, Ираклий снова стал видеть странные сны. На этот раз его сын был уже вполне взрослым, самостоятельным человеком. Но он по-прежнему звал своего отца!

И Ираклий Константинович, вопреки мнению всех окружающих, считающих мальчика мертвым, снова начал поиски своего сына.

Но на этот раз сын опередил отца. У Николая сохранились кое-какие обрывочные воспоминания детства. И благодаря им, став взрослым, он сумел найти детектива, который и помог ему узнать имя отца. Навестив отца и посмотрев на него издали, Николай убедился: все совпадало. Николай не сомневался, что уже видел когда-то этого большого седобородого человека. Только тогда борода у него была не седой, а черной. Да и в волосах его не виднелось столько серебра.

Однако просто так войти к нему в дом и объявить себя его сыном Николай не решился. Он стал его секретарем. Юридическое образование позволило Николаю занять эту должность без всякого труда. Пока что ему было достаточно просто быть рядом с обожаемым отцом. Наслаждаться каждой минутой их общения.

Ираклий тоже почувствовал странную симпатию к своему новому секретарю. Никогда прежде он не сходил так тесно с посторонними людьми. Ираклий вообще не слишком склонен к общению. Даже со своими родственниками он встречался лишь от случая к случаю, когда в том возникала необходимость.

А вот с новым секретарем все было иначе. Его присутствие нисколько не тяготило старика. Он охотно выслушивал его советы. И часто находил их если не разумными, то, во всяком случае, очень и очень похожими на те, какие он бы сам дал, будь он помоложе лет на тридцать. Сам про себя он мог сказать, что впервые за тридцать лет был почти счастлив.

Однако Николай, оставаясь инкогнито в доме своего отца, начал замечать кое-какие насторожившие его детали. Во-первых, в доме имелся повар Виктор, явно стучавший кому-то на отца. Николаю не составило большого труда узнать, кто является вторым и главным хозяином Виктора. Этим человеком оказался Лари — родной дядя Николая, присматривающийся к богатству своего брата и для этого заслывший своего человека в его дом.

Затем появилось еще одно действующее лицо — поваренок. Этот следил за всеми, а в промежутках шнырял по дому, уделяя повышенное внимание кабинету Ираклия Константиновича, где находился сейф. Поваренок Паша оказался агентом сестры хозяина — Беллы.

И, кроме того, Ираклий Константинович поделился со своим секретарем главной тайной. Он ищет сына. Нанял детективов. Но один из них был убит, а все документы с разработкой пропали. К этому преступлению, как не без труда, но все же установил Николай, приложили руку племянники дяди Ираклия — его двоюродные братья, не желающие появления в доме такого серьезного конкурента и претендента на деньги дяди Ираклия.

Единственные из всей родни Ираклия Константиновича, кто не был замечен Николаем в кознях против его отца, оказались сестры, дочери Беллы — Сусанна и Арина. Да и то лишь потому, что обе девицы слишком тупы. И все отпущенные им природой небогатые умственные способности уходили на мысли о предполагаемых женихах и на сожаление об их отсутствии. Ни о чем другом эти великовозрастные девицы думать просто не могли...

— Но все это были цветочки, — продолжил следователь. — Ягодки ждали нашего Николая впереди.

В окружении своего отца он теперь подозревал решительно всех. Но если с кровными родственниками ему было все более или менее понятно, то насчет Ирочки — новой жены дяди Лари, он не знал ровным счетом ничего. На первый взгляд она казалась сущим ангелочком. Особенно на фоне остальных монстров. И именно это обстоятельство всерьез встревожило Николая.

По роду своей деятельности он прекрасно знал, как редко внешность соответствует содержимому. Очень редко преступник имеет отталкивающую внешность, уродливый горб, хромую ногу или что-то в этом роде. Гораздо чаще преступником является тот, кого можно меньше всего заподозрить. Николай не стал делать поспешных выводов, но навел справки об Ирочке.

То, что он о ней узнал, повергло его в большую тревогу. Теперь он понимал, что его отцу грозит реальная опасность. Впрочем, враг привык действовать осторожно. И постарается, чтобы подозрения пали на кого угодно, но только не на него. Значит, непосредственная опасность могла грозить Ираклию Константиновичу лишь под Новый год, когда вся семья соберется вместе, за одним столом. И вокруг будет достаточно людей, на кого можно будет спихнуть вину.

Когда Ирочка в тот вечер переступила порог дома Ираклия Константиновича, Николай следил за ней в оба глаза. И лишь благодаря своей особой, пристальной внимательности он успел заметить, как девушка дотронулась до тарелки Ираклия Константиновича, слегка поелозила пальцами по дну, а потом коснулась вилки и ножа.

Этого было достаточно, чтобы Николай из позиции наблюдателя перешел к активным действиям. Главное для него было — спасти жизнь своего отца. Изолировать его от членов семьи и от убийцы. К счастью, у него имелось достаточно знакомых в различных сферах деятельности. Так что инсценировать кончину Ираклия Константиновича ему удалось прекрасно.

Предупрежденный о преступных замыслах родни, Ираклий Константинович изобразил приступ. Быстро «умер». И позволил увезти себя в машине «Скорой помощи», на которой под видом врача прибыл нанятый Николаем человек.

— Как? Это был не врач? Но он выглядел как настоящий профессионал!

— Он и есть профессионал. Профессиональный актер, подрабатывающий на подобного рода розыгрышах. Правда, в отличие от нашего случая обычно эти розыгрыши не имеют столь драматического характера.

Второй частью истории был визит нотариуса, а затем и следователя. Но для этого Николаю пришлось открыться своему отцу. И просить помощи у официальных структур. Помощь он получил незамедлительно.

А Ираклий Константинович, выслушав рассказ своего секретаря, сразу ему поверил.

— Я ведь узнал тебя еще раньше, сынок! — произнес он, заключая Николая в свои объятия. — Сердцем узнал!

Дальше следствию требовалось спровоцировать убийцу еще на одно преступление, чтобы поймать ее, так сказать, с поличным. Сделать это оказалось проще простого. Ведь в убийстве Ираклия Константиновича прилюдно был обвинен Николай. Это тоже было частью их совместного со следователем плана.

После трех убийств, которые благополучно сошли ей с рук, преступница расслабилась. И, подобно многим в ее положении, уверовала в собственную неприкосновенность. И, даже не соблюдая особых предосторожностей, отправилась в гости к своей следующей жертве.

— Так она приехала, чтобы убить меня?! — ахнула Белла. — Боже мой! Как?

— Отравить. Пока вы поправляли канделябр, который она якобы уронила, преступница успела обмазать края вашей чашки ядом. Если бы вы хотя бы пригубили напиток, то вскоре оказались бы мертвы.

Белла молчала. Сказать ей было нечего.

— Поделом мне! — воскликнула она внезапно. — Поделом! Ираклий, прости меня! Я строила планы, как отнять у тебя твои деньги. А за это господь едва не отнял у меня жизнь! Как я виновата! Где только были мои мозги?!

Но Ираклий Константинович сегодня не был склонен карать. Он обрел сына. Сбылась самая сокровенная, самая дорогая и самая несбыточная его мечта! Мертвый воскрес, чтобы, в свою очередь, спасти старика отца. И в этот вечер он хотел, чтобы все вокруг него тоже были счастливы.

— Прощаю! — великодушно произнес он. — И я дам твоим девчонкам приданое. Пусть выходят, за кого хотят. Хоть за нищего, хоть за дурака. Лишь бы были счастливы.

Повернувшись к племянникам, Ираклий Константинович слегка помрачнел.

— Полагаю, что вам, дорогие мои, придется ответить за смерть детектива, — произнес он. — Но обещаю, что у вас будут лучшие адвокаты и лучшие камеры, какие только отыщутся в колонии.

И, не обращая внимания на перекосившиеся физиономии племянников, он повернулся к Лари.

— А ты, я полагаю, уже достаточно наказан и без меня. С этого дня я отказываю тебе в своем покровительстве. Ты уже не маленький. Живи как знаешь. Дам лишь один совет напоследок. Возвращайся к своей прежней жене, если она тебя еще примет. И в любом случае радуйся, что остался жив. Ведь следующим в списке жертв твоей Ирочки должен был быть ты сам!

Лари повернулся и медленно, обреченно побрел к выходу. Для него тут все было кончено. Он достаточно хорошо знал своего брата, чтобы понять: никогда в жизни Иракий не простит предательства. И того, что он привел в семью убийцу.

А Иракий Константинович обнял вновь обретенного сына.

— Сынок! Как я горжусь тобой! — воскликнул он. — Если бы ты только знал!

— Ну что ты, папа! Я сделал только то, что должен был сделать. Ты подарил мне жизнь, а я сохранил тебе твою. И это не такая уж великая жертва. Случались у меня дела и посложней.

— Что?

— Разве ты не знаешь? Я тоже следователь. Сразу после армии я пришел на работу в милицию. И с тех пор работаю в отделе убийств. Так что, спасая тебя, я всего лишь выполнял свою работу. Увидев, что тебе грозит опасность, я привел в твой дом двух своих человек. С их помощью я и понял, кто из наших родственников на что способен.

Иракий просиял.

— Сынок! — воскликнул он. — У меня просто нет слов! Ты поступил точно так же, как поступил бы на твоем месте я сам.

Николай тоже засиял. И теперь всем, кто был в комнате, стало совершенно ясно, что перед ними — отец и сын. Может быть, в другое время они и не были бы столь похожи. Но когда они были счастливы, их сходство прямо-таки бросалось в глаза каждому.

Так и закончилась эта история, случившаяся под самый Новый год. Несчастный одинокий старик обрел долгожданного сына. Сбылась самая заветная его мечта! Та самая, которая шла рядом с ним долгих тридцать лет. А теперь, исполнившаяся и отпущенная на свободу, она улетела высоко к звездам, сквозь падающий на землю мягкий пушистый снег.

Елена Михалкова

Убийственная библиотека

Елок было много, очень много. Так много, что можно было потеряться среди фотографий, на которых зеленели одинаковые равнобедренные елочки, все как одна присыпанные снежком.

Сами фотографии Маша уже успела рассмотреть и теперь изучала странные рамки – до нелепости огромные, сколоченные, похоже, из того, что попало под руку – обрезков досок, табуретных ножек, непонятных кривых палок... «Можно спрятаться за такой рамкой, – подумала Маша, – и никто тебя не найдет».

– Как вам эта экспозиция? – раздался звучный, хорошо поставленный голос Коринны Андреевны, и сама она обозначилась в дверях с подносом в одной руке и чайником в другой. – Мы с Ниночкой решили перед праздником украсить нашу библиотеку работами Рогожина. Все-таки он один из лучших наших фотографов, хотя некоторые упрекают его в однообразии, – доверительно добавила она, косясь на ближнюю фотографию. – Но я полагаю, что это намного выразительнее, чем живое банальное дерево, увешанное игрушками, не так ли?

Маша любила банальные деревья, обвешанные игрушками, но возражать не стала. Она сидела на диванчике рядом с милой рыжеволосой женщиной и толстяком, похожим на постаревшего Карлсона без моторчика, и ожидала, когда же появятся остальные писатели – маститые.

– Если вы обратили внимание, господа детские писатели, – продолжала заведующая, – рамки фотограф делал лично, не доверяя это занятие никому. И каждая фотография сопровождается стихотворением, которое Рогожин тоже придумал сам. Очень советую вам их оценить. В самом низу, под рамкой.

Все дружно рванулись читать стихи. Две минуты в библиотеке царило молчание, после чего рыжеволосая женщина хмыкнула и сказала:

– Да... лучше бы он только фотографировал...

– А мне нравится, – пожал плечами Карлсон. – Вот, послушайте: «Колокола вы мои, колокола! Ваша муха... то есть, виноват, мука... ваша мука меня позвала! И стою я под сенью осин – я, поэт твой, моя Россия».

– Рифмы оригинальные, – признала Маша, возвращаясь на диванчик.

– А вот еще! – не унимался Карлсон. – «О, Родина! Ты вся во льду! И я в бреду к тебе иду! И блики русские сияют и прямо в сердце проникают!»

Вот тут бы Маше и догадаться, чем все это обернется. Но в библиотеку, где проходило в этот вечер собрание детских писателей, она приехала наивным, неиспорченным человеком. «Ты поезжай, потусуйся, – посоветовал ей знакомый поэт, снисходительно относившийся к Машиным попыткам сочинять что-то такое милое и незамысловатое для детей. – Там интересные люди бывают. Творческие».

Пропустить интересных творческих людей Маша не могла. В ее окружении творческие люди исчерпывались Леней Прокловым, рисовавшим в юности стенгазету для родной школы. Теперь Леня трудился системным администратором в их фирме и периодически пугал Машу, угрожая вызвать неизвестного ей бога Ктулху и набить ему бубен. Ктулху Маша не представляла, но догадывалась, что против существа с таким именем щуплому Ленечке не сдюжить. А против бубна – и подавно.

И тут обнаружилось, что, оказывается, талантливые детские писатели раз в три месяца собираются в старой библиотеке имени Королева, и не просто собираются, а читают свои произведения вслух, обсуждают творчество друг друга и в завершение пьют чай с пирогами, испеченными домовитой Ниночкой, помощницей Коринны Андреевны. В жизни бы Маше с ее тремя публикациями в журнале «Домовенок» не попасть на этот шабаш, но благоволивший к ней детский поэт посодействовал: позвонил заведующей и попросил принять Марию Орешникову в круг избранных. И вот уже тридцать минут Маша сидела и с замиранием сердца ожидала, когда же начнутся чтения.

Гости начали подтягиваться. Они шумно выражали восхищение фотографиями и рамками, сбрасывали куртки и пуховики, здоровались и обнимались.

– Марычева не пришла, – с досадой заметила рыжеволосая женщина.

– А что, собиралась? – удивилась Маша. Марычева была известной детской поэтессой, талантливой и популярной.

– Да, Марина обещала быть, но не смогла, – раздался низкий голос у Маши над ухом, и она чуть не вздрогнула. Коринна Андреевна, при всей ее дородности, возникала то тут, то там с бесшумностью

Чеширского кота, словно материализуясь из воздуха. Первым появлялся поднос, который она неизвестно зачем таскала с собой, а за ним – вся Коринна целиком, в длинном зеленом балахоне, поверх которого болтались крупные янтарные бусы, похожие на желтые сливы.

– Наша Коринна Андреевна – просто вездесущий человек, – заметила рыжеволосая, когда заведующая отошла, и Маше показалось, что в ее голосе проскользнуло предупреждение.

– Меня Маша зовут, – улыбнувшись, сказала она. Женщина ей нравилась.

– А меня – Полина, – улыбнулась та в ответ, – Полина Лебедева. Я здесь, собственно говоря, случайно: знакомые посоветовали приобщиться к литературе. Высокой, – она чуть усмехнулась. – Я приходила несколько раз, и мне очень понравилось: здесь и вправду собираются талантливые люди. Да вы сами все увидите и услышите. Иногда даже Андрей Усачев заходит, стихи читает. А вы что пишете – сказки?

– Стихи, – сразу смутившись, призналась Маша, как будто писать детские стихи было занятием компрометирующим. – Но это между работой. А вообще-то я занимаюсь вполне пристойным делом – договоры составляю. И проверяю.

– А, так вы юрист! – догадалась Полина. – А я – бухгалтер. Ну вот мы с вами и разбавим эту насыщенную творческую массу. Вы кого-нибудь знаете? Нет? Тогда смотрите...

Маша смотрела во все глаза. Полина Лебедева оказалась хорошим гидом, знала почти всех собравшихся в зале и характеризовала их коротко, но емко.

– А вот этот большой и волосатый в середине зала, к которому все подходят, – это Мастодронт, – негромко говорила она. – Зовут его Антуан Валерьянович Рокотов.

– Почему такое имя? – спросила Маша, разглядывая Мастодронта. Он был пожилой, толстый, с выпяченным вперед животом. Рокотов держался очень прямо, и из-за этого казалось, что свой живот он подносит каждому как подарок. Курчавые черные волосы, волнистая борода – Мастодронт был похож вовсе не на доисторическое животное, а на важного гнома-переростка.

– Потому что у него отец – француз, – объяснила Полина. – Рокотов этим гордится и терпеть не может, когда его зовут Антоном. Он очень талантливый поэт, и детские стихи у него просто чудесные.

– О, Антон Валерьевич! – раздалось восклицание, и Полина с Машей переглянулись.

К Мастодронту, раскрыв объятия, шел высокий вальяжный мужчина в очках и с бородкой. Они обнялись, похлопали друг друга по спинам и затеяли шумный разговор.

– Этого я не знаю, – пожал плечами Лебедева. – Первый раз его здесь вижу.

В дверях соседней комнаты появилась пожилая девушка лет сорока, с бледным возвышенным лицом.

– Уважаемые друзья! – звонко начала она, и Маше почудилось, что вдалеке протрубили горны. – Уважаемые друзья, давайте начнем наши чтения! Прошу всех садиться.

– Ниночка, – коротко пояснила Полина. – Она хорошая, очень старательная. Ее все любят, потому что перед писателями она благоговеет. Пирогим печет. Плюшки... – она мечтательно вздохнула.

В середине зала возник стол, около него кресло, рядом поставили камеру. Коринна Андреевна вышла к столу, на этот раз без подноса, и, улыбнувшись всем присутствующим вместе и одновременно каждому в отдельности, произнесла:

– Дорогие мои, сегодня не совсем обычный вечер. У нас с вами в гостях петербургский прозаик, известный всем – Матвей Распутинский. Прошу вас, Матвей.

Детские писатели разразились аплодисментами. К столу неторопливо вышел тот самый вальяжный, который обнимался с Рокотовым. Он положил на стол стопку увесистых книг в ярких обложках, толстую рукопись и уселся в кресло. «Наверное, очень опытный детский писатель, – решила Маша. – Сейчас его критиковать будут, а он ни капли не волнуется».

Заведующая поздравляла всех с наступающим Новым годом, а Маша рассматривала вальяжного. Напротив нее косила серым глазом на писателя рослая девушка в облегающей майке, по которой бежал длиннозубый зверек из популярного голливудского мультфильма, похожий на мутировавшую крысу.

– Но давайте вернемся к нашим чтениям, – предложила заведующая. – Перед Новым годом мы решили устроить особенный вечер, отличный от остальных. И сегодня Матвей Сергеевич выступит с не совсем... детским.

– Совсем не детским, – поправил кто-то сбоку. Вальяжный писатель слегка кивнул.

Маша насторожилась. «Позвольте, позвольте... Что значит – не совсем детским? А каким же?» Впрочем, сообразив, что речь наверняка идет о критических статьях, она успокоилась. Ну что ж – еще лучше. Разберет сейчас творчество какого-нибудь Иванова, не оставит от бедолаги камня на камне. Писатели – они все такие. Особенно детские.

– Матвей Сергеевич, голубчик, давайте уж дальше вы сами, – улыбнулась заведующая и спряталась за камеру.

– Для начала, друзья, я хочу представить вам мою последнюю книгу, – поднялся писатель и помахал в воздухе книгой из стопки. Сощурившись, Маша разобрала название. «Под грудью Маты Хари». «Странное название для детской книжки, – удивилась она. – Может быть, что-то приключенческое?»

– Должен признать, что издание просто прекрасное, – с удовольствием сообщил писатель. – Бумага мелованная, обложка твердая, качественная, и содержание, не буду скромничать, соответствует оформлению. Всех желающих прошу подходить после чтений. А теперь – непосредственно к делу.

Писатель сел и обвел всех светлым взглядом.

– Мой роман называется («Роман? Вы что?! Какой роман?»)... впрочем, в названии я еще не уверен. Скажу одно, – Распутинский сделал вескую паузу, – он носит религиозно-сексуальный характер.

Маша перевела изумленный взгляд на Полину и увидела, что у той вытянулось лицо.

Писатель потянул с рукописи верхний лист, сотворил им в воздухе нечто вроде знамения и прочитал:

– Первый раз Иннокентий овладел женщиной в два года. Разумеется, счастье физического соития было ему покамест недоступно, а потому он предавался своей страсти, елозя по ноге избранницы. Няня смеялась, краснела, отталкивала Иннокентия, но порочный младенец не отступал. Либи́до его, уже вполне мужское, требовало удовлетворения.

Маша обомлела. Обвела взглядом окружающих, ожидая увидеть по меньшей мере удивление, но детские писатели были спокойны и дружелюбны. Юркий мужичок кивал взъерошенной головой на каждую фразу, полная дама в костюме с розами, из ткани, похожей на содранные в английской гостинице обои, благосклонно взирала на писателя. Легкие томные улыбки порхали по залу, словно бабочки.

– Кеша прищемил свое достоинство дверью в десять лет, – пугал писатель, перелистывая страницу, – и это оставило неизгладимый след в его душе. И не только в душе.

– Господи, – в ужасе шепотом произнесла Полина. – Что он читает?!

– Роман читает, – негромко ответил Карлсон, сидевший по правую руку от Маши. – Господин Чувычкин очень плодovitый автор, сейчас выдаст нам по полной программе.

– Какой Чувычкин? – не поняла Маша, стараясь не вслушиваться в текст Распутинского.

– Да вот этот, конечно, – удивился мужик, кивнув на чтеца. – Разумеется, он не Матвей Распутинский. Это Коля Чувычкин, я его уже лет десять знаю. Между прочим, значительной популярностью пользуется в Питере у читателей. Вернее, у читательниц. А вы на детские стихи приехали, да? – в голосе его зазвучало нескрываемое сочувствие. – Как же вас не предупредили?..

– И меня не предупредили! – прошипела Полина Лебедева, становясь похожей на разъяренную рыжую кошку. – Я тоже – на детские стихи!

Маша откинулась на спинку дивана и постаралась расслабиться и получить удовольствие.

А роман набирал обороты. Жизнь главного героя была насыщена. Сюрпризы подстерегали его повсюду: в детском саду, в школе, наконец, в институте. Маша внутренне корчилась, как грешник в аду на сковородке. Она не была ханжой, но и не понимала, как можно открыто и откровенно выставлять на всеобщее обозрение столь интимные вещи, да еще делать это так бездарно. Ее разрывали на части два желания: либо заткнуть уши себе, либо заткнуть рот писателю, но и то, и другое было неосуществимо.

– Он прижал ее враскорячку над унитазом, впиваясь зубами в родинку на ее ягодице, по форме напоминающую клевер! – повысил голос Распутинский. – Унитаз был третьим в их сладострастной оргии, и – боже – как же был счастлив от этого Иннокентий! Эта белизна, эта непорочность!

– Вика, он же муда́к! – шепотом восхитилась сидящая наискосок дама. Маша взглянула на нее с уважением.

– Ну почему сразу – муда́к? – обиженно отозвалась Вика. У нее были длинные молочные ногти. На каждом ногте блестела зеленая акриловая змейка, и все змейки таращились на писателя. – Может, завел человек молодую любовницу, вот и прет его. А что тебе не нравится? По-моему, очень познавательно. Мне только непонятно, как это: ягоди́ца – и похожа по форме на клевер?

– Да не ягоди́ца, а родинка, – снисходительно пояснила дама. – Бывает. Хорошо, что не на ромашку.

В это время писатель перешел к отрывку, в котором главный герой предавался страсти с банщицей, причем местом действия был выбран сугроб.

«Ее мраморные ляжки отняли у Иннокентия дар речи, – монотонно вещал Матвей Распутинский. – Он упал в снег лицом и надолго застыл там, не в силах вымолвить ни слова».

«Господи, тебя бы кто уронил в снег лицом, – тоскливо подумала Маша. – И желательно с тем же результатом. Елки-палки, лучше бы искать сейчас подарки моим, чем слушать эту... это...»

Следующие десять минут она осматривала зал. Курчавый Рокотов слушал внимательно, и лицо у него было красное – наверное, от духоты, решила Маша. Дамы слушали с улыбкой. Девушка в майке с крысой ерзала на месте и не сводила с писателя глаз. «Василий крепкой рукой схватил Иннокентия, отчего тот

пискнул и привел остальных в неистовство». Маше тоже захотелось прийти в неистовство, но неудержимая дрема давила на веки, откидывала ее голову к спинке дивана. «Степан обнажил чресла, и все ахнули. Даже попугай в углу замолчал, пораженный до глубины своего незамысловатого птичьего сердца». Перед Машей мелькали Степан с обнаженными чреслами, попугай, расписанный под хохлому... Неподалеку расхаживал по палубе капитан Сильвер, и костыль его выглядел совершенно непристойно. Кучка матросов на юте изучала книжку Корнея Чуковского «Мойдодыр», время от времени заливаясь дружным гоготом. «Вот я вас, развратники!» – рявкнул капитан Сильвер с интонациями батюшки, гонящего чертей. Она дернулась и открыла глаза.

– Перерыв! – громко объявила Коринна Андреевна, теребя бусы-сливы.

Распутинский уже вставал с места, обмахиваясь листом рукописи.

– Вот сюда, Матвей Сергеевич, вот сюда, – засуетилась Ниночка, вынырнув из-за угла. – В кабинет Коринны Андреевны. Там уже и чайничек...

– Мне бы лучше йоду, Ниночка, – ласково попросил Распутинский, показывая содранный на пальце заусенец.

«Лучше бы тебе яду», – мстительно подумала Маша, спрятавшаяся за вешалкой с одеждой. Ей безумно хотелось сбежать, но было неловко. «Вот, скажут, пришла, насладилась эротическим романом и ушла. Может быть, кто-то еще будет читать кроме этого... плодovitого».

В кабинет мимо нее проскочила маленькая шоколадная брюнеточка в таких облегающих джинсах, что, казалось, она вот-вот выстрелит из них, как из пушки. «Еще одна детская писательница? – мелькнуло в голове у окончательно очумевшей Маши. – Какие они, однако, разнообразные».

– Приехал, Коленька, – ласково сказала из-за двери брюнеточка.

Распутинский что-то ответил, но Маша не расслышала.

– А я вот постаралась, ради тебя пришла.

Подслушивать было неловко, и Маша вылезла из своего укрытия. Писатели столпились в соседней комнате около стола с плюшками и пирогами. Неторопливо прошла та же брюнеточка, в кабинет к Распутинскому начали входить и выходить люди, и Маша бочком протиснулась в коридор, высккивая Полину. Но той не было. Сосредоточенно жуя, прошел Карлсон и тоже завернул в кабинет, где сидел Распутинский.

«Слетелись, как мухи... на некую субстанцию», – злобно подумала Маша, ходя по коридору туда-сюда и рассматривая клонированные елки в обрамлении табуретных ножек.

– Милая моя! – поймала ее за рукав заведующая, опять материализовавшаяся непонятно откуда. – Очень вас прошу: отнесите нашему... уважаемому... пусть покушает. Столько людей сегодня!..

Она всучила Маше поднос с пирожками и исчезла.

– Твой-ю мать! – выругалась Маша в сердцах. – Чтоб я! Еще раз! К детским! Писателям!

Она схватила пирожок и откусила, направляясь к кабинету. «Откушайте, барин», – мелькнула у нее в голове подходящая случаю реплика. «А еще лучше: извольте угоститься!»

Она толкнула дверь плечом, протиснулась с широким и неудобным подносом внутрь, и слова застряли у нее в горле вместе с непроглоченным куском пирожка.

В кабинете никого не было. Почти никого. Плодовитый писатель Коля Чувычкин, известный как Матвей Распутинский, лежал головой на столе, устало прикрыв глаза. С виска стекала темная струйка, исчезая где-то за ухом. Рядом с его носом валялся пузырек, и по кожаной поверхности солидного библиотечарского стола растекалась темно-коричневая лужа. Сильно пахло йодом.

Кусок пирожка наконец проглотился, а вместе с ним появились и слова. Попятившись, Маша выскочила из кабинета, не выпуская из рук поднос, и жалобно пискнула первому встречному:

– Вы ведь писатель? Детский? Вызовите, пожалуйста, милицию – там человека убили.

* * *

Фамилия следователя была Корольков, но никто и никогда не называл его иначе, чем Кроль. За глаза, конечно, потому что официально он был Сергей Сергеевич. Корольков был пухлый, добродушный, с немного размытыми от излишней полноты чертами лица. У него была привычка робко взглядывать на собеседника, так что казалось, будто он вот-вот дернет ушами и отпрыгнет в кусты – и поминай как звали! Девять человек из десяти после этого фокуса переводили глаза на уши Королькова, но уши у него были самые обычные – в меру большие, в верхней части прижатые к черепу.

– Чем стукнули душу? – расстроено спросил Корольков эксперта.

Он был уверен, что по традиции перед Новым годом свалится какая-нибудь гадость. В общем, так оно и получилось.

– Фиг его знает, – пожал плечами эксперт. – А точнее пока не скажу.

– Ладно, давай без шуток, – попросил Корольков. – У меня там дюжина человек, всех опрашивать...

– Острым предметом, ясное дело, – смилостивился тот. – А точнее, заостренным. Видимо, тяжелым, потому что проломили кость – слегка, но товарищу хватило. Хорошо, что заведующая не пустила никого в кабинет, после того как нашли тело, а то не видать бы тебе никаких улик.

– Как будто сейчас их много, – проворчал следователь и отложил протокол.

– Олег Георгиевич, я с писателями побеседую, – кивнул он немолодому оперативнику. – А вы с Игнатовым орудие убийства поищите, ладушки?

Дело, в общем, было простым, но мутным. Собрались себе писатели, один из них читал вслух свою рукопись. Сделали перерыв, и в этот перерыв кто-то зашел в кабинет, стукнул покойного Чувычкина заостренным предметом и смешался с ликующей толпой. То есть с остальными писателями.

Только Сергей Сергеевич собрался попросить, чтобы ему выделили отдельное помещение, как выяснилась любопытная подробность. Оказывается, весь процесс чтения снимали на камеру.

– Это интересно, интересно, – пробормотал Корольков, устраиваясь перед стареньким видеомонитором, стоявшим в кабинете заведующей. – Давайте послушаем, может, покойный кто-нибудь обличал перед смертью.

На второй минуте просмотра молоденький оперативник Вася Игнатов хрюкнул, сложился пополам и выскочил из кабинета. На пятой Корольков решил, что иногда убийство бывает вполне оправданным, даже если не является самозащитой. На десятой подумал, что он лично прикончил бы автора, если бы присутствовал при чтении.

Через двадцать минут Кроль выключил кассету и выразительно посмотрел на оперативников, стоящих у него за спиной.

– Агата Кристи, – сообщил он. – Какой-то там экспресс, не помню точно, какой.

– А чего в экспрессе? – поинтересовался Вася Игнатов.

– Там все собрались и замочили одного, – просветил его Олег Георгиевич. – И, в общем, за дело. А их никто не мог поймать, потому что они были типа друг с другом незнакомы. Все смотрели в разные стороны, мотива ни у кого по отдельности нет. А у всех вместе – есть.

– Вроде как и эти тоже замочили? – Игнатов кивнул в сторону зала, где толпились писатели. – Не, они хором не могут. Они же для детей пишут!

– Да что ты, Вася, – покачал головой следователь. – Те, кто для детей пишут, они и есть самые садисты.

– Точно, – поддакнул Георгич. – Нормальный человек этим заниматься не будет. Он лучше опером пойдет работать. Или постовым.

Игнатов недоверчиво посмотрел на обоих.

– Че, и этот был садист... как его там... Чуковский? Который про Муху-цокотуху написал?

– А ты помнишь, что он там сотворил с мухой-то? – недобро ухмыльнулся Георгич. – Муха криком кричит, надрывается, – процитировал он с выражением, – а злодей молчит, ухмыляется! Во как! Это я тебе еще про Мойдодыра не рассказываю.

– Тот вообще был порождение мрака, – согласился Корольков. – Помешан на чистоте. Вдруг из маминой из спальни... Ужас. А нам потом мамин труп собирать по кускам.

Игнатов хмыкнул, покачал головой и задумался. Кроль решил не выводить пацана из ступора и побеседовать с народом. Точнее, с лучшей его частью.

Час спустя примерная картина взаимоотношений покойного со свидетелями преступления была ему ясна. Четыре человека из собравшихся видели господина Чувычкина впервые, но каждый признался, что лелеял мысль окончить грешную жизнь писателя на протяжении часа во время чтений каким-нибудь особенно изощренным способом. Семеро его знали, но встречались с ним исключительно на сборах писателей, тусовках и тому подобных мероприятиях. Они представляли, чего можно ожидать от Распутинского, и были морально подготовлены к встрече. К ним стоило присоединить заведующую библиотекой и ее помощницу.

А еще трое очень заинтересовали Сергея Сергеевича Королькова.

Из сопоставления сбивчивых показаний выяснилось, что, скорее всего, последним видел Чувычкина в живых Антуан Рокотов, близкий приятель покойного.

– Я зашел, – потрясенно качая курчавой головой, рассказывал тот. – Мы поговорили о его рукописи... Я спросил, когда выйдет новая книга... Позволил себе задать вопрос о гонораре. Невозможно, просто

невозможно! Он был оживлен и совершенно ничем не опечален. Нет, я никого не заметил. То есть, конечно же, заметил – около кабинета стояло много людей. Вот Мармеладная Соня, например.

– Кто? – вскинул брови Корольков.

– Сонечка Феклистова, – пояснил Рокотов. – Больше всего в жизни любит спать и есть, поэтому ее и прозвали по Кэрроллу. Они с Колей встречались. Не очень долго – около года, кажется. Я, откровенно говоря, даже не знал, что она будет здесь. В общем-то, к писательскому кругу отношение она имеет, так сказать, опосредованное.

«Посмотрим-ка мы на даму с опосредованным отношением к писательскому кругу», – подумал Сергей Сергеевич. В крохотный кабинетик вошла, покачивая джинсовыми бедрами, миниатюрная брюнетка с сонным лицом.

– Я бы его кастрировала, – с порога сказала она. – Ненавижу писателей. Но убивать бы не стала. Так что вы зря меня подозреваете.

– А мы вас и не подозреваем, – открестился Корольков. – Просто опрашиваем всех свидетелей, по горячим следам. А за что бы вы его кастрировали?

– За импотенцию, – логично объяснила Мармеладная Соня. – Вы, конечно, знаете, что он был полным импотентом? Распутинский! Ха!

Следующие пять минут Корольков, втиснувшись в кресло, выслушивал интимнейшие подробности отношений убитого и Феклистовой. Ему хотелось сбежать точно так же, как и Маше два часа назад, но напор Сони Феклистовой остановить было невозможно.

– ...И сказал, что бросил меня, потому что я, видите ли, недостаточно темпераментна! – шипела Мармеладная Соня, сбросив всю свою мнимую сонливость. – Потому что я, представьте себе, много сплю! И это сказал обо мне человек, у которого не хватало до двадцати сантиметров...

– Стоп! – решительно приказал Корольков.

– Девятнадцати! – торжествующе выкрикнула Соня, голос которой набрал удивительную силу. – Нет, вы можете себе такое представить?!

Корольков не мог представить и не хотел. Ему вполне хватило прослушивания рукописи под названием «Иннокентий: детство, отрочество, юность». Выпроводив дикую бабенку, он рухнул в кресло и зажмурил глаза. «Надо их в резервации держать, что ли, – мелькнула у него в голове нехорошая мысль. – Писателей и близких к ним личностей. Наружу не выпускать ни при каких условиях».

– Кого тебе еще нужно? – просунулась в дверь голова Георгия. – Там девица рыжая сидит... ничего, хороша! А с ней шатенка.

– К черту девицу, – содрогнувшись, заявил Корольков. – Мне нужен этот... как его...

Он сверился со своими записями, вышел в зал, где кучковались писатели, и громко спросил:

– Кто из вас Эдуард Резцов?

Писатели притихли, потом от них отделился маленький толстый человечек с лысеющей рыжей шевелюрой.

– Я – Эдуард Резцов, – спокойно сказал он.

– Вы ведь издатель покойного, правильно? – уточнил следователь.

Тот кивнул.

– Тогда давайте побеседуем, если вы не возражаете, – предложил Корольков и скрылся за дверью.

– Он – издатель? – недоверчиво спросила Маша, когда Карлсон исчез за следователем. – Издатель Распутинского? Почему же он нам ничего не сказал? И к писателю не подошел?

– Вот сейчас и узнаем, – зловеще протянула Полина. – Выведут добра молодца в наручниках, и сразу все станет ясно.

Но добрый молодец вернулся сам, без наручников, и сел на свое место.

– Что же вы, Эдуард, утаили от нас, что вступили в такие специфические отношения с несчастным Распутинским, как отношения издателя и автора? – укоризненно сказала Маша.

– Не упоминайте при мне слов «отношения» и «вступили» в одном предложении, пожалуйста, – буркнул Резцов, покосившись на нее. – Я собирался его издавать, потому что Чувычкин пользовался успехом. Да, я хотел сделать на нем деньги! Мемуары Ермолова, знаете ли, не окупаются. Но Коля за два дня до заключения договора неожиданно передумал, и я знаю, кто этому посодействовал – Крамошин, – лицо Эдуарда брезгливо скривилось. – Вот уж кого стоило прикончить, а не нашего раскованного Коленьку. Третьего автора переманивает у меня!

– Так вы приехали, чтобы переубедить Распутинского? – уточнила Полина.

– Разумеется, я не для этой цели примчался из Питера, – раздраженно отозвался издатель. – Я был в Москве по своим делам, узнал о том, что Коля собирается читать новую рукопись, решил воспользоваться

случаем и попытаться уговорить его.

– Уговорили? – спросила Маша и, поймав вопросительный взгляд Резцова, объяснила: – Я видела, как вы входили в комнату.

– Не-а, – легко ответил издатель. – Распутинский вообще ни о чем не мог говорить, кроме своего романа. Требовал восхищения, признания достоинств стиля, жаждал внимания, как юная курсистка на балу. Я человек не злой: погладил его по шерсти и ушел.

Маша вздохнула, посмотрела на мрачную елку на фотографии и прикрыла глаза. «До ночи просидим, – подумала она, проклиная в душе Распутинского больше, чем его убийцу. – Как начнут нас всех опрашивать по очереди... Мама, наверное, дома волнуется».

Она достала из сумки сотовый телефон и уже собиралась позвонить, но тут обнаружила, что на часах – всего девять вечера. «Подожду пока, – решила она. – Позвоню через час».

Корольков сморщил нос и в самом деле стал похож на кролика. Если можно представить себе очень раздраженного кролика. Опрошены были все свидетели, но раскрыть убийство по горячим следам не получалось! Хотя, казалось бы, ничего сложного, ведь какой-то интерес в убийстве Распутинского мог быть только у нескольких человек.

Он просмотрел листки и задумался. Подозреваемым номер один был, на первый взгляд, басистый приятель покойного, после которого в комнату никто не заходил – кроме убийцы, конечно, если предположить, что это не Рокотов убийца. Самоуверен, вспыльчив и, на взгляд Королькова, легко мог ткнуть покойного чем-нибудь острым. Опять-таки, волновался, хотя мог нервничать и по вполне естественным причинам: как-никак насильственная смерть приятеля мало кого оставит равнодушным. Вот только видимых причин для такого поступка у Антуана Валерьяновича, как ни крути, не было. Даже лакомый мотив профессиональной конкуренции следователю пришлось отбросить после того, как ему объяснили: Рокотов пишет для детей, иногда, под настроение, – для взрослых, но всегда только стихи. Прозаик Распутинский не мог перейти ему дорогу.

Мармеладная Соня, она же Феклистова, могла составить конкуренцию Рокотову. Она с легкостью пришибла бы фальшивого донжуана Распутинского. «Импulsiveвная дамочка, – вспомнил Корольков Соню с внутренним содроганием. – У нее-то как раз мотив просматривается, причем самый убедительный из всех». Но в глубине души Сергею Сергеевичу не нравилась эта версия – от нее пахло театральностью.

Эдуард Викентьевич Резцов – вот фигура, далекая от театральности. Он не бросался громкими фразами, не обвинял Распутинского во всех смертных грехах, откровенно признался, какая неудача привела его на сегодняшнее сборище, хотя от детских писателей Резцов был далек, как коала от Северного полюса. Но следователю он не нравился, и Сергей Сергеевич сам не мог объяснить себе причину. Возможно, дело было в том, что интуитивно Корольков считал издателей акулами бизнеса и ожидал увидеть у них в пасти пять-шесть рядов острых зубов. То, что у Эдуарда Резцова их не было, заставляло относиться к нему настороженно.

Заведующая с ее трепетной помощницей, две молодые дамы, одна из которых пришла в клуб детских писателей впервые, редактор малоизвестного журнала для детей... И еще около десяти человек. Все они имели отличную возможность убить Распутинского, но не имели ни малейшего мотива для этого. «Рукопись! – мысленно восклицал Корольков, нарезая круги по кабинету. – Ей-богу, могли прикончить его из-за рукописи! А что? Какой-нибудь эстет оскорбился за российскую литературу, нравственное чувство его нехило пострадало во время прослушивания, вот он и выплеснул свою творческую неприязнь в бытовой форме».

Корольков вспомнил запись чтений и почувствовал глубокую симпатию к неизвестному эстету. Более того, он почувствовал позыв тоже немедленно выплеснуть неприязнь к Распутинскому, несмотря на то что данный автор был уже несколько часов как прочно мертв. «Стукнуть бы его, развратника, – злился Корольков, – чтобы больше не писал гадостей...»

В дверь постучали, и следователь пришел в себя. «Рукопись подействовала, – оправдываясь перед самим собой, подумал он. – Все-таки я – человек неподготовленный».

– Сергей Сергеевич, десять часов, – заглянувший в дверь Олег Георгиевич был мрачен, потому что орудие убийства за полтора часа так и не нашли. Если убийца прошел к стеллажам с книгами, то вполне мог спрятать его там, а это означает, что необходимо перерыть три больших зала.

– Давай отпустим свидетелей, – вздохнул Корольков и робко глянул на оперативника. Георгич на провокацию не поддался и на его уши смотреть не стал, потому что и так помнил: они большие и сверху прижаты к черепу. – Данные Игнатов переписал, досмотр провели, раскальваться никто не пожелал.

– Детские писатели – народ суровый, – сочувственно согласился оперативник. – Крепкий, закаленный в

боях с детьми...

– И нахальный, – дополнил Корольков характеристику среднего детского писателя. – В комнатах куча народу, а товарищ входит, стучит Развратинскому по голове и выходит как ни в чем не бывало.

– Распутинскому, – поправил его Георгич.

– Один фиг, – махнул рукой Корольков. – Ладно, отпущу страдалцев, пусть к Новому году готовятся.

Когда полноватый, с двумя симметричными залысинами на висках мужик вышел в зал, разговоры стихли. Маша уставилась на следователя, ожидая чего-нибудь нехорошего, но вместо этого Корольков устало сказал:

– Товарищи, все могут быть свободны. На сегодня, – прибавил он многозначительно.

– Неужели вы за полтора часа так и не поняли, кто это совершил? – с возмущением осведомилась рослая девушка в майке с крысой. – Известнейший писатель убит, а вам лишь бы домой поскорее вернуться!

«И мне, мне домой поскорее вернуться!» – мысленно вякнула Маша.

Она со страхом посмотрела на следователя, ожидая, что сейчас он в одну секунду передумает и запретит им расходиться. Но тот устремил на рослую девушку неожиданно беспомощный взгляд, и Маше на долю секунды показалось, что сейчас он удерет из комнаты в паническом страхе. Видимо, то же самое показалось и девушке, потому что она, сменив тон, успокоительно добавила:

– Нет, я понимаю, конечно, что вы работали... Я понимаю. Вы не обижайтесь, господин следователь, просто все мы очень переживаем за Матвея Сергеевича!

– Вот лично мы не переживаем, – бесцеречно сообщила на весь зал шоколадная брюнетка и встала с дивана. – Во-первых, переживать уже поздно, потому что он умер. Во-вторых, он был сволочь и импотент.

– Как вы смеете! – взвизгнула девица. – Как ваш язык повернулся!.. Он такое писал, а вы....

«Начинается», – с тоской понял Корольков.

– Вот именно, он такое писал, что лучше бы не писал вовсе, – вмешался юркий мужичок, в котором Маша неожиданно опознала хорошего сказочника, пару раз приходившего в гости к Хрюше и Степашке. – Мне теперь полгода будут фаллосы мерещиться во всех углах. Ваш Распутинский привил мне отвращение даже к киви, не говоря уже о бананах.

– Ну, бананы – вообще очень эротичный фрукт, – со знанием дела заметила Вика с акриловыми ногтями. – Это я вам как сценарист говорю.

– Да вы просто зашоренные ханжи! – обрушилась на них девица. – Вы не можете дойти до той степени свободы, раскованности, до которой дошел Матвей!

– И слава богу, что не можем, – решительно сказала Полина Лебедева, поднимаясь и подходя к вешалке, заросшей куртками и дубленками. – Мне, конечно, очень жаль, но я иду домой.

Все начали вставать со своих мест, не прислушиваясь к девице, по-прежнему что-то вещавшей о степени свободы. В наступившем шуме Маша уловила несколько реплик.

– Коринна Андреевна, что же дальше? – плаксиво спрашивала в углу Ниночка. – Нужно следующее собрание назначить...

– Да подожди ты, Нина, со своим собранием, – раздраженно отмахивалась заведующая. – Дай бог с этим разобраться.

– Коринна Андреевна, я вам очень сочувствую, – печально гудел Мастодронт – Рокотов. – Такое ужасное происшествие... в вашей старой библиотеке. Я понимаю, конечно, что это может быть смешно и некстати, но давайте я вам хотя бы новый стол подарю, что ли.

– Ах, Антуан Валерьянович, – растрогалась Коринна. – Все-таки галантный человек остается галантным в любой ситуации.

– Эх, не достанется «Детство Иннокентия» ни мне, ни Крамошину, – себе под нос пробормотал Эдуард Резцов, проходя мимо Маши.

«Ну почему же не достанется, – мысленно возразила Маша. – Если Распутинский уже заключил контракт на свою рукопись, то очень даже достанется».

И вдруг до нее дошло.

– Стоп! – громко сказала Маша, но в набирающем силу шуме на нее никто не обратил внимания. – Ну-ка все стойте!

Теперь ее услышали. Остановилась Полина Лебедева, прижимая к себе короткую светлую дубленку. Перестала вещать девица с крысой. Эдуард Резцов, Коринна Андреевна и дама по имени Вика смотрели на Машу с одинаково настороженным выражением на лицах. Все собравшиеся в комнате смолкли, обернувшись к ней и удивленно ожидая продолжения.

Маша не смотрела на них. Она смотрела на пухлого следователя, стоявшего около дверей соседней

комнаты с заинтересованным лицом. «И что же дальше, голубушка?» – казалось, было написано на нем.

– Стол! – громко сказала Маша через весь зал, обращаясь только к нему. – Отчего опрокинулся пузырек с йодом?

– Убитый задел его головой, когда упал, – не задумываясь ответил Корольков.

Маша кивнула головой и вздохнула. Затем перевела взгляд на Антуана Рокотова, придерживавшего под локоть Коринну.

– Зачем же вы?.. – извиняющимся тоном проговорила она. – Зачем же вы так... про стол?

Мастодонт качнул чернявой головой, словно собираясь пробежать через зал и боднуть Машу. Потом выпустил локоть заведующей и поднял руку к глазам.

– Вы-ы?! – ахнула Ниночка, взвываясь голосом на букве «ы» куда-то под высокий потолок библиотеки. – Не может быть!!! С чего вы взяли? – она направила длинный тонкий палец на Машу.

– Потому что Антуан Валерьянович только что предложил поменять в кабинете стол, – с сожалением сказала Маша. – Я это слышала своими ушами. Но никто не мог знать о том, что йод разлился по столу. Никто, кроме меня и Коринны Андреевны, которая опознавала труп... И убийцы. Ведь никто другой в кабинет не заходил.

– Коринна Андреевна, вы говорили кому-нибудь про йод? – живо спросил Корольков.

Та отрицательно покачала головой, и лицо у нее стало таким же желтым, как янтарные бусы на шее.

– Сволочь, – глухо проговорил Рокотов, проходя по залу и садясь на стул, на котором в начале вечера читал Распутинский. – Грязная развратная скотина. Неужели он думал, что я смогу пропустить эту подробность?!

– Какую подробность, Антуан Валерьянович? – осторожно спросила Маша.

– Р-р-родинку! – прогремел Мастодонт так, что вздрогнула девица с грызуном. – Ее родинку в форме листа клевера! Ах, я чувствовал, чувствовал, что не нужно было знакомить Настеньку с этим похотливым извращенцем! – простонал он. – Она молода, она ветрена, темпераментна, в конце концов! Конечно, она увлеклась! Но этот мерзвец! – Голос его прокатился по старому залу библиотеки как громовой шар. – Имел наглость сунуть мне свою бесстыдную книжонку с дарственной надписью! «Покорителю стихотворного Олимпа от покорителя женских сердец!» Разумеется, я его стукнул книжкой, – обыденно добавил он. – Каждый из вас, друзья, поступил бы так же.

* * *

Книга оказалась за одной из фотографий. Аккуратно лежала на табуретной ножке между стеной и оборотной стороной снимка. «Я почти угадала, – подумала Маша, глядя, как достают «Под грудью Маты Хари», угол которой был испачкан темным. – Мне хотелось самой спрятаться за этой дикой рамкой, а Рокотов придумал спрятать туда книгу».

– От души он его приложил, – покачал головой Корольков, рассматривая угол «Маты Хари». – Но это, конечно, чистая случайность – так ударить, чтобы убить острым углом книги. Помнишь историю, когда женщину нечаянно убили носом бумажного самолетика? А книга – это вам не самолетик, граждане.

– Висок проломить – много силы не надо, – пожал плечами Георгич. – А ревность, знаешь ли, добавляет этой... экспрессии.

– Смотри-ка, даже недолгое общение с писателями обогатило твой словарный запас, – невинно заметил Корольков. – Надеюсь, стихов писать не начнешь?

– Типун тебе на язык, – испугался Георгич. – Чтoб тебе ночью «Война и мир» приснилась! Меня и так Катя елe терпит, а если я еще стихи писать начну, точно выгонит.

– Значит, все-таки дело было в рукописи, – задумчиво сказала Полина Лебедева, когда они с Машей шли к метро под тихим неторопливым снегом. – Как же Распутинский так неосторожно проговорился про родинку?

– Творческий человек, – снисходительно заметила Маша. – Витал в эмпиреях, до дел земных не опускался.

– А мне кажется, как раз опускался. И специально вставил эту родинку, зная, что в зале будет сидеть муж его любовницы. Только недооценил степень ярости, в которую может впасть Рокотов.

– Может быть, и так, – согласилась Маша и остановилась.

Около витрины супермаркета зеленела елка в кадке – живая, аккуратная, с одной-единственной игрушкой на мохнатой ветке – веселым человечком в длинном разноцветном колпаке. Человечек показывал

Маше нос, и улыбка на его физиономии была ехидная.

– Ты на следующее чтение придешь? – спросила Полина.

– А кто там будет? – опасливо поинтересовалась Маша. – Опять какой-нибудь эротоман? Тогда спасибо, не надо. Я хочу писать для детей, а не участвовать в детективах. Не мой жанр.

Лебедева рассмеялась и покачала головой.

– Коринна обещала, что приведет Светлова. Ты знаешь Игоря Светлова?

– Мы приклеим шишке ножки, – сказала Маша, – мы приклеим шишке ушки.

– И покрасим желтой краской шишке спинку и живот! – подхватила Полина.

– Мы привяжем к ней немножко белых перьев из подушки.

– Нарисуем шишке глазки.

– И лошадка...

– Оживет! – хором закончили они, смеясь и шагая в ногу к станции, до которой оставалось совсем недалеко.

Снег падал на них по-прежнему неторопливо и важно. На елке возле дверей супермаркета покачивался разноцветный человечек в длинном колпаке, и теперь было видно, что улыбка на его лице не ехидная, а просто веселая. И что он подмигивает одним глазом.

Галина Романова

Второй подарок судьбы

Она ненавидела запах хвои. И не столько самой хвои, сколько запах свежеспиленного дерева. Ее мутило всякий раз и выворачивало, стоило зайти в лифт с кем-то, кто держал в руках новогоднюю ель. Приходилось отворачиваться и закрывать варежкой нос, чтобы пряный сочный запах мохнатой хвои и сочащегося смолой древесного спила не будоражил воспоминания.

Когда же она перестала любить самый дорогой свой праздник? Тогда, когда за праздничным столом она осталась в полном одиночестве и выла под бой курантов, комкая край нарядной скатерти? Или как раз в тот неожиданный момент, когда ударил ей в нос этот самый запах свежеспиленного дерева, пришло отвращение? Точно и не скажешь. Все смешалось, наслоилось друг на друга, и отделить теперь одно ощущение от другого вряд ли возможно. Да и не хочется, если честно, опять больно очень будет.

Раньше, когда живы были папа, мама и ее любимый муж Ванечка, она обожала Новый год. Они начинали готовиться к празднику за месяц. Да что там за месяц! Сразу после ноябрьских праздников и начинали готовиться. Составлялось праздничное меню, над обсуждением которого все домашние ломали голову, дополняя, вычеркивая, советуя. Потом потихоньку покупались продукты. Сначала жестяными банками обрастали кухонные полки, потом – вакуумными упаковками, а чем ближе к самому празднику, то уже и мясо приобреталось, непременно гусь, а однажды даже был куплен молочный поросенок. И еще, конечно, мандарины. Покупали их они ведрами, и никогда не бывало много. Забивали ими все до единой вазы для фруктов. Громадный стеклянный куб в гостиной, служивший столом для газет, переворачивался на попа и набивался мандаринами под завязку. И пахло в доме так чудесно, так празднично: мандаринами, пирогами, жареным по исключительным специальным рецептам мясом, зеленым луком и свежими огурцами. И хвоей, конечно же, тоже пахло, и нравилось это тогда, очень нравилось.

Они с Ванечкой вместе наряжали мохнатую красавицу, оспаривая друг у друга место для каждой сосульки, каждого шарика и мишуры. И она тогда подолгу держала в руках каждую еловую лапу, втягивая в себя запах незыблемого праздничного удовольствия, оно же ведь именно так пахло-то. А потом...

Потом был краткий репортаж в новостях с бегом струившимися по экрану фамилиями погибших в авиакатастрофе. Потом буквы бежать по экрану перестали, сменившись тремя телефонными номерами, по которым необходимо было позвонить родственникам погибших для каких-то там нелепых уточнений. Что можно было уточнить, если погибли все! Все до единого, включая экипаж!!!

И все! На этом все и закончилось. Закончилось ее счастье, безмятежное ожидание дня грядущего, закончилось ожидание самого любимого из самых милых праздников. Она больше не наряжала елку, не закупала продукты, не составляла меню и почти ничего не готовила к праздничному столу. Зачем?! Для кого?! Друзья и родственники усиленно зазывали ее ежегодно в канун тридцатого декабря. Пытались растормошить, взбудоражить, заставить очнуться, она отказывалась.

– Я привыкла Новый год встречать дома.

Она нисколько не лукавила, отвечая на приглашение отказом. Это было так. Каждый раз, из года в год – только дома. Только в родных стенах, с родными людьми. Она привыкла...

От прежних привычек мало что осталось. Только вот мандарины она по-прежнему покупала. Не так много, как раньше, но покупала, по той же самой привычке переворачивая стеклянный куб.

– Здравствуйте, Настя.

Из двери соседней квартиры вышел небритый, никогда не улыбающийся мужик, сунул в карман зимней куртки с меховым капюшоном пачку сигарет, похлопал себя по карманам, словно искал что-то, но вдруг опомнился, повернулся к ней и буркнул:

– С наступающим вас праздником.

– Здравствуйте. Спасибо. Вас также, – ответила она тихо, совсем не помня, как зовут нового жильца.

Знала, что они переехали с полгода назад, может, чуть больше. Знала еще, что скандалили с женой постоянно. Слышимость в их доме была исключительная, стена их спальни соседствовала со стеной спальни Насти. Хочешь не хочешь, а узнаешь, как ненавидит она похотливого козла, а он видеть не может безмозглую стерву.

Еще у них был сын, подросток. Машина, кажется, какая-то имелась, потому что сосед постоянно крутил на пальце ключи. А вот как зовут его...

Нет, она не знала или не помнила, черт его знает. Жену вроде бы Леной звали. Он часто называл ее по

имени. Сына – точно знала, что Тимур. А вот самого хозяина ей не представили. Неудобно как-то получалось. Он ее всегда – Настя, Настя, а она...

– Послушайте, извините меня, пожалуйста. Вы не скажете, как вас зовут? Как-то неудобно, вы мое имя знаете, а я ваше – нет... Может, вы и представлялись когда-то, а я забыла. Извините.

Панкратов уже успел опустить ногу на одну ступеньку, решив, что не поедет сегодня лифтом, а пойдет пешком. Ему требовалось немного привести себя в чувство после очередных откровений любезной сердцу супруги, начитанных ему полчаса назад по телефону. Досчитать до сотни или до тысячи, к примеру, лишь бы перестать сжимать кулаки в карманах и перестать ненавидеть мать своего сына так люто, так остро, что все чаще хотелось ее удавить.

Девушка из соседней квартиры совершенно неожиданно окликнула его. Обычно рот ее едва размыкался для скупого приветствия. И смотреть-то на него она почти не смотрела, а все больше – мимо. А тут вдруг имя его ей понадобилось. Позабыла, говорит! А он и не представлялся ей никогда. А ее имя он узнал из сводок. Просто как-то с перепугу или от безделья сделал запрос на свою соседку и получил скупую казенную информацию, от которой у него моментально взмокла спина. Он тут же и неприязненную отчужденность ей сумел простить, и то, что однажды она захлопнула дверь у него перед носом, отказав в кружке сахара.

Настя похоронила всю свою семью! Вернее, то, что осталось фрагментарно от ее родных, то, что смогли собрать, что уцелело в той жуткой катастрофе. Мать, отца, мужа, с которым не успела дожить до трехлетнего юбилея их свадьбы. Она осталась совершенно одна. Ни с кем из соседей, как он потом узнал из бестолковой болтовни своей жены, она не общалась. На субботники во двор выходила регулярно, но, отмахав положенное время метлой, уходила, так и не обмолвившись ни с кем ни словом.

– Гордячка хренова! – фыркала Лена, успев за полгода окружить себя целой толпой сплетниц, полирующих задницами дворовые скамейки. – Много о себе понимает! Ей бы судьбу свою устраивать, мужика себе найти, дите родить, а она от всего мира отгородиться хочет. Так и останется одна, годы идут, а глянуть-то особо не на что!

Здесь супруга Панкратова привирала безбожно. Настя была очень симпатичной, очень. Среднего роста, светловолосая, с пронзительными черными глазницами, тонкой талией и такой потрясающей попойкой, что...

Короче, Панкратов очень долго и очень честно пытался оставаться безучастным.

Ну, живет по соседству с ним – из двери в дверь – девушка, и что? Ну, одинокая, ну, симпатичная, ладненькая, и что дальше-то?! Зайти порой к ней хочется, да? Хочется позвонить в ее дверь, обходя свою стороной, и переступить порог? Ну а дальше-то что? Что?!

Дальше ничего у Панкратова не выходило. Ничего романтического, красивого, испепеляющего и обжигающего изнутри вырисовываться не хотелось.

Настя оттолкнет его, в лучшем случае. В худшем – закричит или даже ударит. И плевать ей наверняка на его нежность, от которой его начинало трясти, как подростка. Ладони становились липкими, когда он стоял позади нее в лифте или возле дверей на лестничной клетке. Плевать на то, что он часами не мог заснуть, высверливая воспаленными от темноты глазами в общей стене их спален дырки. И уж, конечно, она совсем не была обеспокоена тем, что он вот уже как три месяца не может спать со своей Ленкой из-за нее.

Ей плевать на него, на его чувства, на то, что его брак, как подбитый корабль, стремительно идет ко дну, и ему просто необходимо сейчас что-то изменить в своей жизни, что-то нужно предпринять, срочно, чтобы выжить, или хотя бы начать пытаться. А как без нее? Без нее-то не получится.

– Меня зовут Сергей, Настя. Панкратов Сергей. – Он вернулся, встал с ней рядом и протянул руку – идиот – как боевому товарищу. И снова повторил: – Сергей...

– Очень приятно. – она раздумывала минуты три, прежде чем решила снять варежку и вложить свою ладонь в его пальцы. – А я Настя.

– Мне тоже очень приятно. Вы... Вы как поживаете, Настя?

Еще раз идиот! Панкратов едва не застонал вслух от своей косноязычной тупости. Ничего умнее не придумал, как о ее житье-бытье спрашивать?! Знает ведь все доподлинно: работа – дом, дом – работа, магазины и редкие визиты к родственникам. Больше ничего в ее жизни нет. Нет места чему-то еще. Какого, интересно, ответа он ждал?

А ответ неожиданно его сразил.

– Я... Я очень плохо поживаю, Сергей. – Ее ресницы часто-часто затрепетали, пытаясь проморгать застаревшее горе. – Очень! Новый год скоро, а я... Я ненавижу его теперь! Такая непроходимая глухая тоска... Господи, что я несу?! Простите, мне пора...

Она выдернула свою ладонь из его пальцев, повернулась к нему спиной, быстро вставила ключ в замочную скважину, открыла дверь и вошла в свою квартиру.

Настя почему-то замешкалась и дверь не толкнула ногой, чтобы та захлопнулась. Она же всегда так делала: заходила и, прежде чем пристроить пакет с сумкой на столике под зеркалом, пинала дверь ногой. А сегодня не стала. А когда повернулась, успев стянуть с головы шапку вместе с резинкой для волос, он уже вошел. Вошел, закрыл за собой дверь и стоял теперь, привалившись к ней спиной.

– Сергей? Вы... Вы что тут делаете? – Она растерялась, начав растягивать резинку для волос в подрагивающих пальцах. – Вы вошли без приглашения, вам не кажется?

– Кажется, – согласился он покорно. – Но еще мне кажется, что я его никогда не дождусь.

– В смысле?!

– В смысле: приглашения не дождусь. А мне бы этого очень хотелось. Вы, Настя... Вы удивительно хрупкий и ранимый человек, я очень боюсь вас обидеть, напугать и... Можно, я все-таки произнесу то, что хочу сейчас сказать? Не хочу мямлить, как герой из мелодрамы, который всегда замолкает в самом неподходящем месте, оставив все самое главное и нужное недосказанным. Можно, я вам все скажу?

Что ей делать с ним? Она не испугалась, нет. Не в лесу же! Не разбойник вооруженный напротив, бояться особенно было нечего, но...

Но она почти знала, что он скажет. Почти догадывалась. Последние две недели отчетливо слышала из-за стенки, как орал он своей жене, что не любит ее, не хочет так больше жить, что так невыносимо и нужно что-то менять и он готов.

– Я не готова, – произнесла она вслух, покачав головой. – Сергей, я... Я думаю, что я не готова услышать от вас что-то такое... Вы можете ошибаться, а мне... Мне во второй раз просто не пережить каких бы то ни было потерь, я...

– Вам нужно попытаться просто жить, понимаете! Просто начать жить, Настя! Я все последние месяцы думаю постоянно о вас. Вернее, ни о ком другом я просто не думаю, только о вас. Мне очень трудно сейчас. Очень!

– Вам не кажется, что роман с соседкой отдает пошлостью?

Его нужно выгнать! Нужно обойти его слева. Открыть замок и выставить его вон, пока его жена не вернулась с работы. Пока не застучала его, выходящего из ее квартиры. И не устроила один из своих безобразных скандалов, на которые она была мастерица. Нужно все это сделать, чтобы прекратить эту непристойность. И чтобы этот небритый неулыбчивый мужик перестал смотреть на нее так, что сводит коленки. И замолчал бы наконец, перестав нести вздор о каких-то там неожиданно вспыхнувших чувствах.

– Господи, Сергей, какая любовь?! О чем вы говорите?! – Она отвела от него взгляд с одной лишь целью – не уступать ему, удержаться. – У вас семья, сын. Как вы представляете себе наши отношения? Вы станете шастать ко мне, когда их нет дома? Станете прислушиваться к звукам поднимающегося лифта, прежде чем выйти из моей квартиры? Станете в глазок обследовать лестничную клетку, прежде чем открыть дверь? Это гадко!

– Да, гадко. Но я не так хочу.

Панкратова скрутила такая непроходимая тоска, что хоть бейся головой о ее металлическую дверь. Она думает о нем как о мерзавце. Он для нее – обнаглевший самец, и только. Обнаглевший, небритый, уставший от дома и семьи самец, которому вдруг взбрело в голову завести интрижку со своей симпатичной соседкой.

– Я хочу, чтобы все было не так. По-другому хочу, Настя.

– Как?

– Я уйду от нее.

– Ко мне?! Но позвольте!.. Я имя-то ваше узнала десять минут назад, а вы такие вещи мне говорите! Уходите! Уходите, Сергей.

И она обошла-таки его слева. И замок начала открывать, хотя разволновалась и пальцы чуть подрагивали.

Нужно, нужно, нужно срочно выставить его из квартиры. Пускай уходит на все четыре стороны! К жене, к сыну, к своим домашним тапкам и любимому, продавленному его задом креслу. Пускай оставит ее в покое! В том самом гнетущем, опустошившем за минувшие годы душу и мысли покое. В покое, заставившем ее позабыть, что она – женщина!

Черт бы все побрал на свете! Все не желающие долететь до земли самолеты!!! Все погубленные чужие жизни!!! Все потухшие судьбы, оставшиеся существовать на земле! Все обеты никчемной верности! Верности меркнувшим призракам. Все те праздники, которые умоляешь обернуться скорым сновидением, чтобы они не тянулись так долго!

– Настя... – Его руки легли ей на плечи, и Сергей потянул ее на себя, подальше от двери и не поддающегося ее пальцам замка. – Настя, не надо...

Как же быстро!

Она совершенно успела позабыть за минувшие после катастрофы годы, какими сноровистыми и умелыми могут быть мужские руки. Как незаметно они могут расстегнуть зимнюю куртку и швырнуть ее куда-то к ногам. И как пальцы обжигают кожу, она тоже позабыла. И губы – какими они могут быть настырными, а щетина – совсем не грубой. Она все позабыла, все! И только теперь поняла, как скучала без всего этого. Как ей не хватало именно этого безумного натиска, этих пустых слов, выдыхаемых судорожно сведенным ртом. С неузнаваемой, не свойственной ей ненасытностью она хватала его за плечи, бедра, стягивала с него растянутый мешком свитер. Бесстыдно дергала за ремень на джинсах и стаскивала их с него, опустившись перед ним на колени. Жадно захватывала его губы своим обезумевшим алчным ртом и что-то тоже шептала, шептала, шептала ему в ответ. Что-то, во что неумолимо верилось...

– Настя, – Панкратов накрыл ее губы ладонью, когда она, оттолкнувшись от стены, попыталась что-то сказать. – Ты только ничего сейчас не говори, хорошо?

Она пожалала плечами, оглядываясь. Свалка из их вещей в прихожей получилась внушительная. Как они успели так стремительно раздеться, ума не приложить! Словно ураганом сорвало с них джинсы, свитера и ботинки. Как вихрем!

Ничего не говорить...

А что она может ему сейчас сказать? И что ответить, если он ее о чем-то спросит? Да ничего! Все произошло слишком стремительно, слишком, чтобы это могло поддаваться каким бы то ни было обсуждениям и анализам. Да и стоит ли? Он сейчас оденется. Осторожно выглянет из-за двери и уйдет. Он ведь куда-то собирался, когда она окликнула его. Может быть, даже встречать свою жену с работы. Вот и пойдет доделывать то, от чего его так некстати оторвала выбившаяся из-под контроля страсть женщины, живущей по соседству.

Штаны он застегивал, повернувшись к ней спиной. Долго чертыхался, пытаясь застегнуть ремень, шнуровал зимние ботинки тоже с неудовольствием на лице. Настя одеваться не стала. Продолжала стоять голый посреди прихожей и смотреть на него со смесью вины и сожаления.

– Не смей на меня так смотреть! – вдруг рявкнул он, хватая ее за спину и привлекая к себе. – Не смей сожалеть! Не смей считать себя виноватой в чем-то! Никто... Запомни! Никто и ни в чем не виноват! А ты... – Он потерялся заросшей щекой о ее плечо, провел губами по выпирающей косточке ключицы. – Ты потрясающая! Я просто обожаю тебя, Настя! Просто обожаю!!!

И он ушел. Ушел, свободно распахнув ее дверь, совсем забыв припасть к дверному глазку и обезопасить пути своего ухода. И лифт он совсем не слушал, а она-то придумала... А потом и вовсе! Вышел на лестничную клетку, двинулся к ступенькам, потом вдруг остановился, что-то вспомнив. Снова похлопал, как и давеча, себя по карманам куртки. Не нашел. Поднял глаза на нее, указал на ее голое плечо, выглядывающее из-за двери, и погрозил пальцем:

– А ну-ка, быстро оденься! Не хватало еще, чтобы ты заболела в новогоднюю ночь. Кстати, ты в курсе, что я собираюсь встретить Новый год с тобой?

– Нет.

Она мотнула растрепанной головой, не понимая, почему он совсем не соблюдает конспирацию и говорит достаточно громко. Достаточно для того, чтобы его услышали соседи из квартиры напротив. Или его жена, если она успела к этому времени вернуться.

– Ага. Так вот знай. И с работы я сегодня приду к тебе, – пообещал Панкратов и тут же полез за надрывающимся мобильником, на котором высветился телефон начальника управления. – Правда, не знаю, во сколько я вернусь...

* * *

– Дрянное дело, Серега. Очень тухлое и дрянное, – подвел черту под экстренным совещанием, закончившимся около девяти часов вечера, его соратник по оружию Ванек Воронин.

– Почему ты так думаешь? – спросил Сергей, сам не понимая, о чем спросил.

Панкратову было плевать, что именно и в какой связи думает теперь Ваня Воронин. Он думал только о Насте, только о ней одной, и о том еще, что сегодняшнюю ночь он проведет уже в ее кровати. Целая серия грабежей, которые совершали наглые налетчики, переодетые Дедами Морозами, причем уже вторую неделю, его, конечно же, волновала, но не настолько, чтобы вытеснить из мыслей Анастасию. На совещании он скорее присутствовал, чем слушал, думал и сопоставлял. Его даже начальник пару раз одергивал. Теперь вот Воронин привязался.

– А ты как думаешь, Сереж? – Иван округлил голубые глаза. – Ты как думаешь?

А он никак не думал, вот! Правильнее, он о грабежах не думал, а все больше о Насте. Грабежи – они были, есть и будут. Да, неприятно, что канун Нового года в городе омрачен наглыми вылазками каких-то отморожков. Да, скорее всего, накрыть эту банду будет нелегко. Да, имеются уже и жалобы от пострадавших, считающих, что милиция бездействует. Но так ведь было всегда. Пострадавшие очень редко перекочевывали в разряд благодарных.

Даже если преступление раскрывалось, Панкратову редко кто говорил спасибо. Почему? Да потому, что он лез в душу с погаными ментовскими вопросами, все больше некстати, на их взгляд. Потому что очень медленно работал. Потому что вернуть награбленное редко кому удавалось: поделено, сбыто и пропито между преступниками давно уже все оказывалось к тому моменту. Много набиралось этих «потому что» за его многолетнюю практику, очень много. Вот он и привык не видеть за работой чужих эмоций. Его теперь все больше свои эмоции интересовали.

– Вот смотри, Сереж, что говорят свидетели, – не хотел униматься Ваня Воронов, хватая направившегося к выходу Панкратова под локоток. – Дедов Морозов, по описаниям, всегда трое! Один очень высокий и плотный. Второй чуть ниже и похудошавее, а третий – совсем щуплый и низкорослый. О чем это говорит?

– О чем? – рассеянно отозвался Панкратов, чтобы не молчать вовсе.

– Думаю, третий Дед Мороз – женщина!

– О как! А может, и не женщина вовсе, а подросток? Или щупленький такой мужичонка, язвенник какой-нибудь. Почему непременно женщина, Ваня?

– Так след от сапога очень характерный. Маленький.

– И что? А подошва характерна для мужской обуви. Разве не так говорили на совещании? Так! Потому и говорю, что это может быть либо мелкий мужик, либо пацан совершенный. А что дело дрянь, тут я полностью на твоей стороне. Попробуй вычисли их в таком-то гриме! Сейчас ведь по городу эти Деда Морозы стаями бродят. Не станешь же их всех хватать и тащить в отделение на проверку? Нет, конечно. Мероприятия посрываешь, потом штрафные санкции еще выставят. Они же не за так поздравляют детей, стариков и прочих. Н-да... Наружное наблюдение тоже по всем дворам не расставишь. Где их столько набрать-то? И ведь по районам выстреливают бессистемно, мерзавцы! Никакой паутины, никакого порядка. Будто шли, шли и набрали случайно.

– Ну, не так уж и случайно, – не согласился Иван. – Двери-то выбирают, что подороже.

– Это да, – не стал спорить Панкратов. – Выбирают, звонят, если не открывает никто, начинают действовать. А если открывают, начинается балаган с новогодними поздравлениями. Все умно, все лихо. Тухлое дело...

– Вот и я о том же! – обрадовался Воронов тому, что старший наставник наконец-то его поддержал, перестав сидеть как сомнамбула. – Если они сами не проколются, нам их не взять, Сереж. Кстати, я все хотел тебя спросить...

– Чего? – Панкратов оглянулся на коллегу, тон у того поменялся, стало быть, сейчас начнет в душу лезть.

– Ты что это такой сегодня на совещании сидел?

– Какой?

– Ну... Как пыльным мешком ударенный. Глаза такие томные, томные, и зевал через раз. Ленка имела счастье застать любимого супруга врасплох? Примирение состоялось? Я не ошибаюсь?

– Ошибаешься.

Панкратов криво ухмыльнулся: посвящать друга в подробности своего неожиданного секса с соседкой он не собирался. Табу на все, что связано с Настей, для посторонних. Ни глаз, ни ушей он не допустит до того, что так неожиданно и зыбко наметилось. Ревностным суеверием отдавало, ну и пусть. Это только его и ее, и ничье больше.

– О-оо!!! Кажется, я что-то пропустил в этой жизни! – Воронов хитро заухмылялся, ткнув его в бок локтем, когда нагнал возле двери. – Наш Серж, кажется, нашел-таки себе подружку! Надо же, надо же, не прошло и пятнадцати лет застойного супружества, чтобы он наконец созрел до...

– Слушай, Ваня! – зубоскальства в адрес Насти он не потерпит тоже и, уж конечно, не хочет знать, каким именно словом обозначит Воронов их отношения. – Замолчи, а! Если не хочешь получить по башке, замолчи.

– Понял. Понял, брат! – Воронов саданул его по плечу, дурашливо пропев: – Это любовь, это точно! Это любовь, да-да, конечно! Это любовь, ого-ого!.. Ну пошли, что ли, по домам?

По домам разойтись у них так и не вышло. Стоило спуститься на первый этаж и дойти до дежурной части, как их тут же остановили. В пригороде произошло убийство, нужно было выезжать. Пока дождались

машины, которая уехала на заправку и словно провалилась прямо там в нефтяную скважину; пока расселись, пока дождалась прокуратуру... Выехали наконец, потеряв почти час. Осмотр места происшествия, опрос возможных свидетелей – все заняло так много времени, что к дому Панкратова доставили, когда уже ночные звезды начали меркнуть.

Гигантскими прыжками перескакивая через две ступеньки, Сергей поднялся на свой этаж и с бешено колотящимся сердцем застыл возле дверей. Звонить к Насте или нет? Начало четвертого, спит наверняка. Что делать-то? Может, отложить визит до утра? Хотя и утро уже не за горами. Утро, когда она станет собираться на работу. Станет бегать по квартире с зубной щеткой за щекой, роняя огромные кляксы зубной пасты на пол. Потом будет хватать, обжигаясь, термобигуди из старого закопченного ковшика. Чертыхаться, нервничать, покрикивать на него...

Так, стоп! О чем и о ком это он?! Это же все про Ленку, не про Настю! Это его жена так отвратительно начинает каждое утро. Звонить или нет в дверь?..

– Ты что тут стоишь, не пойму?!

Ленка! Какого-то черта поднялась с постели в половине четвертого, открыла дверь и тарачит теперь на него сонные злые глаза.

– Я? – Панкратов, пойманный врасплох в момент запретных размышлений, растерялся. – Ничего я не стоял. Только поднялся. Ключи вот ищу.

И для пущей убедительно он похлопал себя по карманам.

– А-а-а, ну входи, что ли, – буркнула Лена, чуть шире распахивая дверь и отступая внутрь прихожей. – Не май месяц на дворе. Морозно...

Он смалодушничал и зашел в свой дом, а ведь не хотел, не хотел! И крался потом по собственному дому, как преступник какой-то. Все боялся, что Настя услышит его, хотя ведь спать была должна. В кровать ложился, боясь скрипнуть лишний раз застаревшей пружиной. И бога молил, чтобы Ленка молчала. Чтобы уснула она, едва улеглась ее голова на подушку. Он потом, завтра все объяснит Насте. Почему не стал в дверь звонить. Почему уснул на своей кровати. А может, и просто, без объяснений, зайдет в ее квартиру и останется там насовсем.

Утром он собрать свои вещи не успел. Проспал, не услышав будильника, хотя и завел его на полседьмого. И Настин уход на работу тоже проспал. Долго звонил в дверь, ему никто не открыл. А номер телефона спросить не додумался, когда подбирал свои вещи в ее коридоре. Или умышленно не спросил, из боязни, что фраза «я тебе позвоню» прозвучит банально. Теперь вот караул ее. А ведь разве укараулишь? И как укараулить, если не успел он заявиться на службу, как его сразу отправили на происшествие. Потом поступил сигнал, что в местном парке видели подозрительного мужчину, по приметам походившего на маньяка, давно и безуспешно разыскиваемого всей местной милицией. Выезд никаких результатов не дал, но сама дорога и опрос очевидцев заняли так много времени, что домой Панкратов вернулся ближе к полуночи.

Прежде чем войти в подъезд, он долго стоял во дворе и курил, посматривая на ярко освещенные окна Анастасии. Она была дома! Ну что же, ну что же. Значит, так тому и быть. Сейчас он зайдет к себе, соберет все необходимое в любимую дорожную сумку с трижды пришитой ручкой и без дополнительных согласований и разрешений пойдет к Насте.

Семья... Его семья, которую он сегодня собирался оставить раз и навсегда, странное дело, его дождалась. Тимур сидел, накупившись, в своей комнате за компьютером и резался в какую-то отвратительную «стрелялку». На вопрос отца, почему не спит, буркнул, что не хочется, и даже головы не повернул в его сторону. Панкратова это не удивило. С сыном они давно не ладили, разойдясь в вопросах воспитания.

Прикрыв дверь, он пошел в свою спальню и неожиданно наткнулся в гостиной на Елену. Это было более чем странно. К этому часу супруга обычно пребывала в кровати, либо спала, либо читала что-нибудь. А теперь сидит в углу дивана нахохлившейся вороной, при полном параде, то есть в блузке, юбке и зимних сапогах. А как же любимая пижама, успевшая растянуться до размеров парашюта? Как же слой жирного крема на щеках? И в сапогах – в гостиной! Это вообще... Она же его гоняла, если он на шаг заступит с придверного коврика – схватить пачку сигарет с полки. А тут вдруг при одеждах да возле полуночи, непонятно...

– Ты чего здесь? – буркнул Панкратов и тут же, не дав ей ответить, спросил как бы мимоходом: – Где моя сумка дорожная?

– Сумка? – Ленка глянула на него затравленным зверьком и тут же принялась натягивать юбку на острые коленки. – Дорожная? А зачем тебе сумка? Уезжаешь?

– Нет, не уезжаю. Ухожу. Так где?

Она спрыгнула с дивана очень резко и попыталась поднять сиденье. Панкратову пришлось ей помочь. Сумка была в диване. Он выхватил ее, осторожно вернул на место диванное сиденье и без лишних слов двинулся в спальню. Открыв шкаф, подумал минуту и начал скидывать на кровать стопки своих трусов, маек, штанов и свитеров. Что поместится, то и поместится. А что не влезет, он потом заберет, благо нести недалеко.

Супруга вошла минут через десять. Он уже успел набить сумку под завязку, застегнуть молнию и вернуть неуместившиеся вещи обратно на полки, сунув их туда комком.

Она вошла, прикрыла дверь и, прислонившись к ней спиной, выдохнула с горечью:

– Значит, и в самом деле уходишь.

– Ага. Ты давно хотела со мной развестись, вот твое желание и исполнилось. – Взяв сумку подмышку (ручка снова оказалась оторванной), он пошел прямо на нее. – Только, Лен, давай без истерик, хорошо? Не нужно орать, обзывать, я принял решение и менять его не собираюсь. Идет?

– Идет, – кивнула она согласно. – Только уж скажи, где тебя искать, если что? Мало ли зачем ты понадобишься мне или Тимуру. Так куда... Вернее, к кому ты уходишь, Сережа? Ты ведь не на вокзал и не в гостиницу, правильно я поняла? Ты же к женщине от меня уходишь?

– К женщине, – не стал он врать.

– Ага... Я так и думала... – Сухие бескровные губы жены мелко задрожали. – Ну что же, пусть будет так. Уж лучше так – честно. Я могу узнать, кому отдаю своего законного мужа? К кому ты уходишь?

Врать смысла не было. Они могут утром столкнуться возле лифта или вечером по возвращении с работы.

– Я уйду к нашей соседке. К Насте, – ответил Панкратов и сделал еще один нетерпеливый шаг. – Так я пошел, Лен?

Она не тронулась с места. Сжалась вся, сгорбилась, потом спрятала лицо в ладонях и пробормотала сдавленно:

– На твоём месте я не стала бы так торопиться, Сережа.

– Ой, вот только не надо, Лен!!! Только не надо! – он не хотел, но снова повысил на нее голос. – Обещала отпустить меня без истерик!

– Нет никаких истерик, но торопиться тебе не нужно. – Ее руки безвольно упали, спина поползла по двери, и его жена с каким-то тупым звуком опустилась на пол.

– Почему?!

Ну, вот что было делать теперь, а?! Хватать ее в охапку, оттащить от двери, а если она начнет за него цепляться, рыдать? Вот черт! Никогда не думал, что уйти от жены окажется таким сложным делом. Никогда же раньше не пробовал.

– Почему мне не стоит торопиться, объясни! Между нами давно уже все кончено, Лен! Уже года два, как все остыло, почему не стоит торопиться!

– Да потому! – Ее обмякшее тело напряжилось, а лицо сделалось привычно злым и очень неприятным. – Потому что торопиться тебе не к кому! Нет ее, понял! Нет твоей Насти!!!

– Что ты мелешь, дура?! У нее свет горит во всех окнах. Она дома, – он поморщился, сочтя, что это очередная уловка его супруги. – Она дома, Лен. Дома...

– Нет ее, Сережа, – жена качнула головой. – Свет горит потому, что там кто-то из ее родственников.

– А Настя где?

Он поверил ей почему-то. Не стала бы она врать, рассудил он, так мелко и неубедительно. Он ведь может в любой момент проверить, позвонив в соседнюю квартиру.

– Настя... А Настю часа три назад увезли в больницу. – Ленка подобрала коленки повыше, легла на них щекой и продолжила без какой бы то ни было злобы или неприязни: – Увезли, как говорят, с черепно-мозговой травмой. Вроде родственница ее нашла. Приехала в гости к Насте, смотрит, дверь ее квартиры приоткрыта, она распахнула ее, а на пороге – хозяйка, вся в крови. Вот так-то, Сережа, а ты уходишь к ней собрался. Не рановато ли?

Выдержка все же ей изменила, и последний вопрос был обильно сдобрен ядом. Он даже не почувствовал, как выскользнула сумка из рук. Не помнил, как отволоч в сторону брыкающуюся Ленку, как потом перешагнул через нее, ударив дверь, которую та подпирала, по ее бедру. Ничего не соображал, врываясь в соседнюю квартиру, дверь в которую так и осталась незапертой.

– Где Настя?! – свистящим шепотом обронил он, нависая над пожилой женщиной, сидевшей в кухне и с задумчивым видом тянувшей из красивой чашки чай. – Где она?!

– Кто вы такой? – Она не испугалась его, просто вздрогнула от неожиданности, пролив чай на стол. – Почему врываетесь без стука в чужую квартиру к чужому человеку? На часы смотрели, молодой человек?

– Она мне не чужая! Где она?! – Он совершенно потерял рассудок, с силой ударив кулаком по столу. – Мне только что сказали, что она... Что ее увезли в больницу?!

– Кто сказал? – выдержка у женщины была потрясающей, неожиданный стук по столу ее не вывел из равновесия, лишь заставил поморщиться.

– Жена моя сказала!

– Жена? – Губы незнакомки сложились в скептическую гримасу. – Странно, не находите? Настя вам не чужая, как вы утверждаете, хотя вы ей явно не родственник. Я ее тетка и всю родню знаю, как свою пятерню. Не чужая, и тут вдруг какая-то жена. Как это понимать?

– А понимать это надо следующим образом! – Панкратов выдернул из-под стола табурет и сел на него, уложив локти на стол. – Я люблю ее. И собирался к ней уйти сегодня. А жена... Она как бы уже бывшая.

– Как бы! – фыркнула противная тетка. – У моей девочки в жизни и так не все сложилось лучшим образом. Она пережила страшную трагедию. Теперь вот это странное, жутковатое происшествие. И тут вы еще валитесь ей на голову со своим семейством. Ах да, да, с бывшим семейством. Дети-то наверняка имеются?

– При чем тут дети?! И не валюсь я никуда! Я просто люблю ее, что, сложно понять?!

– Знаете, сложно. – Она ухмыльнулась недоверчиво, поставила опустевшую кружку на стол, скрестила руки на груди и уставилась на него, словно кожу с него снимать собиралась. – Еще вчера утром я говорила с ней по телефону, задавала обычные вопросы, получала обычные ответы, и там не было и намека ни на какую любовь.

– Утром и не было, – пробормотал Панкратов глуховато. – А потом появилось.

– Когда, если не секрет?

– Часов в пять, шесть, я не засекал. Она тоже. Нам хорошо было вместе. – Ему сделалось неловко под ее мудрым осуждающим взглядом. – Я не могу вам сейчас всего объяснить...

– Зато я могу! – перебила она его неожиданно и с гневным напором. – Зато я теперь могу указать милиции на возможного подозреваемого! И знаете, кого я подозреваю?

– Да в чем, в чем подозреваете-то?! Толком расскажите! И кого вы подозреваете?!

– Подозреваю вашу жену в том, что она тяжелым тупым предметом нанесла сильнейший удар сзади моей племяннице по голове!

– Значит, Настю... – Панкратов даже застонал вслух, перепугавшись так, что его затошнило. – Вы хотите сказать, что Настю кто-то ударил сзади?!

– Да!

– А где? На лестничной клетке или в квартире? – тут же проснулся в нем въедливый мент. – Где был нанесен удар этим предметом? С ней все в порядке?

– К счастью, она была в шапочке, и это сильно смягчило удар, иначе... – В лице женщины что-то надломилось, и она отчетливо всхлипнула. – Бедная девочка! Сколько испытаний, сколько испытаний!.. Так, мне теперь все ясно. Это точно ваша жена ее огрела, раз вы собирались ее бросить из-за Насти. Больше некому! Настенька никому не делала зла. Дружбы ни с кем не водила, на работе ситуация совершенно бесконфликтная, поскольку работает она в моей фирме... Надо довести до сотрудников, где-то у меня визитка этого следователя...

Она покопалась в сумке, которую выудила из-под стола с соседней табуретки, достала мобильник, потом визитку, но номер набрать не успела. Панкратов грубо выдернул визитку у нее из пальцев.

– Погодите торопиться-то, ну! – пришлось ему прикрикнуть на нее, он быстро прочел фамилию на прямоугольной картонке. – Вот, и фамилия мне знакома. Коллега это мой. Мы сейчас с вами попытаемся воссоздать ситуацию, поразмышляем, и, если не придем к консенсусу, вы позвоните Геннадию. Если придем, то... То вы отвезете меня в то больничное отделение, куда отвезла Настю «Скорая». Идет? С ней и правда все в порядке, вы ничего от меня не скрываете?

– Не смертельно, – скрипнула противная тетка, возвращая себе визитку не очень вежливым жестом. – Так вы тоже милиционер? Ну все, торжества справедливости теперь не дожدهмся! Уж свою жену вы точно выгородите!

– Не собираюсь я никого выгораживать. – Панкратов полез во внутренний карман зимней куртки, достал пачку сигарет с зажигалкой и швырнул их на стол. – Курить позволите?

– Курите.

– Спасибо... Так вот, выгораживать я никого не собираюсь, но и несправедливых обвинений не потерплю. Ленка не могла знать о наших с Настей отношениях. Я сказал ей о своем решении уйти от нее к Насте десять минут назад.

– Она могла знать! – упрямылась женщина.

– Не могла, в том-то и дело! Потому что не было никаких отношений! Не было до вчерашнего дня. Я... Я давно любовался Настей, и разговор неоднократно пытался завести, она – ноль! А вчера... Вчера все было так неожиданно, как-то вспыхнуло все, и... Короче, все произошло прямо у порога! Уж простите мою откровенность.

– Ага... – пожилая женщина снова недоверчиво ухмыльнулась. – И вы хотите сказать, что после разового полового акта с моей племянницей, свершившегося прямо на пороге ее квартиры, вы решили оставить свою семью? Бред! Вы сами-то понимаете, что несете?!

– Нет, если честно. Но это так. Когда я уходил, сказал ей, что с работы вернусь к ней и только к ней.

– Что же не вернулись? – поддела она его.

– Так я вернулся в четвертом часу утра. Был на происшествии. Побоялся побеспокоить. С утра проспал. Звонил, звонил в дверь, она не открыла. Уже ушла. А сейчас сумку собрал, а Ленка говорит... Короче, сначала она спросила, к кому я ухожу. А когда сказал – не спеши, говорит. Ее увезли в больницу. И вот я здесь.

– И вот вы здесь, – эхом повторила родственница Насти. – Странно все как-то... Она сегодня была у меня в кабинете. Мы поговорили. Она ни словом не обмолвилась о вас, но была какая-то... Не такая она была, как всегда. Улыбалась чему-то. Я ведь уже забыла, как она улыбается! Потом принесла мне дурацкую статью про Дедов Морозов, орудующих в нашем городе, наверняка вы слышали?

– Да, это дело сейчас в разработке. А что, статья в газете вышла?

– Да, с предостережением. Чтобы граждане не были излишне доверчивы и так далее. Глупо, на мой взгляд. Эта переодетая шайка ведь ломилась в те квартиры, где никого не было, зачем же тогда предупреждать?

– Ну, здесь я не согласен, – возразил Панкратов. – Сигналы очевидцев в нашем деле – большое подспорье.

– Много вы на них внимания обращаете! – фыркнула она. – Ваш коллега позвонил в две двери, там никто и ничего не видел, с тем он и отбыл. Нет бы по всем подъездам пройтись, опросить.

– Так уже было около десяти часов, если не ошибаюсь. Многие спать легли. Вот утром... Кстати, раз уж мы завели разговор об опросе, не согласитесь ли вы ответить на пару вопросов? – Он даже руки на груди молитвенно сложил, чтобы уговорить сердитую тетку Анастасии.

– Хорошо, – кивнула она после недолгих раздумий. – Задавайте свои вопросы...

* * *

Отделение травматологии, куда Панкратова не впустили минувшей ночью, снова встретило его запертыми дверями и не улыбочивыми сердитыми сотрудниками.

– Вот придет врач, с ним и говорите, – отмахивалась от него мокрой тряпкой, наверхнутой на швабру, громогласная уборщица. – Ему решать, к кому можно пройти, а к кому нет.

– Хорошо, а где он? – Ему удалось просунуть лишь голову и часть левого плеча в проем между дверью и притолокой.

– Доктор на операции, вот закончится операция, тогда и спросите.

– А когда она закончится? – заскрипел он зубами.

– А я почему знаю! Ждите...

Панкратов ждал. Дождался, что называется. Уставший травматолог был категоричен. Настю увидеть не представляется никакой возможности, тем более задавать ей вопросы. Ну и что, что она пришла в сознание! Ну и что, что находится в доброй памяти! Беспокоить ее нельзя, а уж тем более спрашивать о чем-то!

– Позже. Немного позже, молодой человек. Понимаю ваше нетерпение, но... – врач развел руками. – Я сейчас несу ответственность за состояние ее здоровья и...

– Ладно, но ответьте мне тогда, как специалист: могла женщина нанести пострадавшей удар такой силы?

Тетка Анастасии заронила все же ему в душу зерно подозрения, которое за остаток ночи и весь сегодняшний день успешно дало свои всходы. И виной тому была не неожиданная влюбленность в Анастасию, а скорее то, что Ленка отвечать на его вопросы категорически отказалась. Рычала, сквернословила и посылала его по всем мыслимым и немыслимым направлениям. Вообще вела себя как-то странно. Не захочешь – подсядешь на недоверие. И Тимур еще тоже – фрукт. Ворвался в кухню, когда они за завтраком общались в обычной своей манере, и как заорет на него:

– Оставь мать в покое, ты – козел! Сам разбирайся со своими шлюхами!

Панкратов даже возмутиться не успел и догнать пацана, чтобы отвесить ему подзатыльник как следует. Как сидел с набитым подгоревшим омлетом ртом, так и окаменел.

– Вон оно как, – только и смог он выдавить, когда за Тимуром с грохотом захлопнулась входная дверь. – Вон вы как, значит...

– Женщина? – доктор пожал сухощавыми плечами под белым халатом. – Не знаю, может быть, сила ведь у всех разная. Женщины сейчас много времени проводят в тренажерных залах, и удар у некоторых очень хорошо поставлен. Только это должна быть очень высокая женщина.

– Высокая?

– Да, характер нанесенных ранений свидетельствует об этом.

Высокая женщина, высокая женщина...

Ленка не была очень высокой женщиной, она была чуть выше среднего роста. Настя была выше ее. Чтобы нанести под таким углом удар, ей потребовалось бы тогда встать на что-то. Или...

Или стоять в этот момент на ступеньках, ведущих на следующий этаж. Тогда Настя должна была находиться к ней строго спиной, то есть стоять спиной к ступенькам. А зачем ей так было стоять? Незачем, в том-то и дело! Она всегда от лифта проходила прямо к двери и открывала ее, поворачиваясь спиной к квартире напротив. И по лестнице, если она поднималась, когда лифт игнорировала, тоже так же – проходила прямо к двери. Стоять спиной к ступенькам, ведущим на этаж выше, Настя не могла. Значит, и Ленка не могла ее ударить. Почему тогда она ведет себя так странно? Только потому, что он уйти от нее к соседке собрался? Может быть, может быть...

Звонок Вани Воронина прозвучал, как всегда, не вовремя. Панкратов только-только попытался додуматься до чего-то. Только, кажется, что-то блеснуло у него в мешанине разных версий, как этот бестолковый малый позвонил.

– Здорово, Сереж, – приветствие прозвучало на вибрирующих нотках, верный признак того, что есть новости. – Будешь в отделе?

– Вряд ли. Дела есть кое-какие.

– А-а, ну-ну, если так, тогда ладно. А то тут кое-какая информация по нашему общему делу появилась.

– По какому делу?! – Панкратов тут же подумал о Насте, хотя это не было их общим делом, это было только его и ничье больше. – По вчерашнему?

– Да нет. Маньяка так и не поймали, Сереж, – ни черта не понял, как всегда, Воронин. – Я про эту шайку переодетую.

– А-а, про Морозов этих гребаных. Так что ты имеешь мне сообщить, Иван Алексеевич?

– Они ведь вчера в твоём районе шастали, прикинь! Успели обчистить четыре квартиры, а на пятой спалились.

– Взяли их, что ли? Не тяни ты резину, Иван!

– Не взяли, а спугнули. Выскочили они из подъезда – и в разные стороны. Кто куда! Один, по словам очевидцев, в сторону твоего дома побежал, Сереж. Поспрашивал бы соседей. С тобой-то они будут более разговорчивы, сосед все-таки...

Не один, а два, болван, чуть было не оскорбил верного соратника Панкратов.

Два переодетых Дедами Морозами бандита рванули в сторону его дома. Двое их было!!! И один – как раз высокий! И бедная Настя, видимо, нарвалась на них, вернувшись домой.

Так, что же тогда выходит?

Она вернулась почему-то поздно. Это еще предстоит выяснить, где ее черти носили, когда ее намечающийся будущий муж доблестно нес вахту, стоя на страже и ее покоя тоже. Ладно, это все лирика, об этом потом. Так, значит, она возвращается. Подходит к своей квартире, и тут сзади ей наносят удар.

Не выходит! Зачем ее было бить, если она ничего и никого не видела?

Так увидела, значит! Увидела и забила тревогу, проявив бдительность, к которой призывал гражданин автор статьи. Она же ее внимательно прочла днем и даже тетке своей показывала.

Что получается теперь? Она увидела переодетых бандитов, хотела поднять тревогу, и ей не дали, ударив по голове. Взяли из рук ключи от квартиры, открыли дверь и втащили бесчувственное тело туда. Тут, правда, могли быть варианты. Настя сама могла перед этим открыть дверь и не успеть войти. Ее же ударили.

Опять что-то не клеится.

Если она сама открыла дверь, а потом увидела бандитов, то какого черта ей нужно было поворачиваться к ним спиной? Что-то не то...

– Надо разговорить соседей, – пробормотал Панкратов, смоля сигарету за сигаретой в собственном дворе, сидя за рулем давно остывшего автомобиля. – Завтра... Завтра с утра и начну...

Домой идти не хотелось. Да и можно ли считать теперь домом то место, откуда он вчера собрался уйти?

Дом – это ведь нечто большее, чем просто стены, окно, мебель и спальное место. Дом – это...

Его должны были ждать там всегда. Ждать злого, уставшего, пьяного. Ждать, любить, надеяться на него. Этого давно уже не было в жизни Панкратова, очень давно. Единственное, на что он еще пока годился для своей жены, – это быть объектом скандала. Персоной, для которой приходилось готовить завтраки и ужины – обедал он дома крайне редко. Ну и еще, быть может, для того он еще там требовался, чтобы поменять прокладку в смесителе в ванной. Починить поломанный выключатель и вынести мусор поздним вечером, если жена и сын не сделали этого заблаговременно. Вечером они выходили из дома боялись. Вечером должен был тащиться с мусорными пакетами к ящикам за углом сам Панкратов.

– Тебе делать нечего! – всегда со злобным фырканьем парировала Ленка, когда он пытался возмутиться, вернувшись с работы измотанным и злым. – Хоть мусор-то вынеси, если ни на что более не способен...

Сегодняшний вечер не стал исключением. У Панкратова просто челюсти свело, когда он открыл дверцу шкафа под раковиной, чтобы выбросить шкурки от сосисок, и снова обнаружил там переполненное мусорное ведро.

– Эй, у вас что, совести нет, да?! – привычно рявкнул он, позабыв на время, что вроде уже собрался отсюда съезжать. – Вчера до полуночи тусовались, сегодня еще не спят, а мусора – полна кибитка!

Ленка отреагировала, не в пример себе, удивительно миролюбиво. Материализовалась в дверном кухонном проеме с крепко сжатыми кулаками в карманах домашнего халата. Поглядела на него как-то непривычно. Ах да, он же ей все успел сказать вчера, все он забывает... И тут же обронила, пожав плечами:

– Извини, Сережа. Вчера как-то не до этого было. А сегодня... А сегодня мы с Тимкой уже перед тобой как бы не подотчетны. Хотим – выносим мусор, не хотим – не выносим. Это теперь только наша печаль, не твоя, это уж точно. Никто тебя не заставляет. Кстати, ты уже съехал или нет?

Панкратов лишь досадливо крикнул, присел на корточки и полез за ведром. Утрамбовал мусор, завязал углы темного полиэтилена, выдернул мешок из ведра и без лишних слов пошел в прихожую. Хорошо еще, что переодеться не успел в домашнее, только куртку с ботинками накинуть и придется.

– Так ты ушел или нет, Сережа? – Ленка шла за ним следом.

– Ушел я, ушел! – огрызнулся Панкратов, с третьей попытки попав в рукава куртки.

– Так съезжай из квартиры, чего тогда!..

– Когда надо будет, тогда и съеду! – снова огрызнулся он и поспешил за дверь.

Ему вот только теперь подобного рода разборок и не хватает, черт возьми! В тот момент, когда дорогой ему человек валяется на больничной койке с черепно-мозговой травмой, ему только и дела, что вступать в подобные дебаты. Именно сейчас, когда мысли заняты строительством новых версий, ему с Ленкой только отношения выяснять! Противная все же она баба! Правильно он сделал, что собрался уходить. И если не к Насте, то все равно куда-нибудь он уйдет. Хоть в общагу милицейскую, хоть на съемную квартиру, но уйдет.

Он вошел в лифт, дождался, пока дверцы с лязгом захлопнутся, нажал кнопку первого этажа и с раздражением швырнул мусорный пакет на пол. Швырнул – и тут же уставился на него с недоумением. Пакет шлепнулся на пол со странным звуком. С тяжелым бряцанием, которое может произвести только что-то металлическое. Интересно, от чего Ленка решила избавиться? Ложки его любимые с вилками, что ли, собрала и выбросила? А что! Запросто в сердцах могла. Она же знает, что Панкратов дорожил своими столовыми приборами, притащив их аж из родительского дома.

Ох, как он разозлился! Как взбесился, кто бы знал!

Эти ложки и пару вилок – для второго и для рыбы – ему мать еще в детстве покупала, и тронуть их никто не смел, кроме него, ни в детстве далеко, ни в этом доме. А она теперь решила выбросить? Вот сука, а!

Панкратов присел, перевернул мусорный пакет, поморщился из-за крохотной лужицы, натекшей из него на пол лифта, и с брезгливой миной принялся ощупывать низ пакета. Нащупал! Нащупал – и изумился вторично. То, что бряцнуло об пол, не было ложками и вилками: это была связка ключей. Интересно, чьи? Его были при нем, в кармане. Он даже для верности полез туда, достал и проверил – те или нет. Все правильно, его ключи при нем. Тогда чьи ключи улетели в мусор? Не увидишь – не узнаешь! Пришлось надирать крепкий полиэтилен, рыться в яичной скорлупе и колбасных шкурках, доставать эту чертову осклизлую связку и нести ее потом через весь двор двумя пальцами, чтобы не выпачкаться.

Выбросив пакет с мусором, Панкратов захватил пригоршню снега и начал оттирать свою находку. Потом обсушил ключи полкой куртки, вошел в подъезд, подошел поближе к лампочке над входом и стал рассматривать.

Ключей было немного, точнее, три. Один – предположительно от какого-то стола или тумбочки, а два – точно от дверных замков. Ни один из них никак не подходил к его двери. Тогда чьи они, черт побери?! Чьи,

и почему оказались на дне мусорного ведра?! Почему его жена или сын постарались от них избавиться? В чем секрет, в чем разгадка?!

Наверх он лифтом не поехал, пошел пешком, с трудом переставляя ноги со ступеньки на ступеньку.

Неужели все именно так, а? Неужели он что-то просмотрел? Что-то проворонил? И Ленка... Его Ленка, с которой они прожили бок о бок дюжину лет, могла совершить подобное? Но как? За что?! Она не могла знать о том, что произошло между ним и Настей в тот день. Не могла знать и догадываться о его решении. Почему она это сделала? Почему?!

А вот с ключами-то как раз все ясно. Ленка, дура, элементарно прокололась! Машинально бросила их в мусорное ведро, зная, что он, Панкратов, как бы поздно ни пришел, покорно отправится на помойку, для порядка рывкнув на нее... Привычка подвела. Но какая же она все-таки стерва!

Панкратов почти не сомневался, вставляя один из ключей в замочную скважину соседней квартиры, что он подойдет. Он практически был в этом уверен, и не ошибся. Ключ привычно повернулся, замок послушно лязгнул, дверь открылась. И никакого тут волшебства не было: просто ключ оказался родным. Ключ, который прежде лежал в Настинной сумочке или в кармане ее одежды.

Панкратов знал, что ключей не нашли на месте происшествия. Он уточнил это у сердитой Настинной тетке, когда та соблаговолила ответить на несколько его вопросов: этот – про ключи – он задал одним из первых. Ключи пропали, предположительно их унес с собой преступник, совершивший нападение. Но разве Панкратов мог знать тогда, что преступником окажется его собственная жена!

– О господи, что делать-то?! – простонал Панкратов, запираясь изнутри в Настинной квартире и проходя одетым в ее кухню. – Что делать-то, мент, станешь? Привлекать, дело заводить? Ох, беда, беда...

Он сунулся в чужой холодильник, достал початую бутылку водки – еще когда с теткой Настинной сидели, он ее углядел.

Тетка тогда полезла в холодильник за молоком к чаю, Панкратов водку и заприметил... Он открутил крышку и начал пить огромными глотками прямо из горлышка. Рыскать в темноте в поисках стакана он не стал, как не рискнул зажигать свет. Так и сидел в темноте, то и дело прикладываясь к бутылочному горлышку и шепотом с горечью повторяя:

– Вот что ты теперь станешь делать, мент?! Ты же честным всегда себя считал! Что делать-то будешь?! Сдашь или нет мать своего ребенка?

Он не допил до конца, поняв, что сильно охмелел. Нет, голова по-прежнему соображала, хотя лучше бы наоборот. А вот ноги не слушались, и тело сделалось безвольным и словно ватным. Только и сумел, что добраться до первого попавшегося на пути дивана в чужой незнакомой квартире. Рухнул на него прямо в одежде и ботинках, перевернулся на спину и, прежде чем задремать, неожиданно снова подумал...

А зачем все же Ленка поднималась на те проклятые ступеньки, чтобы нанести удар? Она же стояла на них, ежу понятно. С высоты своего роста она не смогла бы ударить Настю по голове, экспертиза это подтверждает. Зачем?! Может, они поскандалили у дверей, и Настя ей все рассказала? Вряд ли. Настя – умная женщина. Не стала бы она трещать о том, в чем у нее самой уверенности не было. Она даже тетке своей родной ничего о нем не рассказала, лишь улыбалась загадочно. Что же там произошло? Что?! Ленка не расскажет. Ой, придется все же идти по соседям, ой, придется...

Тетю Наташу – пожилую женщину с первого этажа, которая с молчаливого благословения всех жильцов объявила себя старшей по подъезду, ему пришлось прождать долго. Ушла за пенсией, подсказала ему ее подруга и соседка по лестничной клетке. Скоро придет. Тетя Наташа шла ровно час. Панкратов весь истомился, без конца прогревая машину. Домой к себе он так с утра и не зашел. Противно было. Да и боялся, что, увидев жену, не выдержит и...

Лучше было не рисковать, а попытаться сперва навести справки. Трое из опрошенных, те, чьи окна выходили во двор, в тот день ничего не видели. Темнеет рано, привычки сидеть возле подоконника, грея ноги на батарее, ни у кого, кроме тети Наташи, не было. А она, как на грех, запропастилась.

– Сереженька, голубчик, как я рада тебя видеть, – расплылась в улыбке полная пожилая женщина, безропотно позволяя взять у нее из рук тяжелые сумки с продуктами. – Почему не на работе?

– А я как раз и на работе, тетя Наташа. Я к вам по делу. Есть несколько вопросов. – Панкратов послушно замер за ее спиной, пока та долго ковырялась ключами в трех замках.

– А-а-а, поняла, поняла, – та сразу подобрала губы в жесткую скобочку. – Это по поводу того происшествия с Настенькой?

– Да, именно. С вами кто-нибудь уже проводил беседу?

– Да нет, никого не было, – тетя Наташа вошла к себе, едва не споткнувшись о здоровенного черного кота, подлетевшего ей под ноги. – Да и не видела я никого подозрительного в тот вечер. Все как обычно. Рассказывать-то особо нечего.

– А вы, как обычно, сидели возле окна?

– Ну да. Телевизор я не люблю. А тут снежок повалил, красота. Тихо так падает, бесшумно. Я к окошку-то и прильнула. И ничего. Никого чужого. – Она стянула с головы пуховую шаль, обмахнулась ею, поправила волосы, стащила старенькую цигейковую шубу, отдала ее Панкратову и пригласила его в комнату. – Ты проходи, проходи, Сереженька. Сейчас чайку организуем. Я тут за полцены черствые пончики купила в кафетерии. Сейчас распарю их, и чайку...

– Спасибо, тетя Наташа, некогда, – он не стал раздеваться, встав на пороге ее единственной комнаты. – Вы лучше вспомните, кто конкретно и когда входил в подъезд? Не сложно?

– Обижаешь, начальник! – воскликнула она совсем не по-стариковски, и сама рассмеялась своей шутке. – О, как я тебя! Не обиделся, нет? Вот и хорошо... А кто входил... кто входил? Сначала мальчик твой пробежал, странный такой, смешной. Потом почти сразу Настенька зашла, сначала, правда, постояла, на небо посмотрела, голову все кверху поднимала, тоже, наверное, на снег любовалась. Потом супруга твоя... Она сначала – Леночка-то – спустилась в подвал, ключи еще у меня брала от входной двери. Потом вышла, ключи отдала...

– А зачем она в подвал-то ходила? – изумился Панкратов. – Что-то не сказала ничего.

Заставить Ленку посетить выделенную их ЖЭКом клетушку под домом можно было только под выстрелом. А тут вдруг поперлась, да еще так поздно!

– Так она за крестовиной для елки туда ходила. Говорит, самого-то вечно не дождешься, а елку, мол, ей обещали с утра привезти. Елку, мол, привезут, а тети Наташи на месте не окажется. Вот она с вечера эту крестовину и достала из подвала. Я еще ей говорю, поругай мужа-то, Леночка, крестовина железная, тяжелая, наверное...

– Понятно, – перебил ее Панкратов.

Ему теперь стало ясно, чем именно Ленка шаркнула Настю по голове. Металлической крестовиной для новогодней елки! Эту крестовину Панкратов тоже привез из родительского дома и из своего счастливого детства. Прочная была, сваренная на заказ. Ленка ее притащила домой, чтобы с утра поставить елку. Но по дороге сцепилась с Настей по какой-то причине. Крестовину спрятала, и уж не до елки ей потом было – это точно.

– А мальчонка у тебя, Сереженька, забавный! Такой забавный! И на тебя очень похож. Так, может, все же выпьешь чаю, а? Хороший, наверное, мальчик...

– Да, да. – Панкратов двинулся к выходу. – Может, и хороший. Грубит часто, но они все в этом возрасте такие!

– Грубит? Ой, не знаю. Как такой мальчик может грубить? С детишками в школе утренники проводит, он сам мне сказал утром. И вдруг – грубит! Наговариваешь ты на свое дитя, Сереженька, – тетя Наташа погрозила ему пальцем, провожая до двери.

Он споткнулся, медленно повернулся и, уставившись на соседку неестественно вытаращенными глазами, прошипел:

– Что он проводит с детишками в школе?!

– Утренники! Он сам сказал! – Тетя Наташа от вида его перекошенного страхом лица даже попятилась.

– Вы спросили, а он сказал, – подытожил Панкратов. – А что заставило вас спросить его об этом, тетя Наташа? Чем таким забавным удивил вас мой сын, что заставило вас ему поверить?

– Так он в костюме Деда Мороза был, Сереженька! Летел сломя голову из школы, потому что поздно уже было. Летел домой, подол в руках держал от морозовской-то шубы, глазенки испуганные... Боялся, наверное, что припозднится. Забавный мальчик...

Забавный мальчик! Очень забавный мальчик его сын, по совместительству – преступник, которого разыскивает вся городская милиция! Очень забавный мальчик: состоял в шайке бандитов, которых в тот вечер спугнули. И они бросились все наутек, кто куда. А он вот поспешил к себе домой. Влетел на этаж, начал открывать дверь. За этим его и застукала Настя и, памятуя обо всем, что писали в предостерегающей статье, тут же проявила бдительность. Она бы подняла шум, непременно. Она бы разоблачила преступника, который ковырялся в замке чужой квартиры, намереваясь ее ограбить. Это понимали все, включая Ленку, которая поднялась за ними следом с тяжелой металлической крестовиной для новогодней елки. Она не могла не узнать своего родного сына, если его успела узнать Настя. И первое, что она сделала, пытаясь его защитить, – ударила соседку что есть сил по голове, прокравшись за спину и поднявшись на ступеньку выше. Потом, чтобы не привлечь ничьего внимания, пока Тимоха стоит, роняя соплю на пороге, она открывает дверь соседской квартиры. Втаскивает туда пострадавшую. Прикрывает дверь, опустив ключи себе в карман. А потом...

Потом начинаются разборки с сыном, затянувшиеся до его прихода. Поэтому-то она и сидела в

гостиной на диване, забыв переодеться и снять сапоги. Разборки ни к чему не привели. Происшествие решили сохранить в тайне. Он ведь им не защитник! Он ведь может и под суд их обоих оттащить! Честный ведь, гад!

Все было так или почти так. Осталось снять показания с пострадавшей, и дело можно отправлять...

Боже!!! Что же ему делать-то, боже, подскажи! Удаться, что ли, от беды такой?..

– Рехнулся, что ли, идиот! – попытался заорать на него Ваня Воронин, но язык его почти не слушался, вышло неубедительно. – Удаться он собрался!

– А как жить-то дальше, как? Промолчать?! А что дальше? Он же – поганец – и дальше начнет творить дела и сядет в конце концов. А Ленка! Сука, что натворила, а! Они же меня без ножа зарезали, Ваня! – Панкратов уронил голову на руки и замотал ею из стороны в сторону. – Что делать-то, Ванька?! Промолчать не могу! Не промолчу – их отдадут под суд! Хоть и сволочная, но семья же! Сын он мой, Ванька!

Они пили уже четвертый час. Пило много и зло, почти не чокаясь. Обмывать было нечего. Заливалось страшное горе, которое случилось у Панкратова. Ванькой было предложено три десятка вариантов, и ни один из них не устроил друга. Потому что утаить это от следствия он не мог. А не утаишь...

– Ладно, давай завтра ты у меня поспи, к Насте своей сходи. Она ведь пострадавшая. Может, уговоришь ее не подавать заявление, коли все так.

– Я не могу же об этом просить, идиот! – пытался орать Панкратов и тут же задыхался от резкой боли в груди. – Как я могу ее просить об этом, что ты городишь?!

– Молча, твою мать! Попросишь – одним висяком будет меньше. Ты не попросишь – я попрошу! А с этим Дедом Морозом мы как-нибудь... Замнем может, а? Вон прокурорский сынок в прошлом году сбил человека на пешеходном переходе. Насмерть сбил, Сереж, пьяный был вдугаря. А дело даже заводить не стали.

– Ты меня с этой гнидой не равняй! – кулак Панкратова навис над Ванькиной головой. – Я откупиться не могу, да и... Да и нечем. Они же столько квартир вскрыли, Ванька! Это же такая сраная статья! А посадят его... Сам знаешь, кем он с малолетки выйдет. Что делать?!

– Спать давай, Сереж. Завтра... Все завтра, идет?

* * *

Снег хрустел под ногами праздничной карамелькой. Сыпал сверху невесомыми ватными хлопьями, долетал до земли и тут же превращался в нарядно хрустящую карамельку. И голова, как ни странно, от этого хруста не болела. Что значит на воле! В больнице даже шорох жалюзи вызывал раздражение. А когда в палату врывались громогласные нянечки с медсестрами и принимались трясти тряпками, градусниками и громыхать тележками с размазанным по тарелкам завтраком, Насте хотелось плакать. И еще домой очень хотелось. Первый раз за последние годы остро хотелось домой, в свои стены. И первый раз с того времени – тьфу-тьфу, чтобы не сглазить, – захотелось новогодней елки в блестках мишуры. И гуся из духовки с зажаренной спинкой, и пирогов ароматных с курагой и корицей, и чтобы всюду – мандарины, мандарины, и конфет еще чуть-чуть.

Смешно! Смешно и странно: Новый год-то она пропустила! Пропала на больничной койке с перебинтованной головой. И Новый год, и Рождество. Еле-еле ее влиятельная тетя уговорила врачей отпустить ее хотя бы к четырнадцатому января домой.

– Полноте, батенька! – умасливала она всеми правдами и неправдами Настиного доктора. – Девочке давно уже хорошо. А дома будет еще лучше. Хватит ей уже государство объедать, она же здорова!..

Отпустили ее неожиданно, прямо утром тринадцатого. Настя даже суеверно пальцы скрестила, забирая больничный. Что-то ждет ее за воротами клиники в этот день?

А за воротами ждал ее сюрприз в виде мягко усыпавшего землю снега. Тишина, никакого ветра, и осторожно слетающие на землю снежинки. И еще – толпы беспокойно снующих по магазинам людей, не желающих вот так, за здорово живешь, расставаться с новогодними праздниками. Они бегали, улыбались и поздравляли друг друга с наступающим старым Новым годом. Раньше такого не было, этот праздник был не в чести. Теперь по-другому. И хорошо, что так. Настоящий-то она проспала!

Настя медленно брела по улице и тоже улыбалась всем. Кивала хмельным парням, зазывающим ее с собой на вечеринку. И чем ближе она подходила к дому, тем острее ей хотелось, чтобы там ее ждал кто-то. Пусть она откроет дверь своими ключами, которые ей отдал раздавленный недавними обстоятельствами Сергей Панкратов. Переступит порог, а там...

Может, все же тетя догадается поставить елку, а? Может, и пирогов напечет? Ну так хочется

потеребить мохнатую еловую лапку, потрогать блестящую сосульку, покрутить любимый шарик с чуть облупившимся краешком. А потом, когда стемнеет, погасить верхний свет, зажечь огни на елке, забраться с ногами на диван и смотреть, как вздрагивает от неуловимых сквозняков разбросанный по новогоднему дереву дождик.

День сюрпризов – тринадцатое января, удался! Да, да, да!!!

Тетя не напрасно вызволяла ее из больничных застенков. Она готовилась заранее. Настя остановилась во дворе, задрала голову и с улыбкой посмотрела на свои окна. Там – в окне гостиной, в ранних зимних сумерках особенно заметно, что-то странно моргало красным, голубым, зеленым. Это не могло быть ничем, только новогодней гирляндой, и она точно на елке! Где же еще ей быть, где?!

И лифт ее дождался, и домчал на этаж без задержек и поломок, хотя и те, и другие в их подъезде случались, и не раз. И дверь ее квартиры открылась сама собой, даже без ключа. Значит, ее там ждут.

Точно, ждали! Тихо бормотал телевизор в гостиной, пахло свежей хвоей. Смешная ее тетюшка! Смешная, родная и любимая! Люди уже избавляются от елок, а она ее, где-то раздобыв, только поставила. И пахло чем-то очень вкусно. Даже голова закружилась от пряного мясного духа.

Стянув шапку с коротко стриженных волос и пристроив на вешалке куртку, Настя разулась и, осторожно ступая в носках по дощатому полу, начала красться в гостиную.

Там и правда стояла елка, она не обманулась. Огромная, под потолок, нарядная – такая, что у нее в глазах зарыбило от огней и игрушек. Телевизор был включен. И все. В гостиной никого не было. Тетя наверняка орудовала у духовки. Да, вот и грохот посуды оттуда послышался. Только – странные дела – чертыхнулся кто-то совсем не ее, а мужским голосом.

– О! Ты уже вернулась, привет – Панкратов с силой дул на обожженные пальцы, глядя на Настю со смущенным ожиданием. – Я тут вот хотел тебе сюрприз подготовить. Ничего, что командую?

– Ничего. А... Тетя где?

– Тетя? Тетю я уговорил остаться сегодня дома. Ничего, что я снова командую? – Он схватил со стола полотенце, намочил его холодной водой, обернул им ладонь и кивнул в сторону газовой плиты. – Там у меня гусь. Хотел свинину зажарить, твоя тетка – упрямая, черт, – не позволила нарушать традицию. Не знаю, что вышло. Повар из меня... Настя... Ты это... Я ведь ни на чем не настаиваю...

– Это ты о чем?

Голова снова принялась кружиться, пришлось присесть на табуретку, хотя смотреть на Панкратова в таком положении было жутко неудобно. Он был высоким, большим и все время мотался туда-сюда, и еще... И еще он был необыкновенно красивым. Может, оттого и голова у нее закружилась?

– А мне волосы обрезали, Сережа, – Настя смущенно провела по коротко стриженному затылку. – Я, наверное, смешная теперь... Знаешь, я рада, что ты меня встретил.

Он замер на полпути от газовой плиты к раковине. Посмотрел на нее. Осторожно, чтобы не громыхать, поставил грязные миски в раковину и, прокашлявшись, сказал:

– Я тебя не встретил, Настя. Я тебя ждал! Очень ждал, когда ты вернешься.

– Правда?

– Правда, – он подошел, опустился на колени перед табуреткой, на которой она сидела, и прижался щекой к ее боку, осторожно приобняв. – Я так тебя ждал! Все боялся, что ты вернешься и не примешь меня, выгонишь.

– За что? – до его волос вдруг так захотелось дотронуться, а боязно было. – Почему я должна была тебя выгнать?

– После всего, что натворила моя семья...

– Кстати, как они?

– Они уехали. С Ленки после твоего заявления об отказе в возбуждении уголовного дела все обвинения сняли. А сын... Сына его подельники не назвали при допросах. Был очень крупный разговор с ним в отделении, решили на первый раз его как бы... простить.

– А ты? Ты его простил?

– Я? – Он крепко зажмурился и замотал головой. – Я – нет! Я не могу, Настя, простить его. Не могу! Ни ему, ни ей простить не могу того, что они натворили! Они уехали к ее родителям очень далеко, навсегда. Теперь я один, и прошу тебя...

– Замуж зовешь? – Она все же осмелилась тронуть его волосы, потом поцеловала в макушку. – Ты зови меня замуж, Сережа Панкратов! Очень прошу тебя, зови! И жди меня всегда, а я тебя ждать буду. Хорошо?

– Хорошо, – выдавил он из себя через силу.

Хоть бы уже разговор свернул куда-нибудь, а! Ну сил же просто нет, не хватало еще расплакаться у ног любимой женщины. Хотя стыда-то в этом и нет никакого, наверное. А все равно неловко будет.

– За елку тебе, Сереженька, спасибо, – она снова уткнулась губами в его макушку. – Я так хотела ее, так хотела! Где же ты ее взять сумел, середина января на дворе!

– О-о! Это очень длинная и очень интересная история. И рассказывать я ее тебе стану каждый раз в канун старого Нового года. Ведь каждый год этот праздник будет нашим, так ведь?..

Лариса Соболева

Маскарад у Дракулы

– Ни за что! Лучше удавлюсь.

Фразы эти Арина произнесла громко, с напором, будто спорила с невидимкой, а не стояла перед «зеброй», ожидая сигнала светофора. Народ справа и слева косился на нее, наверняка думая: еще одну выпустили из психушки, не долечив. От неловкости она сдвинула брови, окунула нос в пушистый шарф и, едва вспыхнул зеленый огонек, ринулась на другую сторону улицы.

Нехорошо получилось. Выплеснула негативные эмоции прямо на улице. А все из-за Марка. Со вчерашнего вечера он не позвонил ни разу. Ну, поссорились, ну, может быть, она была не совсем права, но он тоже показал себя не с лучшей стороны: взял и ушел. И ни звука. А Марк – мужчина. Сие звание обязывает быть снисходительным и великодушным, а он предпочел выдерживать характер. На носу, между прочим, Новый год. Он хочет оставить ее одну? Ей, что ли, звонить первой?

Только ее внутренний монолог достиг апогея, как вдруг Арина поймала себя на том, что вторично открыла рот и чуть было не выкрикнула: «Ни за что!» Сдержав порыв, для чего пришлось остановиться, она пару раз вдохнула морозной свежести и огляделась. Ах, да! Ей же надо в супермаркет. Только свернула к дверям под праздничными вывесками, как за спиной услышала:

– Аринка!

Она резко затормозила... Нет, это не Марк. А хотелось, чтобы он. Услышав вторично свое несовременное имя, Арина обернулась и раскрыла глаза от удивления – к ней бежал...

– Антошка?!

Улыбка появилась сама собой, глаза заискрились, как новогодние огни, и лицо осветилось радостью. Как же не радоваться, когда школьная любовь, давно прошедшая, но оставившая чистый след в памяти, несется на тебя, хватает, обнимает, кружит, громко смеясь? Повиснув на его шее, Арина жмурилась, чтобы не закружилась голова. А из прохожих никого не удивляла бурная встреча, ведь в канун Нового года всякое случается. В это время каждый человек ждет чего-то невозможного, но вдруг, как по взмаху волшебной палочки, осуществимого – без всяких усилий.

– У, какой ты стала! – сказал Антон. Правда, при этом было непонятно: похвалил он или выразил сочувствие. – Еле узнал.

– Ты тоже изменился, – рассмеялась она, стряхивая с его волос сухие крупинки снега. – Мужик! Ей-богу, мужик. А был хиленьким, невзрачным, непропорциональным, с голосом сломанного саксофона.

– Есть время? Может, кофейку выпьем?

– Согласна. Не виделись же сто лет!

– Двенадцать, – уточнил он, беря ее под руку. – С выпускного. Идем, место знаю, тут недалеко... там готовят отличный капучино.

Да, напротив нее сидел мужчина, который мало был похож на школьного друга, носившего ее портфель и занимавшегося с ней бесплатным репетиторством по математике. Антон окреп, похорошел, хотя для парня это не совсем удачное слово, тем не менее в лице его появилась жесткость, что делает мужчину именно мужчиной. А шевелюра русых волос осталась прежней – непокорной и густой. Ожидая, когда принесут заказ, Арина достала мобильник, но нет – она не пропустила звонок. Его, звонка, все не было... Подперев кулаком подбородок, она слушала Антона, стараясь освободиться от мыслей о Марке.

– Из нашего дружного класса осталось всего ничего, остальные кто где. Все переженились по сто раз, столько же раз успели развестись. Кроме Ольки, она застряла в старых девах.

– Странно, самая красивая была, – вставила Арина.

– Почему была? Она и есть. Помимо красоты, Аринка, нужно еще иметь огонек внутри, чтоб притягивал, а Оля холодная, как дамаская сталь. Ты-то где пропадала? Ни разу не захотела встретиться со старыми друзьями, а ведь приезжала в город, я слышал.

– Дня на два, мама от себя не отпускала, – оправдывалась Арина. – Я училась, Антоша. На хирурга учатся долго и упорно. Потом ординатура, потом устроилась здесь, привыкала. Я так мечтала лечить одноклассников, а вы все не болеете. Замуж меня тоже не берут... Да, а как Боб, Зайчонок, Милка?

– Зайчонок – жена моя, родила сына. Боб... Слушай, ты где встречаешь Новый год? Небось традиционно: с мамой и папой?

– Не определилась, – неуверенно произнесла Арина, потому что с Марком должна была встречать, а

он... негодяй!

– Тогда приглашаю тебя к Бобу! – сказал он. – Там увидишь нашу компашку.

– Как-то неудобно... – попробовала возразить она.

– О каком неудобстве идет речь! – воскликнул Антон, едва не смахнув чашку со стола. Он и раньше отличался необузданным темпераментом. – Даже не думай! Приходи, посмотришь, как весело мы проводим время благодаря Бобу, в котором погибли великий режиссер и актер, вместе взятые. На Восьмое марта разыграли сцены из средневековой жизни, на его день рождения дом и сад наполнились привидениями, а прошлый Новый год боролись с коварным алхимиком и его фокусами.

– Поняла, Боб устраивает маскарад.

– Не совсем. Это надо увидеть собственными глазами. Прилетай, будет прикольно. Водку пить всю ночь скучно, Боб придумал развлечения, и как их сооружает! Он классный изобретатель, в прямом смысле слова. Адрес сейчас напишу...

Он настроил на бумажной салфетке несколько строк, Арина, не глядя, сунула записку в карман пиджака. Поговорили еще с полчаса и разбежались.

В десять она была готова и стояла перед зеркалом, недовольно скривив губы. Казалось, наряд получится отпадный – вырезано все, что можно и нельзя. На деле же – сплошное золото: веснушки, рассыпанные по всему телу, волосы с золотым отливом, платье в стиле золотого слитка, в довершение и глаза золотистые. Но и тут Арина нашла положительный фактор. Это намек для Марка: я – золото, а ты не ценишь. Стрелки подбирались к одиннадцати, но он даже не позвонил.

– Ну и катись к черту, – психанула Арина, оглядев сквозь слезы любовно сервированный стол на двоих.

Нашел время учить ее уму-разуму! Нет, такое не прощается. Она отыскала адрес Боба и, прихватив бутылку шампанского с коробкой конфет, вызвала такси.

В половине двенадцатого Арина вошла в роскошный дом Боба под громкие возгласы:

– Смотрите, кто пришел!

– Аринка! Ты ли это?

– Выглядишь супер!

– Наконец-то наша хирургическая богиня соизволила вспомнить школьных друзей.

Последнюю фразу кинул слегка высокомерным тоном Эрнст. Годы несутся, а он как был над всеми, так и остался, хотя заматерел и приобрел вид крутого начальника. Но Арину переполнила радость встречи, она всем улыбалась, всех целовала в щеки, отмечая, что изменились друзья очень сильно. В то же время в каждом осталась толика тех мальчишек и девчонок, которых она помнила.

– Боб! – воскликнула Арина, увидев перед собой крупногабаритный «контейнер». Когда-то Бобриков был всего лишь высоким и нескладным, а теперь... – Боже мой, какой ты большой! Подойти страшно.

– Не бойся, – пробасил Боб, раскинув руки в стороны. Он легко оторвал ее от пола, потряс в воздухе. – Аринушка-милушка! Судя по весу, медицине платят маловато. Познакомься с моим ангелом-хранителем. Зовут – Влада. Умница, бизнес-леди, классно готовит, лучшая на свете жена, но строгая. Я ее боюсь. Иногда.

Он не добавил – красавица, что, собственно, было справедливо. Пожалуй, Влада проигрывала всем присутствующим женщинам, однако стройная фигура скрашивала впечатление от невыразительного личика, тонкой шейки и длинных рук. Арина пожалала узкую ладонь Влады, а Боб, обняв ее за плечи, продолжил знакомить:

– Это мой друг и муж Милки, Лев. Он настоящий лев, глава прайда, детишек Милка наплодила троих...

– Неужели? – поразилась Арина и немного позавидовала чужому счастью.

– Это Кирилл, он предприниматель и бойфренд небезызвестной тебе Жанны. А это Петр. Архитектор. Если надумаешь строить дом, Петя нарисует проект, о каком не мечтают наши олигархи. Да что там, посмотри на мой дом – его произведение.

– Оля! – взвизгнула Арина, кинувшись обнимать не земное создание, но и не божественное. Ольга была дьявольски красива, такой красивой просто неприлично быть, с ней же рядом нельзя стоять, обязательно почувствуешь себя дурнушкой.

– Рада тебя видеть, – сказала Оля, поцеловав Арину. – Где ты сейчас?

– Ребята, потом поговорите, пора за стол, – несколько раз хлопнула в ладоши Влада. – Арина наверняка голодная.

– Ужасно, – не отрицала та, позабыв о Марке и недавнем испорченном настроении. – О, какой стол!

Арина не покривила душой, стол действительно был не только богатым, но и замысловатым. Во всяком случае, она, привыкшая к традиционной новогодней кухне, не определила бы, что за блюда здесь представлены. Ну, кое-как ветчину и колбасы различила, но тонкие рулеты с начинкой смотрелись необычно.

– Все жена, – похвастал Боб. – Зайчонок ей помогала.

– В качестве подсобного рабочего, – поскромничала пушистая Зойка-Зайчонок. Вот кто законсервировался: те же взбитые беленькие волосики, та же очаровательная рожица с естественным румянцем, наивные глазенки.

Голодная Арина не успела прожевать кусок сладковатой снеди, как вдруг последовал приказ Боба:

– Отключить и сдать мобилы! Ничто не должно мешать нашему празднику, выслушаете поздравления, а также всех поздравите завтра.

Антон прошелся по комнате с корзиной, куда бросали отключенные мобилы. Подчинилась и Арина, хотя не понимала, зачем отключенный сотовый еще и сдавать. Она посмотрела на дисплей – без пятнадцати двенадцать, звонков не поступало. Значит, Марк, так, да? Ну ладно! Арина кинула телефон в корзину, затем хищно обвела глазами стол – с кем бы роман закрутить? А что! Новый год желательно начать с нуля. Кажется, архитектор Петя без дамы. Лицо аскета, больного анемией, губы тонкие, челюсть слегка выдвинута вперед... Не очень. Но, может, он человек хороший, в отличие от Марка?

Куранты! Все встали, высоко подняв бокалы, и с последним ударом соединили их разом.

– Ура! С Новым годом!

– Лишь бы он не стал новым гадом! – съязвил Эрнст.

– С новым счастьем!

– Счастье пусть у меня останется старым! – пропищала Зайчонок.

Заглушая звук телевизора, Мила пробарабанила туш на фортепьяно, тогда как Арина уплетала все, что попадалось. Но поесть досыта не дали, Боб скомандовал:

– Все во двор! Берем только шампанское, бокалы и...

– Опля! – с подносом появился Антон. – Все готово!

В прихожей похватали одежду, выскочили во двор, где горела небольшая елка, а с неба сыпалось недоразумение в виде мелкой крупы. И все же это был снег! Выпили, танцевали дикие пляски, пускали салюты в небо, дурачились. Вспомнили детство! Нет, наверное, в душе все так и остались милыми детьми.

Внезапно погас свет. Но только в доме и во дворе Боба. В наступившей тишине Арина разочарованно протянула:

– Какая жалость...

– Это начало сюрприза Боба, – шепнул ей на ухо Антон, стоявший сзади. – Помни: это шутка.

– Ты меня пугаешь, – хохотнула Арина. – И, боюсь, сюрприза не увижу, темно же – я тебя не различаю.

Ой, а наша компания уменьшилась... Где все?

– Идемте в дом, я замерзла! – подпрыгивала Зайчонок.

– Рано, – сказал Антон. – Мы получим сигнал, когда заходить.

– Ой, что будет... – загадочно промурлыкала Мила. – У меня заранее душа уходит в пятки.

– Да что будет-то? – озадачилась Арина.

– Очередной дурацкий прикол Боба, – сказал Эрнст, отпивая из бокала шампанское. – Нервы нам пощекочет.

Слабый свет замерцал в окнах первого этажа.

– Пора, – Антон двинул первым, за ним поплелись, осторожно ступая, Мила, Зайчонок, Арина, Эрнст и Жанна.

В прихожей было темно – хоть глаз выколи, тоскливая музыка доносилась из гостиной. Кое-как повесили одежду, после чего Антон распахнул дверь. Зайчонок взвизгнула. Арину одолевало любопытство, она протиснулась вперед, вздрогнула от неожиданности, схватившись за грудь, замерла.

Горели свечи. Праздничный стол был сдвинут, на его месте стоял – о, ужас! – гроб. Натуральный. С крышкой. Антон захохотал и заплодировал, Арина покосилась на него с подозрением: не заболел ли он идиотизмом? Нет, не болен, ему понравился «прикол», как и его Зайчонку, которая прикрыла ладошкой рот и от восторга попискивала. Не зная, как реагировать, потому что к подобному сюрпризу Арина не была готова, она перевела взгляд на остальных зрителей, словно ища поддержки. Оля взирала равнодушно, Мила закусила нижнюю губу и съежилась, Жанна усмехалась, Эрнст нацепил брезгливую гримасу и под нос буркнул:

– Гроб – плохая примета.

Ну, хоть не одна Арина шокирована.

– Мы не суеверные, – весело прошептал Антон.

Забили тамтамы. В следующий миг все содрогнулись – крышка гроба с грохотом упала на пол, внутри на белой простыне лежала Влада в черном одеянии. И еще раз вздрогнула Арина, потому что рядом раздались свист Антона, визг Милы и Зайчонка, хлопки. И полная жуть началась, когда хозяйка дома

принялась дергаться в гробу, затем села, взмахивая руками, потом встала. Танец, пардон, в гробу носил импровизационный характер, надо сказать, двигалась Влада неплохо, сексуально, хоть в стриптиз-клуб отдавай ее. Вдруг черный балахон соскользнул с нее, она осталась топлес – в одних черных трусиках.

– Экзотично, – сказал Эрнст. – Какие ножки...

Влада размахивала руками, мотала во все стороны волосами, извивалась. И тут заговорил Боб, явно в микрофон, растягивая слова:

– Люди! Вы попали к вампирам. Только кровь спасет вашу жизнь! Найдите стеклянный сосуд емкостью один литр с наклейкой «Кровь», отдайте графу Дракуле. Подсказка: поиски начинайте со второго этажа.

– За мной! – заорал Антон, пересекая гостиную.

Арина, будто конченная кретинка без мозгов, ринулась за всеми. Но на лестнице внезапно поднялась тень, раскрыла черные крылья, зловеще зарычала.

– А! – завизжала Зайчонок. – Боб, ты ненормальный! Я чуть разрыв сердца не получила.

Боб, закутанный в черную ткань, очутился наверху и прогремел:

– Я граф Дракула! Ищите! Ищите! Берите подсвечники!

Кирилл вынес поднос с различными подставками для свечей (очевидно, всеми, что нашлись в доме), при этом показал вампирские клыки, но уже никого не напугал. Свечи разобрали. Участники поисков разделились на пары, распределили комнаты. Арине досталась Мила и гардероб. Но только они пошли по коридору, как из двух дверей появились на полу...

– Крысы! – ринулась назад Мила.

Тут уж и Арина завизжала, а Зайчонок так просто повисла на шее мужа, поджав ноги и уронив свечу.

– Это муляж! – перекрывая визг, сказал Эрнст. В доказательство он поднял «крысу» на упругом прутике, потряс ею. – Это мех. Искусственный мех. Граф Дракула не соизволил придать тряпкам форму грызунов, но соорудил их наподобие марионеток.

– Ой, правда, – встала на ноги Зоя и потрогала лохматые лоскуты.

Из двух противоположных комнат, откуда появились «крысы», выбежали Петя и Боб, дьявольски и очень неестественно хохоча, помчались в конец коридора и взбежали по лестнице на третий этаж.

– Зайчонок, – поднимая погасшую свечу, сказал Антон, – эдак ты пожар устроишь, если будешь ронять огонь, мы не расплатимся. Все, расходимся по комнатам.

Арина вошла в гардеробную. Мила держала оба подсвечника, предложив вести поиски Арине. Та перебирала плечики с одеждой.

– У Боба дивная фантазия, – сказала она. – Как ему в голову такое приходит?

– Однажды он приехал из Европы, где побывал на представлении, – шла за ней Мила, высоко подняв обе свечи. – Забыла, как это называется... хеппининг... или шоккининг... не помню, но билеты жутко дорогие. Суть в чем: люди приходят, как в театр. Вдруг вместо спектакля выскакивает на сцену мужик и на глазах публики режет горло петуху и поливает свежей кровью первые ряды. Зрители в ужасе орут. Потом начинается потоп, зал заполняет вода, все бегут к выходу, а двери заперты. Тут выскакивают автоматчики и начинают стрелять. Народ в панике ложится на пол, а там воды по колено. А дамы – в мехах, мужчины – в костюмах... Когда все основательно вымокли, им объявили, что представление окончено. Пятнадцать минут кошмара, и – человек освобождается от стресса. Клин клином вышибается. Боб решил устраивать нечто подобное для друзей.

– Я как врач тебе скажу: теория клиньев – заблуждение... Ааа!!!

Дико закричав, Арина шарахнулась назад, едва не сбив с ног Милу. Да тут у любого поджилки бы затряслись – в шкафу-купе притаился скелет. Минутная пауза и – Мила начала хохотать, икая и хрюкая:

– Ой, не могу... Ты... ты... если б посмотрела на себя... Ха-ха-ха... Он же нарисованный! Флюоресцентной краской. На черной тряпке. А ты... меня чуть родимчик не хватил от твоего вопля. Уверяю: во всех комнатах Боб припрятал по такому же сюрпризу.

– Полагаешь, это смешно? – насупилась Арина. – По-моему, глупо. И жестоко. Смотри, что это у его ног?

– Бутылка! Да не бойся, возьми.

– Пустая, – повертев бутылку, сказала Арина. – Ой, нет... Здесь записка... «Ищите».

В коридоре закатывался от смеха Антон. Увидев Милу с Ариной, позвал их, открыв дверь в комнату:

– Идите сюда, девчонки! Я вам покажу такой прикол...

– Нет-нет, спасибо, – замахала руками Арина. – Мы тоже можем показать. Все, ребята! С меня хватит для первого раза (она надеялась, что это будет и последний раз). Подожду в гостиной, когда вы найдете кровавый напиток.

– Не вздумай сидеть там одна, – сказал Антон. – Для трусливых Боб готовит особое блюдо, тебе оно

мало понравится.

– Ха-ха! – нервно хохотнула Арина. – Тогда мне пора... наверное... домой. Уже поздно... то есть рано...

– Прошлый раз некоторые пытались уйти – двери были заперты, – сказала Зайчонок.

В коридор выходили участники поисков, делаясь впечатлениями о находках. Арина покачала головой:

– Ребятки, игры у вас злые.

– Перестань! – отмахнулась Оля. – Боб старался для нас. Столько бабок потратил, один гроб чего стоит, столько своими руками сделал... а вы недовольны. Потом месяц будете рассказывать знакомым, а те вам будут завидовать. Ну, что? Идем на третий этаж?

Три комнаты осмотрели все вместе, все, кроме Арины. Она осталась в коридоре и слышала визг со смехом, переговоры. На кого-то сверху свалился веник – очень «смешно»! Сосуда с кровью не нашли.

– Музыка! – Откуда-то взялся Петр, на которого положила глаз Арина, правда, за сегодняшнюю ночь уже и «отложила». – Это в мансарде.

Он взобрался по лесенке, откинул крышку люка, оттуда ударил неяркий свет. Взобрался Петя, за ним потянулись гуськом остальные, включая Арину, ее буквально подталкивала в спину Мила. Попадая в пустую, обитую деревом мансарду, все так и замирали, открыв рты.

– Супер! – выдохнула Зайчонок. – Боб – великий мастер!

Признаться, Арина тоже поразилась и его фантазии, и затраченным усилиям. Надо же – сплести из веревок нечто вроде паутины, которая спускалась с балок у стены напротив, концы ее были привязаны к деревянным ручкам, прибитым к противоположной стене. Короче, получился большой гамак, при том, что середина мансарды осталась свободной. А в паутином гамаке лежала в красном одеянии Жанна с распущенными черными волосами, закрывавшими половину лица. Красиво лежала: одна нога поджата к животу, корпус прямо, руки, как плети. А кругом – свечи, свечи разных размеров. На самой середине мансарды висела обычная литровая бутылка вина, подвешенная за горлышко к потолку.

– Вы нашли сосуд! – возвестил Боб. Все оглянулись. Боб стоял с сувенирным кубком, сверкая пластмассовыми клыками, рядом с ним находился Кирилл и щелкал фотоаппаратом. – Арина! Тебе, как новичку, поручается взять сосуд с кровью прекрасной девы, которую мы поймали сегодня ночью, и налить ее кровь в этот кубок.

Арина подошла к бутылке с приклеенной бумажкой, на которой было написано «Кровь», но, как ни старалась развязать узел – не получилось.

– Мне бы что-нибудь острое, – сказала она.

Эрнст дал складной нож, Арина отрезала веревку, прочла еще одну, настоящую наклейку. Вино испанское. Тут же откупорили, налили вино в кубок, первой разрешено было испить «крови» Арине, потом приложился Боб, далее кубок переходил из рук в руки... Щелкал фотоаппарат, вспыхивая и слепя всех.

– А что дальше? – спросила Зайчонок.

– Вы стали вампирами! – прогремел Боб. – Идите вниз и продолжайте пить кровь, есть мясо под соусом из крови, плясать вампирские пляски. Скромность не поощряется, разнузданность и свобода – вот наш девиз!

Смех. Зойка и Мила целовали Боба, засыпав его похвалами. Ну, в общем-то, необычно придумано, с перчиком. Эта ночь надолго запомнится. Арина посмотрела на Жанну, та не выходила из образа прекрасной девы, убиенной вампирами, не шевелилась. Пора бы и ей приложиться к кубку, ведь она тоже должна стать вампиром после экзекуции. Да не спит ли Жанна? Хотя при таком шуме спать можно, если только напьешься до потери памяти или снотворного горсть проглотишь. Вдруг на темном полу под гамаком и под Жанной от вспышки фотоаппарата что-то блеснуло. Арина подошла ближе, присматриваясь, наклонилась. Лужица. Темная лужица, судя по всему, густая... Снова вспышка... Радостные крики, смех...

Арина сглотнула терпкий комок, застрявший в солнечном сплетении, – ей показалось, что пятно похоже на кровь. На настоящую кровь. Она подняла глаза и только сейчас рассмотрела неестественную бледность Жанны. Арина откинула волосы с ее лица...

– Не может быть, – тихо, почти неслышно прошептала она. Взгляд ее упал на грудь, потом на живот... Хламида мокрая... Арина выпрямилась. – Ребята!

Ее никто не услышал, все собирались спускаться вниз.

– Ребята! – крикнула Арина. – Жанна мертва!

Наступила тишина. Только потрескивали свечи.

– Что за шутки? – пробасил Боб, выйдя из роли графа Дракулы.

– Аринка перехватила у тебя эстафету и пугает нас, – хихикнула Мила. – Дорогая, не страшно. Вот когда скелет нашли...

– Это не шутка, – повернулась к ним Арина. – Жанну кто-то... кто-то... (выговорить – вот что страшно) кто-то убил!

Снова воцарилась пауза, необходимая для осмысления нелепого слова «убил». Внезапно все разом кинулись к паутине-гамаку проверить – так ли это, но Арина остановила их жестом:

– До прихода милиции к трупу никто не должен подходить!

– Ты уверена? – подал голос Антон. – Она, правда, того?..

– Я – врач, – сказала Арина. – Отличить мертвого от живого могу.

– Почему ты решила, что она убита? – истерично выкрикнула Зайчонок. – Может, Жанна сама...

– В области живота проколото платье, а под ней на полу лужа крови. Думаю, удары нанесли острым предметом, возможно, ножом. Орудия убийства рядом нет, значит, ее... – Наличие трупа, к тому же школьной подружки, привело Арину в ужас и трепет, дрожали руки и колени, хоть она и была врачом. – Включите свет... погасите свечи.

Загорелся электрический свет, рассеяв атмосферу таинственности и обнажив то, что скрывал полумрак. Закричала Зойка, это был уже вопль настоящего ужаса, а не испуг в игре, когда знаешь, что все закончится бокалом вина. Рыдающего Зайчонка увели, Арина уходила последней, но, перед тем как спуститься, оглянулась...

– Господа, мясо с кровью! Вампирам пора подкрепиться... – пригласила к столу Влада. Пасмурные лица друзей ее насторожили. – Что случилось?

Никто не ответил. Гости расселись кто где, но каждый в отдельности, только Зайчонок липла к мужу. Арина задержалась у входа, что-то мешало ей войти, отделив невидимой преградой от этих знакомых и незнакомых ей людей. Не что-то, а кто-то мешал! Тот, кто убил Жанну. Арина взялась за голову и оперлась о дверной косяк.

– Господи! – проговорила она, с опаской глядя в гостиную. – А ведь убийца – среди нас!

Несколько пар глаз уставились на нее, словно она сделала всемирное открытие, тянувшее на Нобелевскую премию. В этой угнетающей тишине завис молчаливый вопрос: кто? Конечно, убийца тоже взирал на Арину, но разве он признается?

– Не понимаю, какой убийца? – пролепетала Влада. – А где Жанна?

– В мансарде, – проговорил Петр. – Арина утверждает, что ее убили.

– Боже! – упала в кресло Влада.

– Кто-нибудь, вызовите милицию, – повысила голос Арина.

К телефону кинулся Кирилл, он тыкал в кнопки пальцем, слушал трубку, спросил Владу:

– А он работает?

– Конечно, – она взяла у него трубку, послушала. – Ничего не понимаю! Никаких гудков. Принесите мобильники.

В прихожую отправился Антон, так как именно он относил туда корзину с трубками. Вернулся без корзины:

– Кто-нибудь переносил корзину? (Молчание). Я поставил ее в прихожей на стол... (Молчание и угрюмые взгляды). Эй, кто пошутил? Моя мобила стоит офигенных бабок, отдайте.

– Надо от соседей позвонить, – подала идею Мила.

На этот раз поднялся Боб и махнул Петру, мол, идем вместе. Но и они вернулись в гостиную растерянные, Боб развел руки в стороны:

– Дверь заперта...

– Но ключ был у тебя, – сказала Влада.

– Я запер дверь и положил его в самое надежное место – под коврик в прихожей. Там пусто.

– Прекрасно! – взметнула вверх руки Арина и нервно заходила взад-вперед. – Мы не можем позвонить, не можем выйти... Но есть же окна!

– На первом этаже решетки, они не открываются, – сказал Боб. – А со второго этажа прыгать... Есть желающие шею свернуть?

Как ни странно, желающих не нашлось. Оля, закуривая и сохраняя полнейшее спокойствие, ровным голосом, однако скептически, произнесла:

– Классический детектив. Есть труп, есть место, откуда не выбраться, есть подозреваемые – все до одного. Осталось начать расследование собственными силами и получить еще парочку трупов.

– Чтобы подозревать всех, надо знать мотивы, – подала голос Мила. – Лично я не могу подозревать всех подряд.

– Тем не менее Жанна убита, – процедила Арина. – И кто-то нарочно испортил телефон, спрятал мобилы и ключ.

– Раз они спрятаны, будем искать, – поднялся Эрнст. – Мобилы – не ключ, их спрятали в доме, найдем.
– А кому в голову пришла идея собрать мобилы? – спросила Арина.
– Мы всегда так делаем, – ответил Боб. – Не помню, кто первый предложил... Ладно, идем искать мобилы.

– А я исследую телефонный провод, – поднялся и Антон.

– Я с тобой! – подскочила Зайчонок.

– Зойка, оставь мужа, – с тайным умыслом сказала Арина. – Ты со мной пойдешь. Верхние комнаты мы недавно осматривали, думаю, горку мобильников заметили бы. Давайте поделимся на пары и обследуем нижние комнаты.

Теперь Арине досталась библиотека, они начали со шкафов внизу стеллажей. Вернее, начала Арина, Зойка жалась к стене, прислушиваясь, и лепетала:

– Кошмар! Поверить не могу. Неужели среди нас – убийца? Я никого не подозреваю, а ты?

– Сейчас я думаю, как сообщить милиции, – отозвалась та.

– Странно, странно...

– Что именно? – не придавая значения ее словам, спросила Арина. Она намеренно взяла Зойку, из которой глупости сыпались как из рога изобилия.

– Почему Жанну убили? Уж кого-кого, а ее не за что.

– Остальных есть за что? – Арина перешла к следующему стеллажу.

– Как тебе сказать... Ты человек новый, многого не замечаешь...

– Чего же я не заметила?

– Например, что у Боба с Владой натянутые отношения. Боб гулена, обожает баб, а Влада страдает. Как женщина я ее понимаю. Но, с другой стороны, она же погрязла в своем бизнесе. Стала как сухарь! Командовать только и умеет. Да еще гребет бабки лопатой, для мужчины это унижительно. Ему нужны ласка, нежность, забота.

Точно, нужна. Если б Арина не стала в позу независимой дуры, встречала бы Новый год с Марком, а не с трупом.

– И кто же приласкал Боба? – спросила она так, словно это ей было неинтересно.

– Не знаю, не знаю. Во всяком случае, не Жанна. Она его как раз недолюбливала, а дружила с Владой. Между прочим, Милка говорила мне... э... по секрету, что и у Владки есть любовник. Но не сказала, кто он. Правильно делает. Я бы своему тоже сначала рога наставила, а потом голову вместе с рогами отпилила бы.

– Весело тут у вас! Зойка, что ты стоишь? Посмотри в диване и креслах, кажется, они раскладные.

Стеллажи занимали три стены, у окна находился стол, диван и кресла стояли посередине. Зайчонок нехотя двинулась к мягкой мебели, но вдруг застыла в нелепой позе, словно наткнулась на препятствие.

– У нас еще один... – паническим шепотом произнесла Зоя.

Арина рванула к ней. На диване лежал муж Милы Лев, голова его была повернута в сторону, одна рука безвольно свесилась... «Убит», – мелькнуло в голове Арины. Обе в ужасе посмотрели друг на друга и разом закричали, да так, что у самих едва не лопнули барабанные перепонки. «Труп» Льва хрюкнул, распахнул глаза и сел, промямлив:

– Что? Что такое? Вы чего? Чего орете?

В библиотеку влетели перепуганные гости, Арина поспешила заглядывать инцидент:

– Мы искали, а тут он на диване... Думали, и его у... А он спит.

– Ну, сплю, сплю, – сонно пробубнил Лев. – Я сутки дежурил, мне ваши приколы до фонаря, выпил и пошел тихонько прилечь. А эти разорались...

– Лева, идем, я провожу тебя в комнату с кроватью, – предложила Влада, осуждающе посмотрев на его жену Милу, которая беззвучно захохотала. Это уж наверняка истерика.

Все разошлись, Зоя упала в кресло и громко выдохнула:

– Фу-ух! У меня сотрясение тела от всего этого. Арина, ты заметила, кто не прибежал на наши вопли? – и перешла на шепот: – Боб и Оля!

– Ну и что? – Арина продолжила поиски мобил.

– Да так, ничего, – загадочно усмехнулась Зоя. – Спорим, что они в кабинете Боба? Хотя эту свалку кабинетом не назовешь. Арина, давай посмотрим, что они там делают?

– Зайчонок, это нехорошо... – однако Арина сомневалась, что подглядывать в такой исключительной ситуации нехорошо.

– Идем, идем, – звала ее жестами Зоя, подходя к двери.

Она высунула голову в коридор, затем снова махнула рукой, мол, иди за мной. Арина помимо воли потянулась за ней. А Зойка очутилась уже в конце коридора, прильнула ухом к щели, делая знак подруге:

тише! Пришлось снять туфли и взять их в руки. Зайчонок пружинила на цыпочках, закрыв ладонью рот, Арина беспардонно отодвинула ее, послушала приглушенные стоны... Взяв Зойку за руку, потащила ее в библиотеку.

– Во дают! – бухнулась в кресло Зоя. – В доме труп, а у них секс! Слушай, не очередной ли это прикол Боба? Может, Жанка жива?

– Нет, – мотнула головой Арина.

– Я пойду и посмотрю, там ли она, – завелась Зоя, подскочила. – Нас трясет, а Боб... Потом будет над нами же ржать. Ты идешь?

Ну, что с ней, неугомонной, делать? К тому же Арина утонула в сомнениях, уже не доверяя себе – хотелось верить в розыгрыш. Мало ли, может, Боб в своих «приколах» достиг уровня Дэвида Копперфилда? Шли босиком, но с туфлями не расстались, передвигались на цыпочках, никого не встретив, слыша голоса. Лестница в мансарду. Залезли до половины, накусили – Жанна на месте.

– Ой, смотри, Арина, что это на полу?

Зоя есть Зоя, ей надо посмотреть собственными глазами, даже мертвой не побоялась. Арина ринулась за ней, рывкнув:

– Не трогай! Ничего не трогай! – Зоя присела перед веревочной паутиной, Арина тоже, рассматривала металлическую зажигалку. – Раньше ее здесь не было. Когда я уходила, осмотрела пол. Значит, кто-то подбросил...

Бах! Девочки так и сели на пятые точки. Люк был закрыт. Бросились поднимать крышку – не вышло. Зоя догадалась:

– Нас заперли! – Зайчонок принялась стучать каблуком туфли по крышке. – Откройте! Эй! Выпустите нас! Давай вместе, Аринка.

Забарабанили каблуками, в такт и вразнобой – как получалось, и звали на помощь. Полчаса – и охрипли. Вдруг внизу раздался голос:

– Кто там?

– Антошка! – запищала Зайчонок. – Это я, твоя жена. И Аринка. Выпусти нас!

Люк открылся, Зоя и Арина буквально скатились на этаж, прислонились спинами к стене, дышали так, словно долго занимались спортом.

– Вы что там делали? – поднял брови Антон.

– Хотели уличить Боба, – зачастила Зоя. – Думали, он инсценировал смерть Жанны... Ой, потом расскажу.

– Ни черта я не понял. Идите вниз, сейчас милиция приедет.

– Мобилы нашли? – спросила Арина.

– Нашли, – хмыкнул Антон. – В мусорном ведре. И ключ лежал под ковриком, Боб его не заметил. А телефонный провод кто-то обрезал. Вырезал сантиметров десять, чтоб мы не соединили. Ну и год начался!

Прибыла милиция, велись допросы, составлялись протоколы...

Арину подвез Антон; вошла она в подъезд разбитая, еле ноги переставляла. Поднялась на этаж...

– Привет, – сказал Марк. Он сидел на ступеньках с открытой бутылкой шампанского и цветами на коленях. Отхлебнув шампанского, вяло поздравил: – С Новым годом.

Арина опустила рядом, забрала у него бутылку, отпила.

– Где была, Снегурочка? – поинтересовался он.

– Лучше не спрашивай. Почему не звонил?

– Я звонил. Без пяти двенадцать, когда приехал, а ты не открыла.

– В это время у меня забрали трубку, – вздохнула она и склонила голову ему на плечо. – Марик, прости меня. Я полная идиотка, и наказана.

– Поесть хоть дай. Я всю ночь просидел здесь. Если весь год будет такой, мне предстоит от голода ноги протянуть.

– Этого я не допущу! – пообещала она, чмокнув его в щеку. Какой он замечательный, умный, великодушный, а она глупа, как Зойка. – Я тоже не успела поесть в гостях.

– Чем же ты занималась там?

– На труп смотрела.

– Труп? Где ты его откопала?

– Кто ищет, тот всегда найдет. Идем, я столько всего наготовила...

Прошло несколько дней. Осадок после маскарада у Боба остался мерзкий. Арина нет-нет да и возвращалась мыслями к убийству, хотелось понять: кто и за что? Противнее всего было то, что убийца

подгадал момент, когда в доме будет разношерстная компания, поэтому подозрение упало на каждого. Получается, что Арину тоже подозревают! Она чувствовала себя отвратительно. Арина бегала в морг, выяснила результаты вскрытия и сделала вывод: убил мужчина. Потому что удары в живот нанесла уверенная и сильная рука, всего их было три. Наносились они сверху, значит, Жанна к тому времени лежала на веревочной паутине, готовясь к образу жертвы вампиров. Картина убийства надрывала сердце: к Жанне подошел человек, она не догадывалась о его намерениях, а он... Жанна наверняка кричала, звала на помощь, но ведь дом заполнила идиотская музыка, да и гости бурно выражали свои эмоции... Только за работой Арина отвлекалась.

После операции Арина шла к Марку, он работал в кардиологии. Ее остановила медсестра:

– Вас внизу ждет девушка. Сказала, ее Зоей зовут.

– Спасибо. – И она изменила маршрут. Зайчонок торчала в холле, еще издали Арина крикнула: – Зойка! Та, в пушистой шубке из ламы, кинулась к ней:

– Аринка! У меня миллион новостей. Где можем поговорить?

– Я переоденусь, посидим в кафе, ладно?

– Угу, – согласилась Зоя.

Кафе было недалеко, вполне приличное, во всяком случае, пространство не забивала громкая музыка, когда не слышишь собеседника. Заказали стандартный набор: кофе и пирожные.

– Ну? – улыбнулась Арина. – Выкладывай новости.

– Арестовали Боба! – выпалила Зоя. – За убийство Жанны. Нашли зажигалку, а на ней – его отпечатки.

– Но зажигалки не было, когда мы уходили из мансарды.

– Это не все, – расширила глаза Зойка. – В складках хитона Жанны нашли янтарный мундштук Боба.

Он же бросает курить, выкуривает пять сигарет в день, в основном сосет мундштук...

– А мотив? – разволновалась Арина.

– В смысле – причина? А, ну так Милка эти самые причины выложила. Наш Боб любвеобильный до жути, но боялся своей Владки. Как-никак, а она его содержала, он потихоньку...

– Короче, – перебила Арина.

– Он спутался с Олькой, а Жанна узнала и рассказала Миле, то есть советовалась, как ей быть. Ну, она хотела Владе рассказать. А Мила ей – мол, зачем, то да се, такую компанию разрушишь, где мы еще столько удовольствий получим на халяву? И посоветовала сначала поговорить с Бобом, чтобы он свои штаны держал обеими руками. Думаю, Жанна с ним говорила, поэтому он ее...

– Считаешь, это достаточный мотив, чтобы прирезать Жанну?

– А то! Да Владка выставила б его в одних штанах, которые он стягивает, видя задницу в обтянутой юбке. К сожалению, жены узнают об изменах в последнюю очередь.

– Зайчонок, Боб не убивал Жанну.

– Ну, знаешь! Следователю видней.

– Ты на машине? Подбрось меня к прокуратуре.

– Предупреждаю, – бежала за ней Зоя, – я водитель не ах, угроблю...

Следователь Зобов выслушал сбивчивый рассказ Арины и спросил:

– Чего вы хотите?

– Помочь, – опешила она, так как надеялась, что он ухватится за ее показания. – Я уходила последней, не было там зажигалки. Ее кто-то подбросил! И нас с Зоей запер тот, кто ее подбросил. Убийца почему-то не успел раньше подложить зажигалку и мундштук... Я, кажется, догадываюсь, почему он запер нас. Чтобы мы не увидели его! И вообще, мобильники спрятали, ключ Боб не нашел под ковриком, а потом вдруг он там оказался. Да-да, это все сделал убийца! Когда он подбросил улики, тут же все нашлось...

М-да, не очень она умеет выражать свои мысли.

– Кто вам Бобриков? – прищурился следователь.

– Мы учились в одном классе, дружили... Вот только не надо смотреть на меня так, словно я его тайная жена. Боб не убивал! Помогите мне встретиться с ним. Вы можете присутствовать. Ведь я была там, хочу задать ему несколько вопросов, полагаю, его ответы пригодятся вам... Пожалуйста...

К ее удивлению, он согласился.

Бедный Боб! Осунулся. Пал духом. И обрадовался Арине:

– Спасибо, что не считаешь меня душегубом.

– Боб, скажи, кто знал твой сценарий?

– Жена, разумеется. Она помогала шить костюмы. Собственно, мы разрезали ткани, скрепили их булавками, прихватили нитками – вот и все шитье. Кирилл и Жанна плели паутину из веревок. Петя

нарисовал скелетов и придумал, как сбросить веник на голову, когда входит человек.

– А гроб ты где взял?

– Купил.

– А как получилось, что Жанна исполняла роль прекрасной девы? Почему не Влада?

– Влада взялась исполнить вампирский танец в гробу, Жанне досталась роль девы на паутине.

Зобов хмыкнул: мол, ну и шуточки у вас! Арина бросила на него полный упрека взгляд и продолжила:

– Боб, а когда Жанна пошла наверх? Она же была во дворе, потом кинулась искать бутылку вместе с нами.

– Когда вы зашли в комнаты второго этажа, она отправилась наверх.

– Одна?

– С Кириллом. Если ты помнишь, он вынес свечи, потом вы разделились на пары. Жанна и Кирилл только для виду зашли в комнату, потом побежали в мансарду, где он помог ей переодеться и унес вещи.

– На третьем этаже он был уже с нами, – рассуждала вслух Арина. – Потом мы поднялись в мансарду. Боб, Жанна разговаривала с тобой по поводу Ольги?

– В смысле?

– У тебя с Олей связь, не отрицай, я знаю. Жанна тоже узнала и хотела поговорить с тобой, чтобы ты прекратил эти похождения.

– Она шпионила за мной? – покривился он. – Сволочь! Нет, не говорила. Арина, не заблуждайся на ее счет, Жанна была не такая благородная, как казалась. Она была завистливой, да и ко мне в постель сама лезла. Еле отвязался от нее, а она обозлилась. Послушайте, гражданин следователь, неужели бы я, задумав убить Жанну, сделал бы это в своем доме? Смешно, честное слово!

– Влада догадывалась о твоих похождениях? – спросила Арина.

– «Доброжелателей» всегда полно, но она умеет прощать.

После свидания с Бобом Арина только уверилась, что не он убил Жанну, но ее мнение Зобов не разделял, хоть и успокоил ее:

– Следствие не закончено, мы еще не нашли орудие убийства, так что будем работать.

А отпустить Боба отказался, дескать, улики против него.

Марку не нравилась ее обостренная тяга к справедливости. Историю с вампирами он считал сдвигом по фазе, ибо нормальные люди в новогоднюю ночь не разыгрывают ужастики с гробами, а веселятся по-доброму. Чуть не поссорились, однако Арина оказалась на высоте, скандала не допустила, ведь была рождественская ночь, она встречала ее с Марком. И не знала, чем еще помочь Бобу.

Седьмого января она забежала в кондитерскую купить торт, так как на вечер была назначена многообещающая встреча с родителями Марка. Но сдала назад, увидев Эрнста, который тоже покупал торт.

Вдруг Арина вспомнила, кто дал ей нож в мансарде, чтобы отрезать веревку! Нож оказался только у Эрнста. Кто еще из мужчин, внешне уважаемых, носит складной нож? Да никто. А у него был! И припомнила: кто-то отрезал кусок телефонного провода... Неужели Эрнст его перерезал? И сразу вопрос: а убить он мог? Лезвие его ножа небольшое, однако достаточное, чтоб исполосовать брюшную полость.

Арина буквально упала на стул в кафетерии, опустила голову, чтобы он ее не узнал. Проследить за ним – вот что она задумала. Он вышел на улицу, Арина сначала кинулась к окну, чтобы посмотреть, в какую сторону он пойдет. А ни в какую! Эрнст курил у витрины. Подъехала машина, он залез в нее, поцеловал женщину в губы, а женщиной оказалась... Влада. Арина поймала такси и помчалась за ними. Влада привезла Эрнста в свой дом. Вот-те нате!

Зайчонок говорила, что у Влады есть любовник, итак, это Эрнст. И у него единственного был нож, а Влада знала сценарий... У них что, сговор был? Убить Жанну, подбросить улики, чтобы в тюрьму попал Боб? Зачем же так жестоко мстить неверному мужу? Разве недостаточно развестись? Арина ничего не понимала.

Дома она набрала номер Зобова:

– Помните, кто-то перерезал провод?.. Так вот, Эрнст носит складной нож, я отрезала им веревку в мансарде. Полчаса назад Влада привезла его домой, они любовники. Мне кажется... это они... Но я могу ошибаться. Я боюсь ошибиться. Проверьте длину и ширину лезвия, если они совпадут с ранами на теле Жанны...

– Спасибо, проверим.

Все совпало. Правда, на ноже не обнаружили частиц крови, тем не менее улик и мотивов оказалось предостаточно. Сопоставили передвижения участников маскарада, и выяснилось, что Эрнст и Влада часто

пропадали из поля зрения, следовательно, у них было время подбросить улики против Боба. Влада утверждала, что ей незачем было устраивать столь сложную интригу с убийством, Жанна была ее близкой подругой. И незачем было подставлять мужа, потому что накануне Нового года она объявила ему о разводе, но не хотела портить праздник друзьям. Однако против нее нашли неоспоримую улику: на ее черном хитоне остались следы крови Жанны. Как попала кровь на вампирский наряд, Влада не смогла объяснить. В общем, Боба отпустили, а Эрнста с Владой задержали.

– Все равно до меня не доходит, – сказал Марк, покручивая руль. После работы он вез Арину к Бобу, она хотела поздравить его с освобождением. – Почему Жанну прикончили? Почему Влада, желая избавиться от мужа, не наняла киллера и не грохнула его? Это проще.

– Месть трудно объяснить логически, – пожала плечами Арина. – Наверное, ее обида жаждала длительных лишений и страданий для мужа. Представь, как Бобу было бы тяжело сидеть в тюрьме за чужое преступление и не знать, кто его туда упрятал.

– Убедила. Выходи, ты приехала. Тебя подождать?

– Не стоит, сама доберусь. Встретимся через час у меня.

Вечер был такой приятный, тихий, снежный. Очутившись во дворе, Арина слепила снежок и кинула его в дверь, потом позвонила. Боб встретил ее бурно, долго обнимал, целовал руки.

– Ты небрит, выглядишь неважно, – сказала Арина.

– Я же недавно вернулся, часа три как дома, – потирая подбородок, смутился Боб. – Устал чертовски.

– И пьян?

– Чутьочку, – улыбнулся он. – Выпьешь рюмочку?

– Нет-нет. У меня завтра сложная операция, надо быть в форме. Как ты?

– И рад, и грустен, – вздохнул он и пересел на диван, обнял ее за плечи. – Аринка! Ты чудо. Хочешь, брошу свою жизнь к твоим ногам? Клянусь, буду верен.

– Оставь, ради бога! – рассмеялась и оттолкнула его она. – Бывших наркоманов и бывших донжуанов не бывает.

– Ну, раз не хочешь меня, то позволь купить тебе подарок. Например, золотые серьги.

– Это очень дорого, удовлетворюсь букетом. Что собираешься делать?

– Жить. Знаешь, я простил Владу. Правда, правда. В сущности, я сам виноват. Ей было трудно со мной, но этот урок для меня не пропал даром.

– Ладно, пойду. Не провожай, лучше отдохни.

Арина настояла, чтобы он лег на диван, накрыла его пледом и вышла на крыльцо. Пошарила в карманах: варежки оставила в прихожей. Она открыла дверь, вошла на цыпочках, чтоб не потревожить Боба, взяла со стола варежки и...

– Все обошлось, что ты психуешь? – голос Ольги.

– Как ты могла кинуть там мою зажигалку? – свирепо пыхтел Боб.

– Ты сказал, зажигалка Эрнста лежит на столе, а там было две похожих, – оправдывалась Оля. – Ты же должен был украсть у него нож.

– Не удалось! Не в карман же ему лезть! Я взял похожий нож в кухне и увидел, как он кинул зажигалку на стол, но забыл, что и моя лежит там же.

– В таком случае, нечего на меня наезжать. Если берешься за опасное дело, надо выполнять его точно, без сбоев. Мне показалось, я взяла его зажигалку.

– Показалось! – взвился Боб. – Не трогала бы, раз не была уверена. Зажигалка меня чуть не погубила.

– Тебя чуть не погубил мундштук! Как он мог вывалиться?

– Черт его знает, – снизил он тон. – Я думал, мне каюк.

– Спасибо скажи нашей врачихе. Это же она заметила, что зажигалки не было в мансарде.

– Уже сказал, – огрызнулся Боб.

– Слышала. Даже жизнь свою предлагал бросить к ее тощим ногам!

Арину шок едва не свалил с ног, она попятилась назад и задела пуфик, тот поехал по паркету, издав скрип, затем упал набок. От потрясения Арина не сразу увидела Боба, который вышел в прихожую:

– Ты?! Ты не ушла?!

– Варежки забыла... – пролепетала она и кинулась к двери.

Очевидно, опасность придает человеку скорость и силу, но не ей. Боб очутился у двери раньше, перекрыл выход, упер ладонь в стену. Он молчал, молчала и Арина. В его глазах она прочла нерешительность, страх, лихорадочный поиск. Да, он думал, что с ней теперь делать.

– Выпусти меня, Боб, – спокойно сказала Арина.

– Если ты ее выпустишь, мы оба сядем, – проскрипела Оля. – Надолго сядем.

– Почему ты не ушла? – произнес Боб отчаянно и закричал, ударив ладонью по стене: – Почему ты не ушла?!

– Значит, это вы... – протянула Арина, понимая, что ей отсюда не уйти, разве что произойдет чудо. А кто еще мог так великолепно подготовиться – подобрать грохочущую музыку, свободно передвигаться, отнять у всех мобильные, провод перерезать... – А как же кровь на хитоне Влады?

– Кровь? – переспросила Оля. – Я выпачкала ее хитон и спрятала его в сумку, когда подбросила зажигалку.

– Значит, это ты заперла нас с Зайчонком в мансарде?

– Вы с Зайчонком так топали босыми ногами, что даже мы услышали, – сказала Ольга. Ну и самообладание у нее – дьявольское, как и красота. – Подглядывать и подслушивать, Арина, подло.

– Кто б говорил о подлости, – промямлила Арина, которой не хватало воздуха от страха. – Но почему Жанна? Что она вам сделала?

– Нос совала, – зло бросил Боб. – Да не в ней дело. В моей жене! Она решила развестись со мной. Естественно, я должен был покинуть этот дом. А как мне жить? Где? У родителей в двухкомнатной конуре?

– Но имущество супругов делится пополам...

– Она ничего делить не собиралась, – с жаром возразил он. – Дом ее, бизнес ее, даже машина, на которой я езжу, принадлежит ей! А знаешь, как она поступала? Нет, не покупала сама, а якобы папа ей дарил. Подарки не делаются. К тому же она способна купить любой суд! А я последние лет пять не работал. Ну, не нашлось для меня дела в этом убогом городе! Что прикажешь мне говорить в суде? Что я у собственной жены альфонс? Я ненавижу ее, да, ненавижу! Из-за нее мне пришлось остаться здесь, а потом и вовсе сидеть без дела.

– Но Жанна-то при чем? – напомнила Арина.

– Эта тварь науськивала Владку, доносила о моих слабостях. Я просил ее не делать резких движений, она не вняла. Жанна мне угрожала: расскажу про тебя и Ольгу, если вы не прекратите разврат! Змея. И вдруг моя жена объявила: развод, я выхожу за Эрнста. Это еще она не знала об Ольге! Хорошо, сказал я, подчиняюсь. Да мне убить ее хотелось! Но, убив жену, я сразу стал бы подозреваемым. Жанка навела бы на меня следаков. Я нашел другой способ рассчитаться и с Владой, и с Жанкой... Да, я придумал подставить Эрнста и жену. Эрнст – друг, а подлез к моей Владке. Я мечтал их засадить надолго... чтоб сгнили там...

– Тебе это удалось, – сказала Арина, кусая губы.

– С твоей помощью, – вдруг улыбнулся он. И начал наступать на нее, она пятилась назад, не зная, что он замыслил. – Арина, ты – сообщница. На суде я заявлю, что ты помогала нам. Как тебе такой вариант?

– А что я получу взамен молчания? – пошла она на хитрость.

– Все, что скажешь, – глаза его торжествующе заблестели, он чувствовал, что Арина идет на сговор. – Деньги получишь. Теперь у меня никто их не отнимет...

– Не верь ей, Боб, – отрезвила его Оля. – Она лжет и продаст нас даром.

Боб остановился, собственно, и Арине отступать было некуда, она уперлась спиной в стену. Внезапно его ладонь легла ей на нос и рот, вдобавок он придавил ее своим телом. Арина отбивалась, но в состоянии паники, когда понимаешь, что твоей жизни пришел конец, такой нелепый, такой глупый и пошлый, – это бесплодные усилия. Сквозь туман – уходило сознание – она слышала крики:

– Стоять! Руки! Стоять!

Получив порцию воздуха, но не соображая, что произошло, Арина осела вниз. Потом она очутилась на улице, затем ее усадили в машину.

– Как вы? – заботливо спросил Зобов.

– Нормально, – прохрипела Арина. – Откуда вы взяли?

– С улицы. Мы прослушивали дом. Знаете, Арина, в такой истории, где нет полной уверенности, что не появится еще парочки убийц, надо все подвергать сомнению, чтобы не ошибиться. Мы записали ваш разговор с Бобриковым, потом ворвались...

И говорил, говорил... А ей было уже все безразлично. Арину привезли домой, на ступеньках сидел Марк.

– Коврик свяжи и положи у двери, – сказал он хмуро. – Мне как раз на нем самое место. Где тебя носило два часа?

– Марк, я дура, – всхлипнула Арина, присев рядом. – Что ты во мне нашел?

– Именно дурачку и нашел, – притянул он ее к себе. – Ну-ну, не реви. Ты опять куда-то влезла?

– Не спрашивай, Марк. Сегодня не спрашивай. Одно скажу: больше с моей стороны никаких инициатив не будет. Работа – дом, дом – работа.

– А я?

– И ты, само собой.

Она прижалась к нему теснее, наконец ощутив, что она живет и любит. Жизнь – вот какой бесценный подарок ей сделала судьба в рождественскую неделю.

Гатьяна Устинова

Никогда я не был на Босфоре

– Ну вот, – сказал гид. – Перед вами – Босфор.

– Никогда я не был на Босфоре, – тут же процитировал интеллеktуал Паша Семенов. – Ты меня не спрашивай о нем!

– А дальше как? – насмешливо поинтересовалась Маша Машина – такое у нее было имя, а может, она его себе придумала!

Маша не делала никаких попыток выйти из микроавтобуса, дожидалась, кто первым подаст ей руку. Первым руку подал гид. Маша оперлась на нее и, неторопливо перебирая длинными ногами, опустила себя на асфальт.

Нэсси посмотрела на нее и отвернулась.

И чего там перебирать ногами – две ступеньки всего?! Но у Маши все равно получалось перебирать, да еще так, что все мужчины немедленно кидались помогать, поддерживать, услужливо подставлять руки, плечи и другие части тела!..

– Так как там дальше, Паша? Про Босфор?

Интеллеktуал Семенов не знал, как дальше, а потому радостно объявил общественности, что по Босфору идет огромный сухогруз, хотя общественность и без него отлично это видела.

– Я в твоих глазах увидел море, полыхающее голубым огнем, – неожиданно высказался гид.

Маша Машина захлопала в ладоши, приподняла темные очки, сверкнувшие вдоль оправы бриллиантовыми капельками, и глянула на гида.

– А дальше? – это Светлана Петровна спросила.

– Дальше, дальше! – подхватила Маша и кончиками пальцев слегка коснулась гидовой куртки, как бы поощряя и награждая его своим прикосновением.

– Не ходил в Багдад я с караваном, не возил я шелк туда и хну, – как ни в чем не бывало продолжил подкованный гид. – Наклонись своим красивым станом, на коленях дай мне отдохнуть!

– Bravo, bravo! – закричала Маша, и Верочка посмотрела на нее неодобрительно.

До появления Маши Машиной первой красавицей в компании считалась она, Верочка, и ей не нравилось, что «переменчивая толпа» уже короновала новую королеву, а про старую все позабыли!..

Хорошо, что я не королева, подумала Нэсси.

И еще она подумала так: зачем меня-то сюда понесло?! Не могла сказать больно, что ли?! Придумать срочные дела в Москве?! Записаться на курсы повышения квалификации?!

Все романтики тебе не хватает, пояснила ехидная Нэсси-inside. Все приключений тебе хочется на собственную... м-м-м... ну, пусть будет голову! Все тебя тянет растревлять раны и скорбеть о прошлом, которое было столь прекрасным, что будущее, конечно же, уж наперед известно, таким прекрасным ни за что не станет!

Нэсси-outside нацепила на нос темные очки – Босфор сверкал невыносимо, – подошла к краю парапета и посмотрела в воду.

Вода была чиста и прозрачна до самого доньшка, до плотного коричневого песка, на котором лежали заросшие зелеными бородами водорослей камни. Были камни большие и маленькие. Большие выступали над водой, и хотелось упрыгать по ним в Босфор, и зеленые борода колыхались вокруг подсыхающих каменных лысин.

– Господи, тепло-то как! – мечтательно сказала Светлана Петровна, расстегнула дубленку и распахнула ее. – Мне не верится, что январь и всего три часа назад мы были в Москве!

– Я должна позвонить в свою квартиру в Монако! – неизвестно зачем объявила Маша Машина. – Мой друг хочет поставить свою машину в мой подземный гараж, и я должна позвонить, чтобы его пустили. У него спортивная машина, а я живу с видом на трассу Формулы-1!

Гид восхищенно поцокал языком. Паша Семенов подумал и тоже поцокал. Виталий Васильевич спросил, ловят ли в Босфоре рыбу, а Гриша так и не оторвал от уха телефон. Он разговаривал с той самой минуты, как самолет приземлился в Стамбуле.

Нэсси рассматривала рыбок, которые крутились вокруг камней. Турки, толпившиеся на пристани, бросали им куски лаваша, которые на лету хватили жадные, толстые и громогласные чайки. Смуглые турецкие дети визжали и носились между столиками уличного кафе, смуглые турецкие мужчины в турецких

кожаных куртках степенно курили, смуглые турецкие женщины в платках и длинных пальто, с кошелками, пристроенными на локоть, громогласно переговаривались, Босфор слепил глаза.

Он был голубой, синий, зеленый, желтый, а дальше вообще непонятного цвета, и солнце, отражаясь от чистой воды, било по глазам, и сухогруз вдруг заревел обиженным басом.

– До сих пор корабли по Босфору водят только турецкие лоцманы, – сказал гид у Нэсси над ухом, так близко, что она вздрогнула и оглянулась с изумлением. Он закуривал и щурился на воду.

– Представляете? – Он помахал спичкой, чтобы затушить огонь, и почему-то сунул ее, обгоревшую и скрюченную, в передний карман джинсов. – Никакие навигационные приборы не помогают.

– Неужели? – пробормотала Нэсси.

– Что? Что? – Маша Машина приблизилась и взяла гида под руку. – Вы говорите что-то потрясающе интересное!..

Гид послушно повторил про Босфор и про лоцманов, и Маша закатила глаза, будто в припадке восторга. Гид смотрел на нее не отрываясь. Впрочем, на Машу все смотрели не отрываясь.

Ну, тут все ясно. Эта группа пройдет у гида под знаком прекрасной русской девушки с прекрасным русским именем Маша и оставит о себе прекрасные воспоминания, быть может, самые прекрасные в жизни данного конкретного гида.

Нэсси покопалась в сумке, выудила темные очки – без всяких бриллиантовых капелек, между прочим, – и стала смотреть на Босфор.

Где-то здесь поблизости есть то, о чем столько раз было читано, слышано и учено в школе – Золотые врата Царьграда, древние стены Константинополя, бухта Золотой Рог и Святая София.

Впрочем, Царьград и Константинополь, а заодно и Стамбул – суть одно и то же.

Босфор изгибался, и на той стороне, где лежала Азия, были холмы, и мосты, перекинутые через пролив, казались ненастоящими, легкими, тающими, как ниточки сахарной ваты под ярким солнцем.

– Один из Османов, Баязет, для укрепления подходов к Константинополю со стороны Черного моря проложил поперек пролива чугунные цепи, которые натягивал специальный ворот при подходе врага. Пролив стал практически неуязвим с моря, и желающим поживиться богатствами древнего города оставалось только одно – тащить корабли по суше. Во дворце Топ-Капы мы увидим знаменитую картину...

Гид говорил уверенным, хорошо поставленным голосом товарища Левитана, Маша Машина обморочно попискивала, что-то бухтела Верочка, а Виталий Васильевич все спрашивал про рыбу, теперь уже у Гриши, знатока всей рыбы на свете.

Ждали шефа и того американца, которого шеф представил им на прошлой неделе как гениального маркетолога и вообще специалиста в области продвижения. Нэсси так и не поняла толком, что и куда продвигал американец, но в офисе все закатывали глаза и говорили, что он «о-о-о... творит чудеса!..».

Впрочем, может, она ничего не поняла, потому что как раз накануне ее бросил муж.

Нэсси раньше не знала, что бывает с женщиной, когда ее бросает муж, а теперь узнала.

Он сказал, что больше ее не любит, разлюбил, и теперь у него своя дорога, не та, по которой тащится Нэсси и где они до последнего времени ковырялись вдвоем. Эта новая дорога совсем не то, что старая, на которой ему было невыносимо скучно. Вот, и еще он сказал: «Прости меня».

Нэсси посмотрела на него, как на полоумного.

Как – прости? Что значит прости?

Ты только что лишил меня жизни, причем всей сразу, настоящей, будущей и прошлой, не оставив мне ничего, чем можно было бы утешаться, а теперь просишь у меня прощения?! Прости, мол, всякое бывает? Не обращай, мол, внимания, найдешь другого?! Ты еще молодая, красивая, какие твои годы, у тебя все впереди, а я пошел, ты меня прости!..

И ушел.

– Среднегодовая температура воздуха в Стамбуле плюс пятнадцать градусов, а воды в Босфоре плюс восемнадцать, – разорвался гид. Его никто не слушал, только Маша Машина смотрела не отрываясь, тонкие пальцы с очень яркими красными ногтями то и дело касались мужественной загорелой руки гида.

Ветер, показавшийся Нэсси очень холодным, вдруг налетел, обдал с головы до ног, заморозил щеки.

Ты поклялась себе, что перестанешь рыдать, сказала сердитая Нэсси-inside. Ты сказала, что тебе непременно нужно переться в Стамбул, чтобы быть «на людях», чтобы чувствовать себя нужной и занятой, чтобы не впасть в депрессию и не нырнуть в пучину отчаяния. Так чего ты теперь рыдаешь, и как раз на людях?! Не хватало тебе только, чтобы Маша Машина сейчас заметила, что тебе плохо, и кинулась бы тебя утешать! Хочешь Машинных утешений, дура?!

Ну, дура, ну и что, согласилась Нэсси-outside, убитая горем. Просто я не успела прийти в себя, понимаешь?! Просто еще неделю назад все было хорошо, и я даже билет ему купила, чтобы на тренинг в

Стамбул он полетел со мной. Я хотела, чтобы это был сюрприз – путешествие вдвоем, среди зимы, в сказочный город. Бухта Золотой Рог, январь на трубках Царьграда, фарфор и бронза на столе, комната на восемнадцатом этаже с видом на пролив, утренний запах кофе и мужского парфюма «после бритья», потом занятия с гениальным американцем и познание тайн продвижения, а потом – опля! И полдня в нашем распоряжении! И солнышко светит, и тепло, и Босфор плещется поблизости, и мечеть Султан-Ахмед полыхает тем самым голубым огнем над Босфором, и греческий акведук, уцелевший с прошлого тысячелетия, возвышается на том берегу, и все это наше на целых четыре дня!

Вот и выходит, что дура, поддала Нэсси-inside мрачно. Как это ты могла думать, что все хорошо! Значит, ничего не было хорошего, раз он повернулся и пошел! Да еще сказал – прости меня!

– Султанской мечеть считалась, если на каждом из минаретов было не менее трех балконов, а лучше все четыре, – надсаживался гид. – Когда мы с вами подойдем к мечети Султан-Ахмед, вы убедитесь, что... – продолжал он. Маша Машина уже держала его под руку, и локоть у гида казался замороженным, так старательно он отслеживал локтем Машину ручку.

Тут подкатил автобус, въехал почти на самый причал. За ним крался огромный черный «Мерседес» с тонированными стеклами. Нэсси уже обратила внимание, что в Стамбуле, как и в Москве, очень любят «Мерседесы» с тонированными стеклами – знак богатства, процветания и некоторых неладов с законом.

Из автобуса посыпались туристы в ярких куртках и белых брюках, с неизменными рюкзаками на плечах и свитерами, обвязанными вокруг пояса. Если бы это были американцы, они все как один были бы в резиновых шлепанцах и шортах. Если зимой на улице любого европейского или даже азиатского города вы видите человека в шортах – знайте, это американец! Для тепла шорты могут быть подбиты мехом, а под рубашку надеты пять маек разной длины, ширины и цвета. Но чтобы джинсы с курткой – никогда!..

Он же американец. Он привык. Для того чтобы «перепривыкнуть», нужно напрягаться, да еще и покупать эти самые джинсы – зачем?! Он же так привык.

Туристы все еще сыпались как горох и раскатывались в разные стороны из высокого автобуса, когда неспешно открылась дверь «Мерседеса», сверкнула на солнце, замерла, и только потом на асфальт выставилась нога в черном носке и черном же лакированном ботинке, как в кино про Дона Корлеоне. Следом за ногой показался весь шеф. Вылез наружу, как из берлоги, недовольно фыркнул, сощурился на Босфор, покрутил головой, одернул пиджак, нашел глазами своих и сразу отвернулся.

Уйду я от него, подумала Нэсси-outside. Вот теперь точно уйду. Терять мне все равно нечего.

Ты сначала поживи без мужа, посоветовала Нэсси-inside. Без его заботы, без его зарплаты, без его мамы, которая хоть раз в неделю придет, уберется, выгладит кучу его рубашек и кастрюльку щей оставит, которых хватает примерно до среды, а там уж посмотришь, уйдешь ты от шефа или нет.

Американец, «гений продвижения», бодро выскочил следом за шефом и сразу что-то затрещал, отсюда было не разобрать, что именно. Он трещал и показывал рукой на Босфор.

Вся компания из микроавтобуса сгрудилась вокруг гида и на скорую руку сделала вид, что внимательно слушает.

Гриша оторвал от уха мобилу, сунул в карман и огляделся, а Виталий Васильевич тихо и печально вздохнул, уставившись в воду, где плескалась рыба. Светлана Петровна по-дружески обняла Верочку, интеллектуал Паша осведомился, где Золотой Рог, получил несколько недоуменный ответ в том смысле, что «вот же он!», и успокоился.

Нэсси все смотрела на золотую солнечную дорогу, которая прямо по воде вела из Европы в Азию.

Станный, непонятный город! Разве может быть город одновременно в Европе и в Азии?

Нет, не так! Город, который соединяет Европу и Азию?! Разве такое возможно на самом деле?!

Вот он, Стамбул, и вот она, Европа, и вон она, Азия, и никакой мистики, и все-таки непонятно. Совсем непонятно!..

– А здесь же есть какой-то собор... я забыла! Ну, там раньше еще мечеть была, а потом его переделали в православный храм! Где он?

Гид посмотрел на Машу и любезно похлопал ее по руке.

– Если вы имеете в виду Святую Софию, – сказал он, – то ее отсюда не видно. Только православие тут ни при чем, и храм как раз создавался правителями Византии именно как христианский. Во время завтрашней экскурсии мы непременно посетим его...

– Завтра у нас тренинг, – заметила Светлана Петровна скучным голосом. – До двух часов у нас лекции, а потом мы едем осматривать местное кожевенное производство.

– Но у меня в программе записано, что завтра экскурсия в Ай-Софию! – возразил гид, полез в карман, достал бумажки и зашуршал. – Ай-София, или Святая София, называется так потому, что император Константин в свое время...

– А это вы у него спросите, – и Светлана Петровна кивком указала на шефа. – Он вам все расскажет и про Софию, и про Византию, и про то, чем мы должны заниматься во время тренинга.

Нэсси не слушала.

Как он мог меня разлюбить, думала она. Вот как это бывает? Любил, любил, а тут вдруг, в прошлую субботу, взял и разлюбил? И теперь ему нет до меня дела, и ему все равно, где я и что со мной?! И как долетела до Стамбула, и с кем я здесь, и как мне здесь, и не обижает ли меня кто, и успела ли я покурить перед лекцией, ведь он же знает, что я не могу долго без сигареты и начинаю бросаться на стены?! Еще он знает, что я не могу долго ходить и постоянно растираю в кровь пятки и мне всегда нужно везти с собой шлепанцы, чтобы ходить хоть в чем-нибудь, потому что ни в одни туфли я не могу засунуть распухшие ноги?! И еще он знает, что я плохо сплю на новом месте, а потом ничего не соображаю, и мне утром непременно нужно три чашки крепкого кофе, и я могу забыть очки, а без них я как слепая курица! Он знает все это, только ему теперь все равно.

Все равно.

Потому что он меня разлюбил.

В его жизни появится – или уже появилась – какая-то другая женщина, про которую он будет все знать – или уже знает, и именно ее он будет любить – или уже любит.

– Нам нужно поторапливаться в отель, – говорил гид у нее за спиной. – На всякий случай мне придется уточнить кое-какие планы, если вы утверждаете, что завтра никаких экскурсий быть не может.

– Ах, какая ерунда! – нежно прижавшись щекой к его кожаной куртке, проговорила Маша Машина низким голосом. – Мы с вами завтра пойдем на экскурсию вдвоем, если все эти противные люди будут сидеть на своем противном тренинге! В конце концов, Стамбул – это... – тут она подумала немного, и от усилия мысли на лбу у нее появилась крохотная складочка. – Стамбул – город контрастов!

Гид кивнул.

– Управдом – друг человека! – провозгласил Паша Семенов, и Виталий Васильевич на него шикнул. Никому не хотелось обижать Машу Машину, не только красавицу, но и умницу, точно знавшую, что Стамбул – город контрастов.

В отеле, куда прибыли тем же порядком – вся компания в микроавтобусе и шеф с американцем в «Мерседесе», – некоторое время выясняли, кто где живет и во сколько завтрак. Верочка закатила небольшой скандал – ее номер оказался на пятом этаже, и Босфор был не слишком хорошо виден. Она плакала и говорила, что так всегда, все живут выше ее. Пока переселяли Верочку, пока выясняли, входит ли ужин в стоимость номера, – оказалось, что не входит и каждый платит за себя, – спрашивали, где конференц-зал, снятый для тренинга, и оказалось, что он в Южной башне, а все жилые номера в Северной, за всеми этими делами незаметно наступил вечер, и пора было расходиться по номерам.

Нэсси проплакала всю ночь и утром, взглянув на себя в зеркало, чуть не зарыдала снова – от отвращения.

Пришлось срочно делать макияж, и с толстым слоем краски на лице, с тональным кремом на щеках, ушах, шее и, кажется, даже в подмышках она напоминала сама себе харбинскую певичку времен белой эмиграции.

В конференц-зал она вбежала последней, плюхнулась на самый последний стул, стоявший в самом последнем ряду,хватила из сумки блокнот и ручку и сделала вид, что сидела тут всегда. Уж по крайней мере со вчерашнего вечера!

Но на нее никто не обратил внимания. Даже шеф не повернулся и не посмотрел уничижительно, а уж он-то должен был! Он терпеть не мог расхлябанности сотрудников. Расхлябанностью считалось все – разговор с мамой по телефону, сигарета среди рабочего дня, чашка кофе возле компьютера и прочая ерунда, без которой, как всем известно, человек жить не может.

Шеф считал, что вполне может.

Тишина была наряженной и странной, и усатые молодые турки из администрации отеля что-то серьезно втолковывали друг другу, а остальные молчали и не смотрели друг на друга.

Нэсси посидела-посидела, а потом подобралась поближе – привстала со стула и просеменила в следующий ряд в положении «сидя». До своих было все еще далеко, и, посидев немного, она вновь просеменила намного ближе.

– Что вы там мечетесь, Анастасия! – в сердцах сказал шеф. – Опоздали, а теперь мечетесь!..

– Я не мечусь, – пробормотала Нэсси и покраснела под своим диким макияжем. – Я прошу прощения, но после перелетов мне всегда трудно адаптироваться...

Шеф фыркнул и ничего не сказал, только головой pokrutil, а Светлана Петровна оглянулась и глазами показала ей место рядом с собой.

Нэсси сделала некоторые пассы и наконец оказалась там, где надо.

– Американец пропал, – не разжимая губ, как русская разведчица во время встречи со связником в кинематографе «Эксельцинор», просвистела Светлана Петровна. – Не ночевал. Постель не разобрана. Телефон не отвечает.

Чепуха какая, подумала Нэсси. Вот меня, к примеру, муж бросил, и это ужасно, но никто не делает вид, что настал конец света! А тут американец пропал, подумаешь! Загулял где-нибудь и не знает, как добраться до отеля, всех и делов-то!

– Найдется, – не поднимая глаз, тихонько ответила Нэсси. – Это Стамбул, а не Багдад, тут людей не похищают!..

Светлана Петровна незаметно пожала плечами и метнула взгляд в сторону шефа. Тот сидел и барабанил пальцами по сиденью ближайшего стула. Стул был мягкий, и ничего не было слышно, и казалось, что шефа это тоже раздражает – он страшно зол, вот же барабанит, а никто не слышит!..

– Он из отеля не выходил, – детективным шепотом выдала Светлана Петровна. – И нигде его нет!..

– Как – не выходил?

– Очень обыкновенно. Не выходил, и все тут.

– А... откуда это известно?

– От Марка.

– От... кого?!

– От Марка, – слегка раздраженно сказала Светлана Петровна, как будто Нэсси никак не могла взять в толк, что бессмертный труд «Капитал» написал именно Карл Маркс, и выражала по этому поводу всякие сомнения.

– А кто такой этот Марк?

– Настя, Марк Волохов – наш гид, он нас вчера встречал в аэропорту! Ты что? Забыла?

Нэсси не забыла, она понятия не имела, что гида зовут таким прекрасным литературным именем!.. Она и половину не слышала из того, что он говорил в аэропорту и в автобусе, потому что все пыталась дозвониться мужу, а тот не брал трубку, и каждый звонок был все безнадежней и безнадежней, как будто еще больше отдалял его от нее, и в конце концов она заплакала под темными очками, и ругала себя за то, что плачет, и утирала слезы скомканной бумажной салфеткой, найденной в кармане джинсов, а потом гид декламировал «Никогда я не был на Босфоре». Вот и все.

И еще она была уверена, что он турок. Ну, в смысле гид – турок. Он же смуглый, темноглазый и говорит с акцентом!.. Истинный турок.

– А откуда он знает, что американец не выходил?

– Он у охранников спросил.

– Ну-у-у, откуда охранники могут знать!..

В это время от группы обеспокоенных усатых турков отделился гид с литературным именем, приблизился к шефу – турки провожали его встревоженными глазами, – наклонился и начал что-то быстро говорить.

– О, господи, – вздохнула Светлана Петровна постно. – Один раз в жизни на тренинг за границу повезли, и тут американец пропал! А мне бы дубленку купить. Как ты думаешь, теперь никого не выпустят?

– Что за глупости! – пробормотала Нэсси, достала из сумки телефон и посмотрела в окошечко. Может, муж звонил, а она пропустила? Может, звук как-то случайно выключился? И он не дозвонился, так ведь иногда бывает! А потом в окошечке возникнет спасительная надпись «непринятый вызов», и жизнь начнется сначала, такая же прекрасная, как прежде!..

Ничего не было в окошечке. Только его фотография, прошлогодняя, из Питера, где он очень веселый, и в руке у него роза, только что купленная у цветочницы для нее.

Не звонил. Не пропустила она вызов.

Литературный герой Марк Волохов все что-то шептал, наклонившись к шефу, и лицо у того делалось все неприятней и неприятней.

– Мальчики! – вдруг ни с того ни с сего спросила Маша Машина. – Ну что там у вас такое? Мы сегодня начнем или нет?!

Шеф, которого, наверное, только в яслях называли мальчиком, а сразу после яслей и непосредственно перед детским садом нарекли Михаилом Павловичем, вздрогнул и покраснел, как будто услышал неприличное слово.

Маша улыбнулась.

– Ну, пра-ава! Скучно просто так сидеть! Ужасно!

Турки смотрели на нее не отрываясь, – очень уж хороша, – и охранники смотрели, и Гриша с Виталием

Васильевичем.

Нэсси украдкой взглянула на телефон – не появился ли там «неотвеченный вызов».

– У нас проблемы, – процедил шеф. – Я прошу никого не расходиться и отнестись с пониманием.

Ого! Неслыханное дело – шеф просит сотрудников отнестись с пониманием! Не иначе Мраморное и Черное моря повернули свои воды в сторону Ледовитого океана!

– О-хо-хо, – пробормотала Светлана Петровна. – Не отпустят меня за дубленкой, чует мое сердце!..

Марк Волохов все продолжал шептать, а шеф отстранялся от него дальше и дальше, и Нэсси показалось, что он сейчас упадет со стула.

Никакого «неотвеченного вызова» не было в окошечке телефона.

Он меня разлюбил. Он сказал мне об этом совершенно спокойно, сидя на нашем диване перед нашим телевизором, в комнате, которую мы роскошно именовали «гостиная».

Он больше никогда не будет мне звонить. Зачем?.. Он же меня разлюбил.

– Дамы и господа, – вдруг громко сказал шеф и рукой отодвинул от себя гида. – У нас проблема. Питер Маклафлин исчез, но между тем доподлинно известно, что из гостиницы он не выходил. Турецкая полиция настоятельно рекомендует мне не поднимать шума и не привлекать к делу ни наше, ни американское посольства. Мы более чем уверены, что наш американский коллега где-то здесь, в отеле, и с минуты на минуты его разыщут. Тренинг по понятным причинам откладывается до его появления. Все свободны.

Светлана Петровна вскочила так проворно, что у нее с колен упал блокнот.

– Можно идти?! – спросила она голосом человека, который вдруг перед самыми воротами тюрьмы получил амнистию и не верит караульным, которые велют ему валить на все четыре стороны. – Можно?

– Все свободны! – с нажимом повторил шеф.

– И... в город можно выйти?

– Сейчас десять двадцать семь, – объявил шеф, взглянув на часы. – До пяти часов все свободны! В пять сбор в холле отеля на первом этаже. И никто не опаздывает!

Через головы он выразительно взглянул на Нэсси и смотрел несколько секунд.

Маша Машина поднялась с кресла, сделала легкий пируэт, взмахнула сумочкой на длинном ремне и оказалась рядом с гидом.

– Ну, показывайте нам ваш вечный город! – сказала она и сделала книксен. – Мы готовы!

– Машенька, – добрым голосом произнес шеф, глядя на нее, – простите нас, но мы... не можем. Мы американца будем искать.

– И я! – весело сказала Маша. – И я буду искать американца! Это же так замечательно, как в детективе! А я очень люблю детективы!..

Нэсси поплелась к выходу. Что она станет делать в Стамбуле?! Ей бы сейчас работы побольше, так, чтобы навалилась и задавила, ей нельзя одной по улицам бродить, она с ума сойдет! Она и в командировку эту напросилась только затем, чтобы уехать из Москвы, где муж ушел из их общей квартиры и из их общей жизни!..

Первым делом она смывает макияж в духе харбинской певички времен белой эмиграции, а потом попробует поспать. Вот было бы здорово, если бы можно было спустить в унитаз телефон и не проверять поминутно, нет ли «неотвеченного вызова», и не уговаривать себя, что звонить нельзя. Ну, никак нельзя звонить, ведь есть же эта самая женская гордость, черт бы побрал ее!..

Она вошла в номер – *Bosphorus room*, вид на пролив и бухту Золотой Рог, – послонялась немного, потом посмотрелась в зеркало. Ничего хорошего там не показывали, и Нэсси открыла в ванной воду.

Буду лежать в горячей воде столько, сколько вздумается. Торопиться мне некуда, не пойду же я на самом деле одна гулять по Стамбулу! Может, там... – и она взглянула за окно, где простирались ухоженные газоны и цвели магнолии, – может, там опасно!..

Мылом и горячей водой она смыла краску с лица, еще немного посмотрелась в зеркало и немного огорчилась, а потом улеглась в воду и лежала довольно долго.

Потом в дверь постучали.

Нэсси решила, что пришла горничная – в гостиницах в номер то и дело приходят горничные. Зачем они приходят, неясно, но, видимо, так положено, вот они и таскаются туда-сюда, и Нэсси показалось самым разумным не высказывать из ванны, а тихо лежать себе, а горничная сообразит и сама уберется.

Стук повторился, очень настойчивый. Потом еще раз. И еще.

Нэсси кое-как выбралась из глубокой и узкой ванны, натянула халат, который моментально стал колючим и мокрым, прошлепала в коридор, оставляя мокрые следы, и распахнула дверь.

И чуть не упала назад.

За дверью не было никакой горничной, зато были шеф Михаил Павлович и гид с чудесным

литературным именем Марк Волохов.

Произошла короткая немая сцена. Нэсси смотрела на прибывших, а они на нее.

Что-то нужно было делать, и поэтому Нэсси спросила довольно грубо:

– Вам чего?

От неловкости грубо!..

– Можно войти? – это шеф спросил. Он отводил глаза от ее мокрого халата и смотрел вдоль коридора, словно там происходило нечто очень интересное.

– Входите, – растерянно разрешила Нэсси. – Только я... я пока еще без галстука, и поэтому...

– Мы пришли, чтобы попросить вас о помощи, – поспешно выговорил Марк Волохов, турецкий гид. – Вы не беспокойтесь, пожалуйста. Мы можем подождать за дверью, пока вы оденетесь, а потом мы все вместе спустимся в лобби-бар...

– Да не нужно ждать за дверью! – воскликнула Нэсси, проклиная ситуацию, которая стремительно выходила из-под контроля. – Проходите, садитесь, а я... В общем, я быстро!

Она юркнула в ванную, натянула джинсы и майку – майка на мокрое тело не лезла, застревала на спине, – подула феном на волосы, а потом, решив, что лучше все равно не станет, выскочила в комнату.

Михаил Павлович созерцал Босфор, магнолии и лужайки.

Гид сидел на диване и в одной руке держал сигарету, а во второй зажигалку.

– Это была не моя идея! – сразу же признался Михаил Павлович, как будто Нэсси обвиняла его в присвоении некоей идеи. – Но Марк считает, что стоит попробовать.

– Что... попробовать? – не поняла Нэсси. Эти двое ее нервировали.

– Я сейчас все объясню, – торопливо сказал гид. – Проблема серьезней, чем кажется.

– В смысле... американца? – сообразила Нэсси.

– Именно, именно, – голосом учителя, который хвалит ученицу, согласился гид. – Он подданный Соединенных Штатов, прилетел из России, и ставить сейчас в известность консульство... нам бы не хотелось. Может, и в самом деле он просто где-то... задержался немного. Но так или иначе, если мы не найдем его сами и очень быстро, отелю придется поставить в известность власти, и начнется полицейское расследование, чего нам бы очень не хотелось.

Нэсси помолчала.

Ей необходимо было послушать, что скажут те две Нэсси, из которых она состояла: Нэсси-inside и Нэсси-outside.

Inside сказала, что она, Нэсси, тут уж точно ни при чем, и не понятно, зачем они явились.

Outside отмахнулась – ах, все понятно! Сейчас начнется сериал про Пуаро – они будут допрашивать каждого, кто в последний раз и при каких обстоятельствах видел Маклафлина, а потом дядюшка Пуаро пошевелит своими серыми клеточками и выдаст ответ: Питер Маклафлин лежит мертвый на крыше за водосточной трубой номер семнадцать. А кошмарный убийца находится среди нас и в это самое мгновение замышляет новое преступление!

Ты тут ни при чем, заявила Inside.

Тут никто ни при чем, зато интересно, опять отмахнулась Outside. Зато я уже три минуты не смотрю на телефон и не проверяю, есть ли там «неотвеченный вызов».

– Вы работаете в моем агентстве дольше всех, – бухнул Михаил Павлович. – Из старой команды только вы одна осталась.

– Вы... хотите меня уволить?

– Боже сохрани, – испуганно сказал Михаил Павлович. – Я хочу с вами проконсультироваться. Я ни черта не знаю сотрудников, даже имена путаю. Вы должны нам рассказать, что они собой представляют.

Нэсси вдруг струхнула.

– В каком смысле?..

– Да без всякого смысла! Ну, например, эта дура Маша! Кто ее взял на работу? Когда? Зачем? На какую должность? Почему она поехала на тренинг? Или ее должность подразумевает возможность тренинга?

Во дает, восхитилась Нэсси-inside. Он даже не знает, кто и зачем взял на работу Машу Машину! Или брешет?

Да ничего он не брешет, как обычно не согласилась Нэсси-outside. Он и в самом деле не знает. Ну, он большой начальник, у него три офиса, все в разных концах Москвы, сотрудников миллион.

– Кто выбирал персонал для тренинга? Из каких соображений? Или все приехавшие такие крупные специалисты по брендингу и рекламе, что их непременно должен был обучать самый крупный в мире специалист по этим вопросам? С кем из персонала он знаком лично? Когда познакомился?..

– И не только это, – вступил турецкий гид Марк Волохов. – Кто где вчера провел вечер? Если вы знаете,

конечно. Это самое главное.

Нэсси переводила взгляд с одного на другого.

Вот вам и папаша Пуаро! Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Чепуха какая-то.

– Михаил Павлович, – начала она. – Питер Маклафлин работал в офисе на Тверской почти две недели и...

– Да это не нужно! – рыкнул шеф совершенно по-свински. – Я все знаю. Мой водитель встречал его в аэропорту! Если бы вы знали, чего мне стоило, чтобы именно он прилетел на открытие конференции по пиару! Ведь это же совсем другая история, когда конференцию открывает сам Маклафлин! И в этот чертов Стамбул я его повез, потому что ему, видите ли, очень хотелось! Пришлось выдумывать какой-то там тренинг! Ах, черт!..

– Вы... не волнуйтесь, – неожиданно для себя сочувственно сказала Нэсси. – Он найдется.

– Анастасия! Вы должны быстро мне помочь, а не утешать меня, как будто я школьник!

– Да я с удовольствием...

– Плевать мне на ваше удовольствие! – заорал шеф, и шея у него покраснела. – Говорите по делу, и точка!

– Так вы и спрашивайте по делу! – тоже довольно громко сказала расхрабрившаяся Нэсси. – Я же не знаю, что вам нужно!

– Маклафлин был знаком со всеми сотрудниками? Ну, я имею в виду, со всеми, кто прилетел сюда?

Нэсси подумала.

– Со всеми.

– Значит, Семенов, Машина, Светлана Петровна, дядька, который интересуется рыбалкой...

– Виталий Васильевич, – подсказала Нэсси. – Дирекция продаж.

– Красотка и мужик с телефоном.

– Красотку зовут Вера, она пресс-секретарь. Гриша – начальник отдела дизайнеров.

– Одни начальники, – констатировал шеф.

– Из центрального офиса пришла директива, что на этот тренинг едут только менеджеры, желательно даже не среднего звена, а чуть повыше, – высокомерно отвечала Нэсси. – Было так и сказано, что нам представится уникальная возможность общения с самим Питером Маклафлином, богом для каждого современного маркетолога и пиарщика. К нам от вас даже специальный человек приезжал, чтобы проконсультировать нас, чему мы должны научиться у Питера.

– Да что вы говорите? – неожиданно развеселился шеф. – Специальный человек?!

– Представьте себе!

Тихо-тихо, попыталась урезонить ее Нэсси-inside, но Нэсси-outside отмахнулась.

Да ладно тебе! Зато смотри как интересно! Ты видела этого самого Михаила Павловича хорошо если семь раз в жизни, а теперь он пришел к тебе за какой-то помощью и разговаривает с тобой почти на равных, а что это, если не возможность дальнейшего головокружительного карьерного роста!

...Или все-таки это никакая не возможность роста, а просто американец пропал?..

– Тот человек нам разъяснил, что в глазах такого великого профессионала, как Питер, мы не должны выглядеть некомпетентными. Мы заготовили умные вопросы для тренинга, с тем чтобы он ни в коем случае не принял нас за дураков.

– За дураков? – переспросил шеф.

– За дураков, – подтвердила Нэсси.

Outside в это время закатила глаза, а Inside захлопала в ладоши.

– Потом он приехал и оказался вполне приличным человеком, и мы даже подружились с ним...

– Хорошо. То есть с ним все были знакомы, и к любому из вас он мог зайти вечером на банку пива с солеными орешками?

– Куда зайти? – не поняла Нэсси. – В гости? В Москве?

– Да при чем тут Москва! Здесь, в Стамбуле!

– А-а... я не знаю. Ну, ко мне он не заходил.

– Вот это очень важно, – вступил Марк Волохов, турецкоподданный. – Помните, пожалуйста, Анастасия, когда вы вчера видели его последний раз?

Нэсси совершенно точно помнила, когда видела Маклафлина последний раз. И понятия не имела, можно ли говорить об этом сейчас.

И она соврала.

– На рецепшене. Когда оформляли наши бумаги. Потом мы все разошлись. Нас со Светланой

Петровной и Верочкой проводили на этот этаж, и наши сумки привез мальчик в ливрее. Он их разнес по номерам, и все. Кстати, Маклафлин тоже на нашем этаже живет, но его чемодан отдельно привезли. Он очень большой и не помещался на тележку.

– И больше вы Маклафлина не видели?

Это гид спросил.

Нэсси пожала плечами, что можно было истолковать как угодно.

Шеф и гид истолковали как полное и всяческое отрицание того, что она видела Маклафлина.

– А еще кого и где вы видели? Ну, вечером?

Нэсси подумала.

– Видела Гришу. Он таскался по коридору с вазой.

Шеф и гид переглянулись.

– С какой вазой?

– Ну, с обыкновенной, стеклянной. Он искал айс кьюбик машин.

– Что?!

– Ну, машину для производства льда. В проспекте написано, что в нашем отеле на каждом этаже имеется айс кьюбик машин и все проживающие могут прийти и начерпать оттуда льда сколько угодно.

– А... Гриша живет на вашем этаже?

– Нет.

– А на каком?

– Я не знаю, – покаялась Нэсси. – Наверное, это лучше спросить у него. Или на рецепшене.

– А за каким чертом он пришел на ваш этаж, если машина для льда стоит на каждом?

Нэсси пожала плечами.

Шеф и гид переглянулись с видом стопроцентного мужского превосходства и стопроцентного мужского понимания ситуации.

Уроды, решительно констатировала Нэсси-inside.

Совершенно нормальные мужики, поправила Нэсси-outside.

– Так, хорошо, – шеф некоторое время подумал. – А кого и когда вы видели еще?

Нэсси пожала плечами, припоминая.

– Ну, я спускалась в лобби-бар, уже в одиннадцать, наверное. Видела вас, Михаил Павлович, с Машей Машиной. Вы сидели в правом углу, за роялем, правильно?

– Правильно, – буркнул шеф.

– Потом вы ушли, а Маша осталась. Она немного посидела и ушла.

– Куда? К лифтам? Или в бассейн?

Нэсси изучающе посмотрела на шефа.

– На улицу она ушла, Михаил Павлович. Она и одета была по-уличному, шубка в кресле лежала. Или вы не заметили?..

Шеф отвел глаза и сказал, что не обязан ничего замечать, он кофе выпил с красивой женщиной и пошел работать, и зря выпил, между прочим, потому что потом у него, как на грех, сделалась бессонница, и лучше бы он американца караулил, потому что все равно не спал!

Он бормотал, как будто оправдывался, и Нэсси вдруг его пожалела.

Устроил знаменитому американцу поездочку! Американца потерял, денег сколько ухлопал, и еще неизвестно, что из этого выйдет и кто будет открывать конференцию, ради которой он так старался!

Гид тоже смотрел на шефа, и как-то странно.

– И больше вы никого не видели?

– Паша и Виталий Васильевич играли на бильярде рядом с баром. Там еще немцы толпились. Я когда в лифт садилась, их видела. И все. Больше никого.

– Не волнуйтесь, – сказал гид шефу и похлопал его по плечу. Шеф, до которого, как до английской королевы, никто и никогда не смел дотрагиваться, дико на него взглянул. – Еще ничего не известно. Он вполне мог... задержаться до утра в каком-нибудь ресторане или клубе.

– Ну да, – согласился шеф. – Задержаться он мог!.. Сегодня он задержался, мать его, а завтра мне записку с требованием выкупа подложат, мать его!..

– Ну, мы все-таки не в России, – сказал гид несколько высокомерно. – Здесь совершенно другая криминальная ситуация, и полиция на высоте.

– Мне нужно найти американца, – проскрипел шеф. – Без всякой полиции. Вы что?! Не понимаете?! Это ведь и моя репутация тоже!

– А можно я посмотрю паспорт? – вдруг попросила Нэсси. – Как вы думаете, нам разрешат, Михаил

Павлович?

– Какие... паспорта?

– Наши, – пояснила Нэсси. – Ну, мы же, когда прилетели, все паспорта сдали на рецепшен. Нам их обещали сегодня вернуть, но еще не вернули. Как вы думаете, можно их забрать и посмотреть?

Шеф пожал плечами и взглянул на гида.

Тот тоже пожал плечами.

– В принципе... Ну, конечно, можно, наверное... А зачем вам паспорта?

– Я хочу посмотреть визы.

Куда ты лезешь, зашипела Нэсси-inside.

Отстань, приказала Нэсси-outside. Я знаю, что делаю. Кроме того, это так интересно!

Ты всегда знаешь, что делаешь, только потом наш муж почему-то говорит, что он нас больше не любит и жить с нами не хочет, не унималась Нэсси-inside.

На это возразить было решительно нечего, и другая Нэсси промолчала.

– Зачем вам визы и какие именно визы вы хотите смотреть? Американские?

– Ну да, – согласилась Нэсси. – Хоть бы и американские! А что? Визы как визы, ничем не хуже других!

Должно быть, шеф решил, что она ненормальная и зря они с ней связались, и все это совершенно неправильно, но все-таки они потащились на первый этаж, и гид Марк Волохов на странном языке долго что-то говорил, объяснял, за конторкой тоже переговаривались тревожными голосами, но паспорта им в конце концов отдали – довольно большую стопку.

Нэсси схватила всю стопку, плюхнулась в ближайшее кресло и стала торопливо листать. Некоторые страницы были упругие и новые, другие засаленные и похожие на жухлые листья, печати, штампы, марки, визы...

Нэсси не удержалась и посмотрела на паспортную фотографию Маши Машиной. Всем хорошо известно, что паспортные фотографии всегда отличаются редким уродством, но Маша и тут оказалась на высоте! На фото она казалась еще красивей, моложе и даже человечней, что ли!..

Ну почему, почему мне никогда не быть такой!

Нэсси внимательно пролистала все страницы и вернула стопку шефу.

– Хо-ро-шо, – сказала она по слогам. – Просто отлично.

– Да что вы делаете-то?! – грубо спросил неотесанный шеф. – Вы что? В детектив играете?! Телесериал решили снять?!

– Мне нужно в номер, – объявила Нэсси. – Я забыла там телефон.

Она поднялась из-за столика, и солнце вдруг брызнуло с Босфора, залило холл, осветило лица, и оказалось, что Нэссин шеф – совсем еще молодой мужик, очень сердитый, замученный бессонницей и проблемами, немножко смешной, а в общем, довольно... симпатичный.

Да ладно тебе, тут же сказала Нэсси-inside.

Правда-правда, подтвердила Outside.

Нэсси встала, проворно пошла в сторону лифтов, но вдруг охнула и сморщилась.

– Я ногу вчера стерла, – пожаловалась она. – Туфли ужасные. Теперь ходить не могу. Марк, вы не принесете мне телефон, а? Я вам ключ от своего номера дам! Пожалуйста!

– Конечно, – пробормотал гид не слишком уверенно. – А где он у вас?

– На полочке под зеркалом, – не моргнув глазом, соврала Нэсси. – Как войдете, с правой стороны. Извините меня, пожалуйста!

– Ничего, ничего, – пробормотал вежливый гид. – Вы меня здесь подождете?

– Ох, ну конечно!..

Он пошел в сторону лифта, а Нэсси все терла свою ногу. А шеф все смотрел на нее.

– Какого черта, – сказал он наконец, – какие ноги, какие туфли, вы же в тапочках!

– Быстрей, – сказала Нэсси. – Поехали.

– Куда?!

Но ей некогда было отвечать!..

Она вихрем помчалась по лестнице, шеф кое-как плюхал следом за ней.

Бежать было довольно далеко, и подниматься высоко, и Нэсси старалась изо всех сил.

Когда она подбежала к двери, дышать не было сил. Она взялась за медную, до блеска начищенную ручку, нагнулась и несколько секунд дышала в таком положении.

– Вы что?! С ума сошли?!

Нэсси выпрямилась и постучала.

Никто не ответил, и она постучала еще раз.

– Хелло-у! – отозвались из-за двери. – Кто там?

– Это я, – сказала Нэсси, изо всех сил стараясь не сопеть. – У меня зарядник пропал, а телефон садится! У тебя нет зарядника?..

– О-ох, сейчас...

– Спрячьтесь! – приказала Нэсси шефу шепотом. – Ну, хоть вон за кадку!

– Я?! – изумился шеф. – За кадку?!

Она затолкала его за огромную раскидистую пальму, украшавшую собой благолепный и тихий холл, и очень вовремя. Дверь распахнулась, как раз когда она метнулась снова и оказалась прямо перед ней.

– Входи, – зевнули с той стороны. – Только мне зарядник тоже нужен, так что ты мне его верни-и-и...

Нэсси, оттолкнув с дороги сонную и еще более прекрасную Машу, вбежала в номер и огляделась, как спаниель, вынюхивающий утку.

– Ты что, Настька?! Что ты делаешь?!

На столике лежало черное зарядное устройство с проводом, и Нэсси проворно его схватила, осмотрела и сунула в карман.

– Ну вот, – сказала она Маше Машиной, которая только испуганно моргала. – А где американец? Его ведь в отеле нет? Правильно? Вы где-то его спрятали, и вместо него в отель вернулся Марк, да? Поэтому служба безопасности и утверждает, что ночью из отеля он не выходил! Но я же видела его вечером, у меня окна смотрят на центральный подъезд! Я видела, как ты шла с ним под ручку и посадила его в машину. Эту машину я видела в аэропорту, на ней приехал наш гид, а потом вместе с нами он вернулся на микроавтобусе! Маленький такой «Рено Меган», не слишком новый, но чистенький. Вы с американцем сядились именно в такую машину.

– Ну и что?! – крикнула Маша Машина и тряхнула волосами. – Мало ли с кем и куда я сажусь!..

– Я только что посмотрела паспорта. Ни у кого из наших нет турецких марок, которые наклеивают в паспорт, когда проходишь границу. Здесь никто из сотрудников не был, Маша! А у тебя этих марок штук семь, наверное! И Марк совершенно точно с тобой знаком, потому что там, на пирсе, ты ему руку сунула в карман и он ее там поглаживал, я же видела! Чья это была идея, его или твоя?

– Ка... какая идея?!

– В Стамбуле пропадает богатый американец. И еще знаменитый! Выкуп можно просить какой угодно, хоть миллиард, и заплатят! Да наш шеф заплатит, потому что боится скандала! Ты его выманила из отеля, посадила в машину, а этот твой Марк отвез его на квартиру, да? Потом переоделся в его джинсы и дубленку и вернулся сюда, к тебе, и его все приняли за американца, потому что он так же одет, а тут все-таки не Пентагон, и служба безопасности не как в Пентагоне! Где он, Машенька?

– Я... я не знаю! И вообще ты все врешь! Врешь!

– Я не вру, – сказала Нэсси и достала из кармана черное зарядное устройство. – Знаешь, что это такое? Это зарядник для телефона стандарта TDMA. Это американский стандарт. В Европе у всех GSM, поняла? А еще разбоем занимаешься и похищением людей! Занимаешься, а таких простых вещей не знаешь!

Тут что-то произошло у нее за спиной, кто-то хрипло крикнул, навалился, начал ее душить, и больше она ничего не видела, кроме сверкающего за окнами Босфора, по которому шел сухогруз под американским флагом...

– Ну вот, – сказал он, – перед нами Босфор. Он соединяет три моря, Черное, Средиземное и Мраморное. Один из самых древних проливов, известных человечеству. Пересечение торговых путей и всякое такое. До сих пор корабли по Босфору водят только турецкие лоцманы, потому что лоции так сложны, что ...

– Никакие навигационные приборы не помогают, – подхватила Нэсси и сунула озябшую руку в карман его короткой дубленки. В кармане было тепло, и жесткая лапа сразу же сдавила ее пальцы.

– Где-то на этом месте я и влюбился в тебя, – сказал он неожиданно. – Ты стояла и таранилась на Босфор, и вид у тебя был несчастный.

– Да ладно, – перебила его Нэсси. – Ты влюбился, когда душил того гида, помнишь? А он душил меня!

– Хорошо хоть до конца не задушил! – сказал он довольно сердито, повернулся и поправил на ней шарф, как на маленькой девочке. – Пошли, я есть хочу, помираю. Ты что, не знаешь, что твоего нового мужа нужно всегда вовремя кормить? Или тебе выдать инструкцию по эксплуатации?

– Моего мужа нужно всегда кормить вовремя, – повторила Нэсси и засмеялась. – И не нужно мне инструкций! Мишка, скажи мне, что там, после того, что «никогда я не был на Босфоре»?

– Я в твоих глазах увидел море, – буркнул ее бывший шеф, не склонный ни к каким сантиментам, – полыхающее голубым огнем!..